

КРИСТИНА ЮРАШ

ЖЕНА МЕРТВОГО
КНЯЗЯ

Annotation

Муж умер в первую брачную ночь!

Что мне теперь делать, ведь я нахожусь в чужом теле жены молодого князя, в мире, где оживают древние сказки про леших, домовых, кикимор.

Но самое страшно то, что однажды ночью муж вернулся нечистой силой. И я теперь не знаю, что с ним делать! Помогите! Он хочет оставить наследника! А я не готова к такому повороту событий.

- [Кристина Юраш](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Nota bene](#)
-

Кристина Юраш
Жена мертвого князя

Глава 1

— Раздевайся, жена! — сурово произнес молодой князь, как только резная дверь в княжескую опочивальню закрылась.

— Не-а! — помотала я головой, бряцая нитками жемчуга и украшениями.

Я стояла посреди палаты, в которой горели толстые свечи. Их огонь отражался в драгоценных камнях, которыми был расшит княжеский нарядный кафтан.

Тряхнув длинными светлыми волосами, князь сощурил глаза цвета меда, а потом горделиво откинул голову, глядя на меня.

— Милана, ты — жена моя! Ты обязана подчиняться мужу, — произнес князь с нажимом, скрипнув половицей. Его тяжелая поступь заставила меня сделать опасливый шаг назад. — Не ты ли сама хотела за меня замуж?

Ну, во-первых, жена я ему примерно несколько часов, но за эти несколько часов я натерпелась так, что ну его в баню! Кто мог подумать, что лужа на кафеле и скользкие китайские тапки вступят в преступный сговор, чтобы выдать меня замуж в другом мире?

— Я... я... — начала я, поднимая брови. — Я даже не Милана. Я вообще не знаю, как здесь очутилась. И замуж я точно не хотела!

— Не силой же тебя брать? — усмехнулся князь, пока я пыталась соблюдать дистанцию. — А ведь сама знаешь. Наследник нужен.

— Эм... — протянула я. — Поздравляю. Главное, что есть, что наследовать. Но можно как-то без меня...

Внезапно князь рассмеялся.

— Ну и скромная же ты, княгиня, — заметил он, подходя ближе. Его рука коснулась моих украшений, которые словно сережки спадали с головного убора на плечи. — Таковую и хотел...

Голос его стал тише, а я сделала глубокий вдох.

— Чтобы никого кроме меня не видела, — улыбнулся князь, а я поняла, что меня раздевают. — Чтобы только моей была. Ну что ты глаза прячешь?

Я попыталась отвести взгляд, лихорадочно соображая, куда бежать. Я, конечно, была бы не против пококетничать с таким

красавцем.

От него исходила какая-то странная аура. Он словно давил ею. Золото немного растрепанных волос струилось на широкие плечи. Взгляд у него был тяжелый, но при этом наполненный умом и решительностью. О таких мужчинах мечтают женщины, таких могучих красавцев видят в битвах, испытывая при этом какой-то невнятный трепет и волнение. «Он сможет защитить!», — проносится в голове, когда взгляд скользит по его могучей фигуре. «Он знает, что он делает!», — снова проносится в голове, когда видишь его твердую походку. Черты лица у него были красивые, крупные, мужественные. Я бы даже сказала — волевые. Брови были не светлые, а темные. От каждого жеста веяло какой-то богатырской силой. Но нрав у него был явно крут, в чем я уже немного убедилась. Стучать кулаком по столу он умел. Особенно, если в кулаке сжат тот, кто посмел сказать слово поперек.

Такому я бы даже разрешила бы себя домой проводить! Может, хоть он знает, где мой дом?

Про резкий переход от «здрaсте» к «раздевaсте» я читала только в криминальной хронике. Некоторые маньяки пошли еще дальше и использовали удар тяжелым предметом по голове в качестве приветствия и комплиментов. Статистика показывала, что один удар по голове заменяет сразу три свидания, два букета цветов, поход в кино и поцелуи под подъездом.

— Не надо, — занервничала я в его объятиях. Меня упорно двигали в сторону кровати.

Рука провела по моим волосам, словно приглаживая их.

— Не бойся меня, — слышался обжигающе страстный шепот. — Наглядеться на тебя не могу...

— А можно меня не... — начала я, пытаюсь вырваться. Я трепыхалась, как воробей, понимая, что сильные мужские руки становятся все настойчивей.

— Ну, не бойся, сердце мое, — прошептал князь, как вдруг... рухнул на пол.

Я отпрыгнула и оторопела.

Прошла пара секунд. Князь лежал на полу. Так меня еще никто не соблазнял. Это что? Новая тактика?

Я растерялась, боясь шелохнуться. Мне что? Надо как-то проявить себя? Или там пококетничать?

Недолго думая, я решила пококетничать ножкой, легонько трогая лежащего князя. Видимо, не проняло. «Нет, нет, нет!», — отогнала я в голове странную мысль. — «Да он вон какой здоровый лоб! С чего ему...».

Совість заставила меня присесть.

— Эй... — прошептала я, легонько дотрагиваясь до его плеча. Золотые кудри разметались по алому кафтану. — Ку-ку!

Осторожно, терзаемая сомнениями, я попыталась его перевернуть. Мало ли! Вдруг человеку стало плохо от красоты моей неземной!

Я посмотрела на себя в зеркало и не узнала. Я сейчас напоминала какую-то куклу. В белом платье, с кучей жемчуга с висячими тяжелыми сережками, похожими на уточек. Не сказать, что мисс мира. Но тоже очень даже ничего. Только головной убор какой-то дурацкий. Словно плоскую расшитую драгоценностями шапочку обмотали белой тканью, повесив на нее половину сокровищницы.

Но я была уверена. Это не я! Я подняла руку, глядя на сверкающие перстни. Девушка в зеркале сделала тоже самое.

— Приехали, — выдохнула я, возвращаясь к князю.

— Князь, вставай, — произнесла я. — Не такая уж я и красивая, чтобы в обморок падать! Так, а это точно обморок? Может он-пьяный?

Я присела и принялась. Нет, вроде. Прощупав пульс, я поняла, что пульса нет.

— Мама! — дернулась я, пытаюсь сделать князю искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

— Слушай, — прошептала я, ритмично давя ему на грудь. — Я трупы в жизни не видала. Не хочу, чтобы ты был первым!

С усилием я пыталась привести его в чувство, а потом припадала ухом к его груди.

Внезапно в дверь вошла знакомая старушка, а я дернулась.

— Батюшки! — опешила старуха, забежав вокруг. — Неужто... помер? Если помер — это плохо!

Я слезла с князя, глядя на его безвольную руку, униженную перстнями. Бабка суежилась вокруг него, прислушиваясь к его дыханию.

— Помер, — произнесла она странным голосом, а я округлила глаза. — Князь-то наш помер!

Он вскочила, заметалась по комнате.

— Быстро руку режь и простыню мажь! — скомандовала бабка, суется и причитая. — Иначе, нам конец!

Руку резать? Для чего? Я пока что не понимала всего происходящего. Мне вот с самого утра мало было понятно!

— Режь, давай! — простионала бабуська, доставая у князя кинжал. Я вздрогнула при мысли, что придется сделать надрез. — Да так, чтобы не видно было! Быстро! Давай, голубушка!

Я прикидывала, что мне не жалко. И решила, что ногу не так жалко, как руку, поэтому закатала платье, под которым ничего не было, и стала ковырять ранку. Кровь выступила, а бабка обрадовалась и схватила простыню, вытирая ею кровь.

— Ну, все! Кажись, поспели! — выдохнула она. — А теперь кричи! Громко! Помогите!

— Помогите!!! — закричала я. — Помогите!!!

Бабка бросилась к двери, а потом громко хлопнула ею и влетела обратно, в голос запричитав: «Ой, батюшки! Что ж енто делается! Князь занемог! Ой!».

Ее крики подействовали, словно магия. Послышался топот ног, а я дернулась, когда дверь распахнулась, и в нее влетели незнакомые мне люди. Завидев, красавца — князя на полу, они побледнели, переглянулись и стали орать, окружая его.

— Ой, бедная девонька, — нараспев причитала бабка, прижимая меня к себе. — Перепугалась... Ну ничего... Все образуется...

Я надеялась, что его сейчас спасут. Честно надеялась. Я сегодня такое видела, что в голове до сих пор не укладывается! А вы говорите, магии нет! Если нет, тогда что это было там, в лесу?

Князя осматривали со всех сторон, а потом какой-то бородатый мужик поднял на нас глаза и произнес испуганным голосом.

— Князь мертв!

Глава 2

Первое, что я услышала, когда где-то замаячил свет в конце туннеля, был старушечий голос:

— Беда-а-а...

Я открыла глаза и стала различать силуэты людей.

— Горе -то какое! Невеста сомлела! Примета -то плохая! — слышались озадаченные голоса надо мной.

Я дернулась и села, с ужасом осматриваясь.

Это был какой-то сон. Иначе, как объяснить то, что я пять минут назад точно была в своей квартире по адресу микрорайон Южный, улица Энгельса, дом семь, квартира одиннадцать...

Что-то мелодично прозвенело, а я увидела роскошную жемчужную вышивку на своей груди. Ощупывая себя, я затравленно осматривалась. С прически ниспадали нитки жемчуга.

Я схватилась за них, не в силах представить, откуда они у меня!

Мне жемчуг по гороскопу не подходит. Астрологи уверяют, что мы с ним не совместимы. Я буквально вчера лазила в интернете и смотрела. Мне хотелось выяснить, кто по гороскопу деньги, и совместимы ли мы с ними. Ибо жизнь намекает, что нет.

— Вставай, дитятко,— слышался ласковый скрипучий голос бабки в дорогом платке. Она схватила меня морщинистой рукой и помогла встать на дрожащие ноги.

Где я?

Мне раньше казалось, что это вопрос мучает только алкоголиков.

Поэтому сейчас я искренне недоумевала.

Я же почти здоровый образ жизни веду. Не пью, не курю, питаюсь правильно, читаю составы на этикетках, проезжая мимо завода дышу через раз. Сегодня вон какой кульбит в ванной сделала. Считай, тройной тулуп. Аж тапок отлетел! Мне мастера спорта должны были сразу дать! И медаль за побитые рекорд и раковину.

Сердце гулко забилося, когда вместо потолка родной квартиры, я видела шумящий над головой туманный лес и высокое сумрачное серое небо. Лес бы древним, деревья казались огромными, а между их

почерневшими от сырости стволами загадочной дымкой струился холодный туман.

— Где я? — прошептала я, с трудом разлепив губы. Мозги пока слиплись, поэтому я могла только озираться по сторонам.

Десятки разодетых плачущих людей с бледными лицами в старинных причудливых костюмах стояли и смотрели на меня с жалостью. И, главное, все молчали. Кто-то рыдал, кто-то молча поджимал губы. Незнакомые мужчины и женщины образовали что-то похожее на коридор, ведущий в туман

— На свадьбе своей, — ласково произнесла старушка, поправляя на мне одежду.

Что-то я не так представляла свадьбу, если честно! Где столы? Где тамада с конкурсами, после которых прямая дорога к психологу? Где дурацкие стишки и пьяные гости? Где, собственно, жених?

Но вокруг был мрачный лес, туман, унылые лица и странная избушка, стоящая на двух высоких деревянных сваях. Ее очертания виднелись в молочном мороке тумана.

— Чтобы перейти в род жениха надобно умереть для своего рода, — наставляла меня старуха, заботливо поглаживая мою одежду. Бабушка обходила меня вокруг, словно проверяла, все ли на месте.

Так, кто сказал «умереть»? При чем здесь смерть?!

— Держи, дитячко мое, свечу... — негромко произнесла старуха, вручая мне тонкую свечку с крошечным пляшущим огоньком. — Разбуди ягу, пусть она проводит тебя в навь...

Куда? О чем это она? Какая яга? У нас ресторанный комплекс на выезде «Яга». И будить их не надо. Там так шумят, что сами всех разбудят!

— Иди, и ничего не бойся. Она тебе все скажет, — слышался голос бабки, а она легонько подтолкнула меня в туман. — Смотри, чтобы свечка не погасла! Иначе живой не уйдешь!

— Я никуда не пойду, — прошептала я, косясь на людей в поисках поддержки. Сырой, холодный, промозглый туман заставлял ежиться не то от первобытного страха, не то от холода.

— Иди, не бойся! — подтолкнули меня еще сильнее, а я вынужденно шагнула в туман.

Избушка возвышалась надо мной, а я обернулась, видя, как все вокруг пропало. Остался лишь зловещий туман, клоками висящий на

деревьях. Между огромными темными елями он казался особенно густым и страшным. Исчезла толпа, бабусяка, исчезло все, кроме серой бревенчатой избушки на сваях.

Я почувствовала, что мне становится как-то не по себе. Неуютненько. Словно это — не простой туман, а что-то другое. Хищное, опасное, рыщущее между ветвей в поисках добычи.

Опомнившись, я посмотрела на свечку, огонек которой слабо согревал руку. Вот конкретно сейчас мне не хотелось, чтобы она погасла, поэтому я спрятала пламя, укрыв его ладонью.

Передо мной из тумана вырос столб, где рубленными буквами, истершимися от времени, было написано: «Избушка — избушка, встань к лесу задом ко мне передом!».

Я удивленно подняла брови.

— Избушка — избушка, встань к лесу задом, ко мне передом, — удивленно прочитала я, а мои слова тут же сожрал туман.

Послышались протяжные скрипы, словно дерево терлось о дерево. Каждый скрип мурашками пробежал по коже, а я даже дернулась от неожиданности.

Избушка разворачивалась. С ее замшелой крыше, где успел прорасти какая-то березка, слетела стая ворон. Они с дикими криками унеслись прочь.

Я увидела, что избушка опустилась, а передо мной с протяжным скрипом открылась старая деревянная дверь, ведущая в темноту.

Глава 3

Оттуда дохнуло сырым погребом, грибами и старыми досками.

Что-то мне резко перехотелось в эту дверь, если честно. Внутри такое странное чувство появилось, словно мне туда не надо!

— Входи! — послышался сиплый страшный скрипучий голос из темноты.

Интересно, сколько невест отложили кирпичи на строительство нового дома в такой момент?

— Входи! — повторил сиплый голос, затухая в темноте.

Я сглотнула, понимая, что ну его! Без мужа тоже неплохо. Можно заняться волонтерством, саморазвитием... Да я придумаю, чем заняться!

Избушка закрипела с такой угрозой, что я бы бросилась бежать, если бы не свечка. Я попыталась повернуть обратно, прошла несколько шагов в тумане, почти наощупь, как вдруг услышала голоса, зовущие меня из тумана. Страх схватил меня за попу и не отпускал. Даже ему было страшно.

Шепот тысячи голосов звал меня к себе.

— Пошли вон! — выдавила я из себя.

Туман, словно живой, дернулся от звука голоса, обнажая плетеную изгородь с человеческими черепами. Это те, которые отказались замуж? Или те, которые согласились? Мне очень важно знать ответ на этот вопрос!

— Простите, — прошептала я, видя снова перед собой открытую дверь.

— Это черепа тех, кто в последний момент отказался? — спросила я, не без тайной надежды на правдивый ответ. Но мне не ответили, давая простор для фантазии.

«Профилактика разводов» смотрели на меня пустыми глазницами и всячески намекали, что пора улучшать статистику и демографию. И действительно, глядя на них я резко захотела замуж. И неважно за кого!

Осмотревшись, я решила, что саморазвитие, мелодрамы и кошки могут подождать.

Туман, словно поджимал меня к двери, а я отважилась и шагнула внутрь. Свечка дернулась, осветив маленькую избушку. В ней была старая печь, лавка, стол и лежанка. Внутри было столько паутины, что хотелось немедленно смахнуть ее. Белые сопли паутины свисали отовсюду, пока я осматривалась по сторонам. С улицы избушка казалась намного меньше, чем внутри. И это меня удивило.

— Входи... — слышался сиплый голос справа. Что-то хрустнуло, а я увидела, как с лежанки поднимается высохшая бабка в рваных лохмотьях. Я вот не могла понять, живая она или не очень. Тут даже не одной ногой в могиле! Скорее, черви, которые по кладбищу искали, нашли, попробовали, выплюнула и пинком отправили обратно.

Откуда-то прямо на меня повеяло холодом, словно из кондиционера. Огонек свечи дернулся в руке, а я прикрыла его, чтобы уберечь.

— Готовлю баньку для невестушки! — слышался сиплый и скрипучий голос жуткой бабки. — Поставь свечку на стол, девонька. Я тебя не обижу. Я — не они...

— Зачем банька? — спросила я, чувствуя, как с меня снимают тяжелый головной убор и дергают за ленты. Волосы упали вниз, едва ли не подметая землю. Ого! Откуда у меня столько волос на голове? Я же недавно стрижку делала! Модную! Короткую!

— Ай да девица, — нахваливал голос бабки, а от ее комплиментов становилось жутковато. — Ай да красавица! Сейчас попарю тебя в баньке, чтобы на ту сторону проводить!

Прикосновение ее руки вызвало чувство, словно ко мне прикоснулись кусочком замороженного мяса. От нее веяло каким-то непередаваемым холодом, что я отдернула руку.

— Может, не надо в баньку? — упиралась я, но цепкая рука схватила меня за запястье и потащила в сторону двери.

— А как же без баньки? — спросила жуткая бабка. Мне на нее даже смотреть страшно было. Лицо искривилось, один глаз заплыл бельмом. Сухие тонкие потрескавшиеся губы были бледными, а само лицо казалось желтым, восковым.

— Вы — баба Яга? — спросила я, понимая, что разница между улыбчивой старушкой из детских сказок и вот этим была очень разительной.

— Ну не дед же! — усмехнулась бабка, а от ее скрипучего смеха, нервные клетки сбились в кучу. — А я смотрю, ты больше красивая, чем умная... Ну ничего, жизнь уму-разуму научит.

— Может, я сама? — выдохнула я, видя, куда меня привели. Это была маленькая банька с деревянным полоком. В баньке стояла печка и ушат с водой, в котором плавал треснувший ковш.

— Самой нельзя, — произнесла бабка, пригнувшись ко мне. — Коли плохо вымоешься, запах твой останется... А они тебя быстро учуют!

— Кто они? — сдавленным голосом спросила я, чувствуя, как меня раздевают. Платье упало на пол, а старуха, хромя отнесла его в избу.

— Навьи, — произнесла бабка, скрипя ногой. Шла она тяжело, а я опустила глаза, видя, что под рваной юбкой вместо одной ноги торчит что-то белое, похожее на кость. — Я —то тебя чую! А будешь упираться, даже съем.

Глава 4

— Навьи? — спросила я, сглатывая. Но бабка внимания не обращала. Она замочила березовый веник и плеснула на каменку воду. Банька стала наполняться паром. У меня такое чувство, что я — звезда сцены девяностых. Почти голая, ору, а вокруг меня не то дым, не то пар!

— На тебе, веничком! — приговаривала бабка, а я морщилась. — Весь человеческий дух с тебя выпарю! Чтоб ни одна зараза не учуяла!

«Ты ведь всегда хотела попасть в настоящий СПА салон!», — пронеслось в голове, когда бабка отдирала от моей ноги прилипший банный лист. «Тут не СПА! Тут СПАСИТЕ — ПОМОГИТЕ!», — стиснула я зубы.

Где-то у бабки в родственниках ходил Мойдодыр. Кривоногий и хромой. Именно от него бабка унаследовала гигиенически — садистские наклонности.

Экзекуция была окончена, а я чувствовала себя так, словно заново родилась. Сморщенной, едва ли не плачущей, растерянной и какой-то скукоженной.

— Иди в избу, я там наряд твой подготовила! — скомандовала бабка, выливая остатки ушата. Пошатываясь, я дошла до мрачной избы и уселась на лавку.

— Вот и не пахнет человеческим духом! — усмехнулась она, закрывая дверь в баньку. — Омыли покойницу, сейчас расчешем, принарядим, блинами накормим и на тот свет отправим!

— Что значит «на тот свет»? — возмутилась я, чувствуя себя неуютно. Передом мной с горкой лежали какие-то сероватый блины. Я взяла один из вежливости и съела, понимая, что они не очень вкусные. Первый блин в упал в желудок комом.

— Сейчас волосы расчешем, в платье принарядим... — приговаривала бабка, доставая костяной гребень. — Для своего рода умрешь, а для женихова — воскреснешь... Будет тебя жених твой ждать там. Он-то тебя и выведет...

— А если он не придет? — прошептала я, понимая, что от слов ее мне становится не по себе.

— А куда он денется? — усмехнулась бабка, пока костяной уродливый гребень продирал мои волосы. — Влюбится и женится!

Я смотрела на лохмотья паутины, как вдруг бабка произнесла на ухо: «Вставай! Пошли! Пора уже!».

Она сунула мне свечку, которая затрещала в руках. Я снова спрятала ее рукой, боясь что она погаснет, а яга меня сожрет.

Мы вышли в туман, а яга достала старый серый мешочек с какими-то сухими травами. Растерев их в костистых пальцах, он подула на них, как вдруг изба стала подниматься все выше и выше. Огромные столбы стали вспыхивать странными символами, похожими на клинопись. Между столбов туман был особенно густым. Он валил так, словно холод из морозилки. По ощущениям было так же.

— Иди, — подтолкнула меня яга. — И за свечкой следи! Кто зовет — не оборачивайся. На разные голоса будут звать, а ты иди... Вперед только смотри... И ничего не бойся. Навьи страх чувят...

Я уперлась ногами, понимая, что филиал местного ЗАГСА меня не устраивает. Где нарядная тетенька с начесом в блузке с жабо? Где ее вырвиглазная помада? Где черная юбка, подметающая красные ковровые дорожки? Где папочка с голубями и колечками?

Сделав над собой усилие, я шагнула внутрь...

Глава 5

Туман окружил меня со всех сторон, шарахнувшись от свечки. Ее пламя согревало мои руки. Казалось, это единственный источник тепла в этом пугающем холоде.

В тумане я видела силуэты, который мелькали то здесь, то там. Краем глаза я следила за ними, видя, как их пугает пламя крошечной свечи. Я шла вперед по узенькой тропке, среди мертвых трав, над которыми клубился жуткий туман. Черные деревья проступали то здесь, то там, а я старалась следовать курсу. Иногда туман наглед. Он пытался обойти меня, пряча от меня тропинку. словно зверь он залегал на ней, требуя, чтобы я остановилась. Но я решила не останавливаться, заметив, что он шарахается от свечки, словно живой.

Из всех звуков, окруживших меня, я слышала лишь легкий шелест своих шагов и шепот, который складывался в отдельные слова: «Иди к нам...».

Я не знаю, сколько я уже шла. И даже не догадывалась, куда я иду. Вдруг позади меня послышался женский ласковый голос: «Милана, доченька...».

Может быть, Милана и отозвалась бы. Но я — не она.

— Милана! — подхватили голоса, а мне казалось, что мурашки на спине открыли фитнес клуб. Даже волосы встали дыбом от таких голосов.

— Иди к нам! — слышала я уже отчетливо на разные голоса.

Такое чувство, словно я опубликовала номер телефона в открытом доступе, а теперь меня к себе зовет школа рисования, СПА салон, обещают списать все долги по какой-то государственной программе и оформить на меня кредитную карту.

Чем дальше, тем сильнее становился шум за спиной, так и ожидая, что я обернусь любопытствовать, что там такое. Но у них рядом с домом не было кафе «Тысяча и одна ночь», где каждый посетитель смачно и громко восхищается твоим «шехерезадом», сравнивая с персиками и обещая вечную любовь на вечер. Причем, поворот головы в их сторону автоматически расценивается, как согласие и полная взаимность.

Где-то в тумане вырисовывались очертания моста, ведущего через реку, напоминающую текущую смолу. Черная вода намекала на наличие рядом скромного оружейного завода в десять корпусов.

«Да ладно тебе!», — утешала я себя. — «А у нас в такой еще и дети купаются! И тетки орут, когда видят, что кто-то решил искупать собаку в десяти метрах от них!».

Вокруг были разбросаны человеческие кости. Пустые черепа смотрели на меня черными безднами глазниц.

«Не бойся!», — прошептала я себе. — «Это те, кто писяли в воду! Мы в воду не писаем, так что нам бояться нечего!».

Это немного помогло, когда я ступила на широкий каменный мост. Древние камни где-то выглядели надтреснутыми, туман стелился по самой реке, а я шла вперед. Вдруг я услышала грохот.

От неожиданности я вздрогнула, видя как в тумане поднимается, огромное чудовище, сидящее прямо в реке. Погодите! Да их несколько! Раз, два, три! Я вижу три головы!

В этот момент я все поняла и замерла на месте, видя, как одно чудовище устремилось ко мне. Съездившись, я повторяла себе: «свечка, свечка!», пытаясь уберечь огонек от ветра.

Огромная черная голова, похожая на голову дракона раскрыла пасть, усеянную острыми иглами зубов. Слюна стекла вниз, образуя на мосту лужу. Я была уверена, что эта пасть сейчас откусит меня вместе с кусочком моста.

От ужаса мы чуть не присоединились к тем, кто все-таки перепутал речку и туалет!

«Свечка!», — опомнилась я, чувствуя на себе зловонное и жаркое дыхание. Мысль о свечке заставила меня посмотреть на пальцы, залитые еще теплым воском. Горит! Фу-ты...

— Не трогай ее, это невеста... — послышался голос, похожий на гром. Он доносился сверху. Рассекая туман ко мне спустилась точно такая же голова, обнюхивая меня так, что чуть не всосал мои волосы и одежду. Уберегая рукой огонек, я видела, как две одинаковые головы переглянулись.

— С чего ты решил, что это — невеста? — снова послышался грохот голоса.

Такое чувство, что надо мной разыгралась гроза.

— Свечка у нее в руках! Невест трогать не велено! — прорычал голос, словно раскат грома.

— Позовем третью голову! Что он скажет? — обернулось чудище на длинной шее, ныряя в туман.

Я ждала, как ждут на ресепшене. Терпеливо и молча. Коленка подрагивала, правда. От чего казалось, что земля из-под ног уходит.

Туман снова рассекла вторая голова, пока первая наблюдала за мной с внимательностью старенькой вахтерши.

— Третий жрет и без нас. Он занят! Сказал, что невест не трогаем. Пусть стоит в сторонке, пока жених не заберет! — слышался голос, а меня снова обдало жаром.

Я стояла, а головы снова исчезли в тумане. Оттуда доносился хруст... Руки начинали коченеть. Холод пробирал уже до кости. Свечка сгорела почти наполовину. Сейчас я бы все отдала, чтобы согреться!

— Эй, — позвала я, видя как из тумана ко мне устремляется голова.

— А не подскажите... эм... который час? — робко спросила я, радуясь жару дыхания. Боже мой, как тепло!

— А тебе на кой? Опаздываешь куда? — прогрохотала голова, обдавая меня жаром. Ой, как в супермаркете теплышком обдуло!

— Ну да, — заметила я, глядя на оплывающую свечу. Странно, но жениха все не было. Ну ничего, свечка только наполовину прогорела, так что пока рано паниковать.

— Здесь время остановилось! — прогрохотала голова, снова исчезая в тумане.

И снова меня оставили в покое. Я постояла ее, прикрывая свечку от тумана. «Паниковать еще рано!», — бурчала я, чувствуя, что снова начинаю замерзать.

— Эй, — крикнула я, видя, как голова рассекает туман.

— Чего тебе? — обдало меня теплом. Ой, как хорошо! Ну прямо кайф. Только остываю быстро.

— А где я? — спросила я, греясь ответом.

— Ты в царстве нави, на мосту через речку Смородину, — прорычала на меня теплом голова.

Я снова подождала, и опять решила задать вопрос.

— А кто вы? — спросила я, предвкушая заветное теплышко.

— Да сколько можно! — прогрехотало из тумана. — Горыныч я!

— Сколько нужно столько и можно, — ответила я. — Вы дышите на меня, а я греюсь! Холодно тут у вас, однако!

— Ничего себе! — обалдела я, видя, как головы возвращаются в туман.

Что-то мне это все не нравится. Тут от свечки — огарочек остался, а жениха все нет!

Глава 6

Свечка таяла на глазах. Остался огарочек примерно с указательный палец. Теплый воск стекал по пальцам и тут же застывал. Туман клубился вокруг, а я стояла и ждала жениха.

Поначалу я, конечно, надеялась, что сейчас явится красавец — писанный и ка-а-ак вытащит меня отсюда! Я обещала себе, что даже попытаюсь его полюбить, если все удастся.

Время шло, красавец не спешил. Для своего рода я уже как бы умерла, а вот для рода жениха так и не родилась.

Свечка неумолимо уменьшалась, не смотря на мои мысленные крики: «Помедленней!».

Спустя где-то минут десять, я решила быть не принципиальной женщиной. Зачем мне супер — пупер красивый и успешный муж? Это же одни сплошные проблемы! Все бабы так и норовят вместо меня оказаться. Козни строят, пакости делают, пытаются его отбить. Не-не-не! Мне такого счастья не надо. Мне бы что-то попроще. В кузове универсал. Ведь главное что? Главное, чтобы верный был!

— Ну че? Где жених твой? Не пришел еще? — слышался страшный голос Горыныча. Даже не знаю, какая голова это сказала.

Мне и самой хотелось знать, где он такой распрекрасный ходит! У меня тут часики тикают с огромной скоростью! Такими темпами я скоро кукушкой поеду.

— Видимо, конь забуксовал где-то, — ответила я, слыша из тумана многозначительное и издевательское: «Угу!». Прозвучало это на манер: «Там мы тебе и поверили! Знаем мы вас! Все говорите одно и то же!».

Когда от свечки прогорела еще на четверть, я мысленно согласилась на самого обычного, заурядного жениха. Беспонтового. Можно даже без удобств и наворотов. Достаточно, чтобы при виде его лица рука за валидолом не тянулась. А так... можно даже с легкой лысиной. Сейчас это вообще не принципиально. Допустим пивной животик, легкая косолапость и незначительная алкогольная зависимость и любовь к футболу по пятницам. Вполне заурядная модель. Ноская. Таких всю жизнь обычно любят до самой старости. Не

смотря на то, что у него по-любому где-то что-то было на стороне, но ты об этом вряд ли узнаешь. Он и сам точно не помнит. Помнит обычно, что он был или очень пьян, или вы поругались.

— Че-то не видать жениха! — слышался ехидный голос Горыныча.

— А у вас такое часто бывает? — спросила я, всматриваясь в туман.
— Ну, чтобы невеста не дождалась?

— Бывает, — прогрохотал голос после паузы.

— И чем, простите, это заканчивается? — осведомилась я, оценивая брачные перспективы.

— Ничем хорошим, — прооркотал голос. — Для невесты! Видать, передумал твой женишок... Так что здесь останешься, как свечка погаснет.

В рот я совала такую свадьбу! Совала и выплевывала!

Свечки осталось сантиметра четыре с половиной. Она почти полностью стекла мне на ладонь. Сейчас я была согласна на мужчину с такой же свечкой в штанах.

Из важных критериев красоты были две руки, две ноги и голова. Я уже считала, что этого вполне достаточно для счастливого брака. А так же тот факт, что он почти не путает, как меня зовут. На счет измен? Да ладно! Пусть изменяет! У соседки кот тоже ко всем ластится, и что? Но мышей из подвала ей приносит!

Свечке было совсем нехорошо. Казалось, осталась лужица на ладони и кусочек фитилька, горящего только чудом. Я боялась, что сейчас дохну неудачно, а огонек, который нервно пляшет на ладони возьмет да и погаснет!

Раз дернулся.

Два дернулся.

Сейчас потухнет!!!

Глава 7

Сердце дернулось, когда огонь погас, но тут же ожило, когда он стал лениво, словно нехотя разгораться снова. Чтобы снова потухнуть. В лодочке — ладони уже догорала лужа воска с сантиметровым черным огарочком.

«Мне конец!», — сглотнула я, закусывая губу. Туман словно чувствовал, что свечке недолго осталось, поэтому обступал меня.

Я старалась не дышать, видя, как пламя танцует свой последний танец, дергаясь туда — сюда.

— Ну, здравствуй, жена! — слышался низкий голос, а я обернулась.

На меня смотрел высоченный красивый молодой мужчина со светлыми, пшеничного цвета длинными волосами. Рост у него был два метра с чем-то. «Богатырь!», — пронеслось в голове, когда он шагнул в мою сторону. Красивое мужественное лицо, суровые брови и взгляд голубых глаз. Я посмотрела на чувственные губы и к своему стыду осознала, что жених мне даже нравится! Внешне точно!

Таких мужчин еще поискать надо. А если найдешь, то перебить всех женщин в округе, чтобы удержать.

Было что-то в его разлете плеч! Какие-то цепляющие женское сердце удаль и дерзость. Лихо тряхнув головой, красавец взял меня за руку.

— Слушай меня, навь! Я, князь Лесьяр, принимаю боярскую дочь Милану, — произнес красавец, беря меня за руку. — В свой род! Отныне он принадлежит моему роду!

Он ловко подхватил меня на руки, словно пушинку.

— Переступаю порог своего дома своего! Прошу любить и жаловать! — голос прозвучал словно гром.

Стоило ему только это сказать, как мы очутились посреди пестрых палат. Накрытые столы ломились от яств. Мимо меня проплывал огромный лебедь, правда, на блюде. Куча незнакомых людей все как один обернулись на меня.

— Ваша княгиня! — произнес Лесьяр, сжимая мою руку.

Я чувствовала себя не в своей тарелке среди гомона голосов. Один бородатый мужик наклонился к другому, не сводя с меня взгляда. — Слово ее закон.

О, как!

Какой хороший мужик! Стоило натерпеться страха, чтобы отхватить себе такого! Я —то думала, там что-то плюгавое в тумане заблудиться. А тут... просто вау!

Меня усадили во главе стола рядом с собой. Лебедь поплыл в мою сторону. В желудке что-то проорчало, а я посмотрела на еду, окружающую меня. Что-то в тарелке напротив напоминало свиные уши моченые, чуть дальше были такие изыски, от которых мне становилось как-то не по себе.

Рядом на блюде сидел гусь и лежала щука. Все это поблескивало жирными бочками, а у меня случился гастрономический ступор.

Два золотых кубка один побольше, другой поменьше стояли рядом, сверкая драгоценностями.

— Что-то наша княгиня ничего не ест? — спросил сипловатый голос, а все смотрели на меня. Я сглотнула. — Али верхосыток* ждет?

Что, простите? Что я жду?

* * *

*Верхосыток — десерт

Глава 8

— Несите княгине верхосыток! — потребовал муж, а я приготовилась. Желудок решил приготовиться вместе со мной. Он меня робко спрашивал, а что это такое? Я ему честно отвечала, что не знаю!

— А что княжна изволит? — спросил какой-то подхалим. — Мазуню? Кулагу? Леваши? Али морковку в меду?

— Последнее, — кивнула я, радуясь знакомым словам.

. Красиво разложенные потроха заставили желудок взвыть: «Ой, не могу...». Я постаралась поискать глазами хоть что-то аппетитное, как мне уже принесли морковку с медом.

Я попробовала, понимая, что вкус специфический. Пожевав немного, я поняла, что не так уж и голодна.

— Ах да, княжна! — нахваливали меня незнакомые рожи. — Говорят, бабы в ее роду даже козлов в людей превращали! И такое было!

На моем счету не было еще ни одного превращенного козла. Я как бы не в этом видала смысл жизни и свое призвание.

Противная свистулька в чьих-то руках заставляла меня нервничать. Вокруг нас прыгали и кривлялись разные личности. Длинные рукава рубах намекали на некую степень душевного нездоровья. Гундявый рожок, который вторил свистулке, вызывал желание познакомиться его с тишиной.

— Гляди, как княжна на скоморохов пялится, — слышала я шепотки. Они были как бы и рядом, но не понятно, кто это сказал.

— Ну она же девка молодая. Не видала таких, явно! — снова выхватила я из гомона фразу. — Небось таких у ейного батюшки не было...

Я присмотрелась. Вдруг тут звезда местного масштаба кривляется, а я не в курсе. Может, на свадьбу какую-то знаменитость местную пригласили. А я сижу и не ценю со страшной силой.

— Чей-то княгиня не ест ничаво? — снова послышался, уже другой голос. — Не иначе, как больная какая?

— Худая какая, — вторил ему еще один голос. — Недокормыш!

Я пыталась вычислить, кто это сказал, но было так шумно, и говорили все, что я не могла отследить.

— А ведь невестой не она должна была стать, а другая, — слышался еще голос. — Чтобы наш князь Лесьяр да на дочери опального боярина женился, да ни жисть! Нечисто тут дело! Ладно бы, красавица — прелестница...

Я нахмурилась. Сколько интересных подробностей всплывает!

— Так ведь он на Чернаве жениться хотел. А потом решение сменил! Не иначе, как околдовала! — слышались разговоры. — Приворожила... Слыхал, я что до этого князь к ним по делу ехал... А потом вернулся сам не свой... О свадьбе объявил...

— Ну, значит, счастья им не будет, — усмехнулся еще один голос. — Не жить будут, а маяться... Попомните слово мое!

— В роду у нее чаровницы были, — сипло вмешался еще один голос. — Сам слышал...

Я посмотрела на красавца — князя, которого эти разговоры ничуть не тревожили. Он смотрел на меня так, словно уже не чаял исполнить супружеский долг.

— Гляди, как на нее смотрит, — шептались гости. — Глаз не сводит... И так всю свадьбу... Ой, нечисто тут дело! Ой, нечисто!

Я вздохнула, съела для приличия еще ложку морковки в меду. «Не-е-ет!», — заорал желудок, пока я разжевывала это дикое сочетание в надежде найти в нем тонкие оттенки вкуса.

— Князь да княжна! Извольте в покои! — поклонились нам. Я посмотрела на князя, как бы подозревая, что нас туда не просто спать ведут.

Я стала волноваться. Не привыкла я, чтобы вот так вот с совершенно незнакомым мужчиной, чье имя я тут же забываю, смотреть спокойной ночи малыши под одним одеялом.

С шутками, прибаутками, намеками, от которых опустится любой мужское настроение, нас проводили до красивых дверей. На дверях были искусно вырезаны женщины — птицы, украшенные цветами.

— Это... ж... эти, как его... — напряглась я, вспоминая, что видела их раньше. Не в живую, нет.

Память напряглась, но двери уже открылись, а потом закрылись за моей спиной.

— Тадам! — пронеслось в голове, когда я оказалась к красивой уютной комнате.

— Раздевайся, жена! — сурово произнес молодой князь, как только резная дверь в княжескую опочивальню закрылась.

— Не-а! — помотала я головой, бряцая нитками жемчуга и украшениями.

Я стояла посреди палаты, в которой горели толстые свечи. Их огонь отражался в драгоценных камнях, которыми был расшит княжеский нарядный кафтан.

Тряхнув длинными светлыми волосами, князь сощурил глаза цвета меда, а потом горделиво откинул голову, глядя на меня.

— Милана, ты — жена моя! Ты обязана подчиняться мужу, — произнес князь с нажимом, скрипнув половицей. Его тяжелая поступь заставила меня сделать опасливый шаг назад. — Не ты ли сама хотела за меня замуж?

Ну, во-первых, жена я ему примерно несколько часов, но за эти несколько часов я натерпелась так, что ну его в баню! Кто мог подумать, что лужа на кафеле и скользкие китайские тапки вступят в преступный сговор, чтобы выдать меня замуж в другом мире?

— Я... я... — начала я, поднимая брови. — Я даже не Милана. Я вообще не знаю, как здесь очутилась. И замуж я точно не хотела!

— Не силой же тебя брать? — усмехнулся князь, пока я пыталась соблюдать дистанцию. — А ведь сама знаешь. Наследник нужен.

— Эм... — протянула я. — Поздравляю. Главное, что есть, что наследовать. Но можно как-то без меня...

Внезапно князь рассмеялся.

— Ну и скромная же ты, княгиня, — заметил он, подходя ближе. Его рука коснулась моих украшений, которые словно сережки спадали с головного убора на плечи. — Таковую и хотел...

Голос его стал тише, а я сделала глубокий вдох.

— Чтобы никого кроме меня не видела, — улыбнулся князь, а я поняла, что меня раздевают. — Чтобы только моей была. — Ну что ты глаза прячешь?

Я попыталась отвести взгляд, лихорадочно соображая, куда бежать. Я, конечно, была бы не против пококетничать с таким красавцем.

От него исходила какая-то странная аура. Он словно давил ею. Золото немного растрепанных волос струилось на широкие плечи. Взгляд у него был тяжелый, но при этом наполненный умом и решительностью. О таких мужчинах мечтают женщины, таких могучих красавцев видят в битвах, испытывая при этом какой-то невнятный трепет и волнение. «Он сможет защитить!», — проносится в голове, когда взгляд скользит по его могучей фигуре. «Он знает, что он делает!», — снова проносится в голове, когда видишь его твердую походку. Черты лица у него были красивые, крупные, мужественные. Я бы даже сказала — волевые. Брови были не светлые, а темные. От каждого жеста веяло какой-то богатырской силой. Но нрав у него был явно крут, в чем я уже немного убедилась. Стучать кулаком по столу он умел. Особенно, если в кулаке сжат тот, кто посмел сказать слово поперек.

Такому я бы даже разрешила бы себя домой проводить! Может, хоть он знает, где мой дом?

Но резкий переход от «здрасте» к «раздевастее» я читала только в криминальной хронике. Некоторые маньяки пошли еще дальше и использовали удар тяжелым предметом по голове в качестве приветствия и комплиментов. Статистика показывала, что один удар по голове заменяет сразу три свидания, два букета цветов, поход в кино и поцелуи под подъездом.

— Не надо, — занервничала я в его объятиях. Меня упорно двигали в сторону кровати.

Рука провела по моим волосам, словно приглаживая их.

— Не бойся меня, — послышался обжигающе страстный шепот. — Наглядеться на тебя не могу...

— А можно меня не... — начала я, пытаюсь вырваться. Я трепыхалась, как воробей, понимая, что сильные мужские руки становятся все настойчивей.

— Ну, не бойся, сердце мое, — прошептал князь, как вдруг... рухнул на пол.

Я отпрыгнула и оторопела.

Прошла пара секунд. Князь лежал на полу. Так меня еще никто не соблазнял. Это что? Новая тактика?

Я растерялась, боясь шелохнуться. Мне что? Надо как-то проявить себя? Или там пококетничать?

Недолго думая, я решила пококетничать ножкой, легонько трогая лежащего князя. Видимо, не проняло. «Нет, нет, нет!», — отогнала я в голове странную мысль. — «Да он вон какой здоровый лоб! С чего ему...».

Совість заставила меня присесть.

— Эй... — прошептала я, легонько дотрагиваясь до его плеча. Золотые кудри разметались по алому кафтану. — Ку-ку!

Осторожно, терзаемая сомнениями, я попыталась его перевернуть. Мало ли! Вдруг человеку стало плохо от красоты моей неземной!

Я посмотрела на себя в зеркало и не узнала. Я сейчас напоминала какую-то куклу. В белом платье, с кучей жемчуга с висячими тяжелыми сережками, похожими на уточек. Не сказать, что мисс мира. Но тоже очень даже ничего. Только головной убор какой-то дурацкий. Словно плоскую расшитую драгоценностями шапочку обмотали белой тканью, повесив на нее половину сокровищницы.

Но я была уверена. Это не я! Я подняла руку, глядя на сверкающие перстни. Девушка в зеркале сделала тоже самое.

— Приехали, — выдохнула я, возвращаясь к князю.

— Князь, вставай, — произнесла я. — Не такая уж я и красивая, чтобы в обморок падать! Так, а это точно обморок? Может он-пьяный?

Я присела и принялась. Нет, вроде. Прощупав пульс, я поняла, что пульса нет.

— Мама!— дернулась я, пытаюсь сделать князю искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

— Слушай, — прошептала я, ритмично давя ему на грудь. — Я трупы в жизни не видела. Не хочу, чтобы ты был первым!

С усилием я пыталась привести его в чувство, а потом припадала ухом к его груди.

Внезапно в дверь вошла знакомая старушка, а я дернулась.

— Батюшки! — опешила старуха, забежав вокруг. — Неужто... помер? Если помер — это плохо!

Я слезла с князя, глядя на его безвольную руку, униженную перстнями. Бабка суежилась вокруг него, прислушиваясь к его дыханию.

— Помер, — произнесла она странным голосом, а я округлила глаза. — Князь-то наш помер!

Он вскочила, заметалась по комнате.

— Быстро руку режь и простыню мажь! — скомандовала бабка, суется и причитая. — Иначе, нам конец!

Руку резать? Для чего? Я пока что не понимала всего происходящего. Мне вот с самого утра мало было понятно!

— Режь, давай! — простонала бабуська, доставая у князя кинжал. Я вздрогнула при мысли, что придется сделать надрез. — Да так, чтобы не видно было! Быстро! Давай, голубушка!

Я прикидывала, что мне не жалко. И решила, что ногу не так жалко, как руку, поэтому закатала платье, под которым ничего не было, и стала ковырять ранку. Кровь выступила, а бабка обрадовалась и схватила простыню, вытирая ею кровь.

— Ну, все! Кажись, поспели! — выдохнула она. — А теперь кричи! Громко! Помогите!

— Помогите!!! — закричала я. — Помогите!!!

Бабка бросилась к двери, а потом громко хлопнула ею и влетела обратно, в голос запричитав: «Ой, батюшки! Что ж енто делается! Князь занемог! Ой!».

Ее крики подействовали, словно магия. Послышался топот ног, а я дернулась, когда дверь распахнулась, и в нее влетели незнакомые мне люди. Завидев, красавца — князя на полу, они побледнели, переглянулись и стали орать, окружая его.

— Ой, бедная девонька, — нараспев причитала бабка, прижимая меня к себе. — Перепугалась... Ну ничего... Все образуется...

Я надеялась, что его сейчас спасут. Честно надеялась. Я сегодня такое видела, что в голове до сих пор не укладывается! А вы говорите, магии нет! Если нет, тогда что это было там, в лесу?

Князя осматривали со всех сторон, а потом какой-то бородатый мужик поднял на нас глаза и произнес испуганным голосом.

— Князь мертв!

Глава 9

Фраза: «Итить — колотить», которая больше всего подходила к этой ситуации, была крайне неуместна из-за опечаленных лиц.

Поэтому я скромно промолчала. Изредка на меня бросали взгляды. Всем хотелось выяснить, что я такая за женщина, на которой князь кончился. Как я сделала так, что молодой, здоровый, крепкий мужик сделал «брык» и все.

Конечно, можно было подумать, что бедное княжеское сердечко любви не выдержало. Но я решила выводами не делиться. Но князя было очень жаль... Настолько жаль, что я нервно сглотнула.

— Ой, бедняжечка! — причитала знакомая бабка, чье имя я должна была знать, но не знала. — Ой, что ж делается то! А-а-а!

Мне тонко намекали, что я должна плакать изо всех сил. И погромче. Но плакать у меня не получалось. Я все еще была в шоке и выходить из него пока не собиралась.

— Что-то княжна не плачет? — настороженно спросил один из бородатых подозревав. Сейчас бочка медленно, но верно подозрений катилась в мою сторону.

— Ревя, дуреха! — шепнула бабка, а я видела, как присутствующие с лицами весьма скорбными и подозрительными, поглядывали на меня. Но слеза никак не шла. И сопля не показывалась.

— Да вы только поглядите! Она же бела, как полотно! — вместо меня ответила бабка. — Того и глядишь сомлеет! Ты присядь, голубушка... Присядь! Ну, полно тебе! Всякое в жизни бывает!

Ловкая старушенция заслонила меня от других, наглаживая по голове. Пока я все еще пыталась обдумать случившееся. Нет, я все понимаю, но чтобы вот так! И не то, чтобы мне хотелось, чтобы это случилось. Нет, я — девушка строгих правил! И никаких поцелуев на первом свидании. Но князь был красавцем, каких поискать. Да! Так жизнь меня еще не обламывала!

— Бедняжечка... — причитала бабка, пока я уткнулась в ее грудь, слыша топот ног и тихие голоса. — Ой, беда-то какая!

Я не видела, что там происходит. Все заслоняла бабка. Но что-то мне подсказывало, что молодые князья с богатырским здоровьем просто так не помирают. Сомневаюсь я, что это он с виду богатырь, а на деле каждую неделю в больнице очереди просиживал с анализами в руках.

— Вече собирать надобно! Раз князь помер! — басовито заявил один бородач. — Кто ж теперь княжить будет?

— А княгиня на что? А? — тут же спохватилась бабка, тыча пальцем на меня. — Тем паче вон! Кровь есть! Так что любовь промеж ними случилась! А ежели дите понесла? А? Княжеское?

Вот тут я чуть не поперхнулась.

— А кто про это прознает? — задумчиво спросил боярин, наглаживая окладистую темную бороду. Все переглянулись, как бы поддерживая мысль.

— Люди!!! Добрые!!! Князь помер, но успел!!! Ждем дитячко!!! — заорала бабка так громко, что у меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Казалось, ее сам Горыныч услышал и кем-то поперхнулся.

— Теперича все знают, — спокойно заметила бабка, словно и не орала вовсе. — Так что с княгиней ничего поделать не сможете! Было? Было! Вон кровь на ней! Первая, девичья!

— Так ведь времени то совсем немного прошло! Не поспел бы! — переглядывались бояре, а я поняла, куда бабка клонит. Что-то мне бояре доверия не внушают.

— А это уже к князю вопросы! — заметила бабка, разводя руками. — Мой муж — покойник и быстрее справлялся! Он за это время даже два раза успевал! Кто виноват, что князюшка наш от красоты такой скорострелом стал?

Игнорировать факт того, что я могу быть потенциальной матерью нового князя, бояре не могли. От того погрустнели. Тело князя поспешили унести, закрыв за собой резную дверь в княжеские покои. Только сейчас я поняла, что предположительное наличие ребенка спасло мне жизнь. Но ведь ничего не было! И ребенка точно быть не должно!

— И как дальше выкручиваться будем? — спросила я шепотом.

— Есть у меня мысля одна... — заметила пронырливая бабка таким же таинственным полушепотом. — Надобно тебе срочно мужика искать. Да такого, чтобы на князя похож был!

ЧТо?!!

Глава 10

— Вы сейчас серьезно? — произнесла я, видя, как обстоятельная бабка серьезно подходит к делу.

— А что? Шутки шутить буду? Князь помер, бояре спят и видят, как самим княжить! — ворчала бабка, раздевая меня. Когда оковы спали, я почувствовала легкость. — Завтра реви, как в последний раз... И живот руками наглаживай, мол, дитяtko жду. А сама глазами по сторонам зыркай, мужичка высматривай. Да не абы какого! Чтобы на князя смахивал! Иначе жди беды...

Я вздохнула. План казался гениальным только для тех, кто в нем не участвует.

Это ж надо было так влипнуть! Я схватилась за голову.

— Ты, главное реви, как в последний раз! — научала бабка, укладывая меня спать. — Ладно, спи, утро вечером мудренее! Завтра ты должна показать всем, что ты — княгиня, а не сопля, что на князе повисла! Иначе, мигом от тебя избавятся...

«Княгиня!» — повторила я, все еще не веря.

Ворочаясь в кровати, я понимала. У красавца — князя сегодня плохой день. А у меня еще можно сказать и удачный.

Но что-то кололо мне в душе. «Тебе что? Князь понравился?», — спрашивала я у себя, но тут же слышала собственное возмущение: «Да нет! С чего ты взяла! Да никогда!». И понимала, что понравился. Красивый мужик. Был.

Как хорошо бы проснуться у себя дома...

— Че вертис-с-ся? — послышался голос бабки в темноте. — Не спится? Давай расскажу, чтобы уснула быстро!

О, сказка не помешает! Я уже приготовилась слушать, отвлекая свои мысли от дел насущных.

— Девка маленькая в окно однажды выглянула, а там ночь на дворе, — начала бабка, а я устроилась поудобней. Давно мне сказки не рассказывали! Я даже улыбнулась в темноте. — Смотрит, а по улице старуха с котомкой идет. Откуда взялась? Да кто его знает. Идет и что-то высматривает. Глаза у старухи в темноте горят, а она ими то туда, то сюда зыркает... Подошла она значит к дому соседскому...

Поскреблась, а потом вошла, словно не заперто было. Побывала там немного, а потом вышла. Так же тихо. Опять идет зыркает по сторонам... И к этому девкиному дому подошла. Услышала девка, как кто-то в дверь скребется, так сразу легла на сундук, покрывалом укрылась. Тишина в доме. Половица не скрипнет... Утром, от плача проснулась. Мамка над колыбелькой ревет. Братик меньшей помер. А из соседского дома тоже плач. Дед старый убрался. Видать, бабка не просто так ходила. И не бабка была вовсе, а смерть...

Я лежала, чувствуя, как у меня волосы дыбом стоят. Ничего себе сказочка, мать его итить... И главное, то как бабка ее рассказывала! В конце такой зловещий голос был, что я перед сном в туалет не хотела, а сейчас немного захотела. Но если перед сном были возможности, но не было потребности. То сейчас потребность была, а вот идти куда-то в темноте, ужасно не хотелось. Мурашки бегали по коже туда — сюда. Казалось, все вокруг шорохами наполнилось...

— Ну, все, спи, — послышался голос бабки, а я поняла, что еще одна такая сказочка, и я поседею. — Или еще одну рассказать?

— Нет, спасибо, — прошептала я. Нервные клетки до сих пор бурно обсуждали предыдущую сказку. И пугались каждого шороха.

— Ну и славно! Завтра выйдешь, на княжеское место сядешь! Дескать, я теперь княгиня! И норов свой покажешь! Дескать, у тебя не забалуешь! — наставляла бабка, зевая. — На похороны тебя могут не позвати. Раз ты у нас дитяtko носишь! Негоже тебе на похоронах стоять!

Ну, хоть тут от сердца отлегло. И все-таки князя жалко. Красавец... С чего это он умер? Причем, ни с того, ни с сего?

— А князюшку нашего, видать, отравили! — заметила бабка, словно мысли читая. — Верхосытком. А ты жива осталась, потому, как ничего не ела!

Вот это новости!

Глава 11

Какие прекрасные люди!

— А сейчас за княжеское место бороться будут! А оно — твое по праву! Так что, спи, высыпайся. Завтра целый день скорбеть! — вздохнула бабка, укладываясь спать.

Вертелась я и так, и эдак. Казалось, после таких новостей сна ни в одном глазу. Везде мне чудились скрипучие шаги, шелесты и шорохи. Я натягивала одеяло на себя, слыша, как на улице гуляет ветер. Бабка уже храпела, а я понимала, что больше всего на свете сейчас хочу проснуться в своей уютной квартирке.

— Давай, зажмурься и... — шептала я, втайне надеясь, что проснусь я по будильнику. Теперь мой будильник, который я ненавидела по утрам, казался мне райской музыкой.

Я открыла глаза, а вокруг был день деньской. Солнце ломилось в окно яркими лучами, заставляя щуриться.

— Проснулась, солнышко ясное! — послышался голос бабки. — Сейчас я тебя учить буду! Князюшку твоего уже схоронили. Сейчас тризна будет. А ты должна будешь на ней себя показать. Что у тебя не забалуешь!

Бабка открыла сундук и достала наряд, похожий на сбрую. Из-за вышивки он весил килограммов десять.

— Иди сюда, вдовушка. Вдовушка — соловушка, — кряхтела бабка, помогая мне умыться и облачиться. — Вон, гляди, что я тебе сготовила! Ешь, не робей!

Я увидела кашу с грибами и несколько ломтей хлеба.

Голод превратил меня в кровожадное чудовище. Воспитательница в детском саду сейчас бы прослезилась бы от умиления, глядя, как я уплетаю кашу за обе щеки.

— И домовому мисочку поставь! — потребовала бабка. — Так принято!

— Домовому? — спросила я, облизывая расписную деревянную ложку.

— А то! — хмыкнула бабка. — Теперича ты хозяйка терема! Так что помощь домового тебе понадобится!

Он взяла остатки каши, которые я не доела, взяла маленькую узорчатую миску и положила сверху хлебушек.

— Ну что, неси ему! — произнесла бабка, а я пожала плечами. — Ласково! Помни!

— А куда нести? — спросила я, осматриваясь.

— Возле сундука поставь... — кивнула бабка, а я поставила миску, поправив хлебушек.

— Угощайся... — произнесла я робко.

— Домовой, батюшка! — подсказывала бабка, как вдруг в углу что-то зашелестело. Черная мохнатая рука вылезла из темноты, схватила миску и...

Я медленно отступала, чувствуя, что никак не могу привыкнуть к чудесам.

— Ну вот и славно! — заметила бабка. — Баба Дуня тебя плохому не научит!

О! Теперь я знаю, как бабку зовут! За сундуком что-то чавкало, а я смотрела то на сундук, то на бабку.

— Домовой он и о беде предупредит! — заметила баб Дуня, нараспев. — Как навалится на тебя, ты сразу такая: «К худу или к добру?». А он тебе ответит!

— Спасибо, — выдохнула я, понимая, что сигнализация активирована.

— Ну что! Иди на тризну! Лицо бледное, каменное, скорбное! — наущала бабка. — Словно ты за всю ночь все глаза выплакала, а наутро слез не осталось. — Ну давай, поплачь сейчас!

Я как ни пыталась, не выходило.

— На! Я тут для тебя луковку припасла! — заметила бабка. — Ты ее в платочек заверни... И глаза ею разотри!

Я поднесла разрез луковицы к глазам, а слезы выступили моментально.

— О, совсем другое дело! — потеряла руки бабка. — Понимаю, что слезы проливать по нему не хочется, после того, что князь с отцом твоим сотворил...

Так, а этого я не знала!

Глава 12

Любопытство раздирало меня, а баба Дуня махнула рукой.

— Что было, то было... — вздохнула она. — Так что туда ему, князюшке, и дорога! Нечего прошлое ворошить, а то беду накличешь! Давай, девка! Сейчас выйдешь к тризне, лицо подымешь, чтобы все слезу видали. Коли на княжем месте чья-то задница греется, бровь нахмурь сурово! И скажешь. Ты почто княжеское место занял! Не успели князя, мужа мово. Прямо так и подчерни! Не успели мужа мово схоронить, а ты уже место греешь. Место, которое я сыну отдам, княжескому! Поняла?

Что-то мне туда не хочется! Я чувствовала, что меня там не ждут.

— А если ерепениться будет, так сразу и скажи! Значит, ты мужа моего со свету сжил, пес шелудивый! — бабка уперла руки в боки, а я боялась, что такое не повторю. — Ты на ус мотай!

Я пока что могла моргать.

— А если и после этого не слезет? — спросила я, понимая, что сейчас мне придется власть отстаивать.

— Вот тогда и скажи, что бабка твоя — ведьмой была. И знания тебе передала. Такую порчу на яйцах сделаю, что куриными яйцами не выкатаешь! — нахмурилась бабка.

— И что? Правда, сделаю? — спросила я, поглядывая на свои руки.

— Не знаю, не знаю, — заметила баба Дуня.

То, что бабка недоговаривает, было понятно по ее выражению лица.

— Пойдем! Луком глаза три! — скомандовала бабка, а я пожала плечами и стала тереть. Слезы брызнули, даже остановиться не могли.

Тяжелая дверь княжеских покоев скрипнула, а я пошла по терему в сторону приглушенных голосов, которые что-то обсуждали. Слов было не разобрать, а я понимала, что мне не очень-то и хочется!

С каждым шагом голоса становились громче. Огромные двери с девами — птицами, искусно вырезанными в угловатом узоре, распахнулись, а в часть присутствующих умолкла. Вторая часть обернулась и тоже умолкла.

Место князя было пусто. Рядом с ним была скромный стульчик, предназначенный для княгини. Смотрелось все это как стул до ремонта и украшения и после.

Все, затаив дыхание следили, куда я присяду.

— На княжеское место садись! — шикнула бабка, горбатой мышью пробираясь за мной.

— Почему не на место княгини? — спросила я шепотом.

— Была бы я тонкая — звонкая да лет двадцать назад, я бы и за местом княгини поместилась бы! — усмехнулась баба Дуня.

Я уселась на княжеское место, глядя сквозь слезы на недовольных бояр. Все загудели, как возмущенный улей.

— А с чего это княгиня на мужнином месте уселась?! А?! — голосом с хитрой подковыркой произнес бородатый по правую сторону. На его бороде виднелись потеки от кубка.

Народ довольно загалдел.

«Проверяют!», — пронеслось в голове, а я расправила плечи, как учила бабка.

— Вышел бы ты замуж за князя, тоже мог бы на его место сесть! — произнесла я, не забывая утирать слезы.

Образ безутешной лебедушки — страдальцы явно не клеился с ответом. В воздухе запахло когнитивным диссонансом.

— Так его! — послышался тихий, науськивающий шепот.

— Так где правда, то? — послышался голос еще одного боярина. Борода у него была огненной рыжей. — Пospел князь вчера или нет? Уж мало времени прошло!

— Можешь у князя самого спросить, — произнесла я, чувствуя, как руки впиваются в подлокотник от напряжения. Нос хлопнул, а бабка усмехнулась: «Хорошо сморозила! Так их, для оснастки! Пусть боятся!».

Кого-то мне эта бабка напоминает. Точно! Сватью бабу Бабариху из старого мультика.

Пока что недовольные бояре то и дело зыркали друг на друга.

— А вдруг не вышло с дитяtkом? Ну, раз так, то князь нам новый нужен! Жениха бы княгине нового сыскать! — послышался голос, а я не успела понять, кто это сказал.

Идея вызвала оживление. Все называли какие-то имена родственников. Дело чуть до драки не дошло!

— Князь еще помереть не успел, а вы уже жениха мне ищете... А беду накликасть не хотите?! — суфлировала бабка. — И бровь хмурь!

— Князь еще остыть не успел, а вы уже жениха мне нового ищете! — произнесла я, едва ли не вскакивая. — А беду накликасть не хотите?!

Бояре приумолкли. Но при этом зыркали на меня.

— Волос долог, а ум короток! Как баба сама будет дела княжеские вершить? А соседи, как прознают, что князь у нас помер, так быстро к нам с дружиной придут! — возмущались бояре.

— Есть жених! — крикнул голос.

Я нервно заерзала. Простите, но институтов по управлению дружиной и княжескому делу я не заканчивала. Так что как себя вести не знала.

— Скажи, что сама жениха себе выберешь! — слышался шепот бабки. — Расхвали князя и скажи, что под стать нужен!

Я прокашлялась, опустив глаза на стол. Там лежали петушиные гребни, а я почувствовала себя слегка беременной.

— Князь наш был... — произнесла я, видя, как все затихли. — Мужественным, храбрым, мудрым...

Я никогда еще не нахваливала человека, которого знала часа три от силы.

«И пунктуальным!», — подсказывало что-то внутри, когда я вспоминала свечку в руках.

— Так и жених должен быть под стать ему! — произнесла я. — Так что выбирать сама буду!

Одобрительный гомон заставил меня немного расслабиться.

— А мы уж выберем! — потирала бабка руки за широкой спинкой княжеского кресла. — Вот, еще времячко выгадали! Ну все, нечего засиживаться!

Я встала, понимая, что слово свое сказала, а бояре согласились.

Бабка сгорбленной тенью следовала за мной, а я уже направилась в сторону покоев.

— Стой туточки, — прошептала бабка, отпирая покои. Она там походила, пошуршала, а потом позвала меня.

— Ну все, девонька моя, справились! Даже лучше вышло, чем надумала! — усмехнулась бабка. — Сейчас жонихов будут собирать,

своих сыновей, братьев, племянников предлагать. Есть чем боярам заняться.

Я поела, правда, без аппетита и посмотрела в окно, где уже собиралась ночь. В глубине души я чувствовала себя пленницей в огромных палатах. И маршрут у меня один и тот же. Зал — покои, зал — покои.

— Ну что нос повесила? — спросила баба Дуня. — Живи теперича и радуйся. На пирах сиди, жениха выбирай!

— А у всех княгинь такая жизнь? — спросила я, понимая, что уныленько как-то получается.

— Ой, деточка, — покачала головой баба Дуня. — У всех, милая, у всех. Кто-то еще детей рожает. Мать твоя так же жила. И бабка тоже. Тебе еще послабление есть. Это отец твой тебе разрешал ходить, куды вздумается. А при муже не забалуешь! Я сколько раз тебе говорила. Готовила тебя. Неужто забыла? Или прослушала!

Я вздохнула.

Какая интересная жизнь, получается! Насыщенная, главное!

— Сидишь себе, вышиваешь, да князя ждешь! Думы думаешь, о судьбинушке его, стенаешь, — мечтательно заметила бабка. — Вот жизнь какая! Многие о ней мечтают! Это ж лучше, чем в поле пахать... Воду из колодца черпать, белье в реке полоскать. А тут и постирают, и прополощут, и сами воду нанесут... Да...

Я сглотнула, понимая, что в качестве разнообразия и развлечения мне предоставляются стенания, думы, супружеский долг и рождение детей. И все разнообразие исходит от мужа, который у меня вчера навсегда закрыл глаза.

Из не связанных с мужем развлечений была только вышивка.

Грустно.

— Бывало соберет твоя мать девиц в светелке, а они давай щебетать — рассказывать... вздохнула бабка. — Вот тебе и жизнь княжеская. Зато сытая!

Я уже поняла, что отец мой — не то местный князек, не то боярин. И что его смерть как-то с князем связана. Мать умерла раньше. А моим воспитанием бабка занималась.

— Ну, утро вечером мудренее, — умиротворенно произнесла бабка. — Давай я тебя раздену, спать уложу да сказку расскажу!

Я лежала в кровати, чувствуя, как шевелятся волосы от сказки.

— Любились, значит, парень с девкой. Парень то уехал, чтобы деньгу заработать. А девка одна осталась. Вестей от него никаких. И вот однажды, стучится в дверь ночью. А девка проснулась, глянула в оконце, а там милый стоит. Он ее за руку берет, а она к нему и так и эдак ластится... — задумалась бабка. — А то не он! То — покойник за ней пришел! Говорит ей, чтобы она с ним пошла. Девка соглашается и идет. Наутро вся деревня переполошилась. Девка пропала. Нет ее. А потом, возле леса нашли разорванную.словно дикий зверь рвал. По ленточкам да по косе узнали... Вот...

От второй сказки я отказалась, повернувшись на бок.

Ну и дела!

Теперь каждый шорох казался мне страшным, а я через силу уснула.

Проснулась я внезапно, посреди ночи... От странного запаха в горнице. Пахло землей и сыростью... Обернувшись на скрип половицы, я увидела высокий силуэт, стоящий в дверях.

Глаза у силуэта горели каким-то странным желтым светом.

— Бабка! — испуганно прошептала я, глядя на спящую неподалеку бабку. Но она даже не пошевелилась. — Бабка!!!

Но бабка спала, а я снова обернулась, как вдруг увидела перед собой... мужа!

Глава 13

Я была не из тех девушек, которые ловят инфаркт миокарда от поднятого ветром или заманчиво шелестящего в зловещего вида кустах целлофанового пакетика.

Но тут был не пакетик.

Сначала мне показалось, что показалось. Я сглотнула, моргнула, как вдруг поняла. Что мне не показалось!

Примерзнув к кровати, я чувствовала мелкую, противную дрожь, пробежавшую по телу. Волосы поднимались и шевелились, когда я слышала скрип половицы. Словно смычок по натянутой струне нервов.

Зубы предательски застучали, а я попыталась сделать вид, что сплю. «Прикинься дохлой — медведь понюхает и сам уйдет!», — учили меня в школе. Теперь я очень надеялась, что у князя и медведя есть много общего, кроме фигуры.

«Он походит и уйдет!», — мысленно утешала я себя, слыша шаги.

Скрип половицы был совсем близко. Я едва не вздрогнула от него.

Пока что я старательно пыталась делать вид, что сплю. Тело всячески мне помогало. Оно оцепенело от страха и внезапного холода.

«Что-то не уходит!», — пронеслось тревожное в голове, когда шаги были совсем близко.

«А понюхать?», — вспомнила я, крепко закрывая глаза.

Прикосновение холодной руки к щеке заставило меня разучиться дышать.

«Все, понюхал! Уходи!!!», — мысленно орала я, понимая, что нервы уже на пределе.

Я слышала шелест, а кровать скрипнула.

«А он точно понюхать?», — подумала я, изображая спящую.

Рука, легла мне на бедро, а покрывало стало сползать.

«Мне кажется, он пришел не понюхать!», — пронеслось в голове.

Ну все! Нервы не выдержали, и я дернулась, открывая глаза.

— Пшел вон! — пискнула я, очень убедительным дрожащим голосом.

Я видела светлые волосы, разбросанные по широким плечам, красивое лицо, которое запомнила с первой брачной ночи... Кажется, ничего не изменилось. Вот только глаза!

Теперь они горели каким-то желтоватым светом. Не то, чтобы у меня было предубеждение против какого-либо цвета глаз, но глаза меня пугали. А им очень сильно помогала мысль о том, что князя сегодня схоронили!

— Ждала, душа моя? — послышался властный и насмешливый голос. Он стоял в комнате, а бабка спала, как убитая! Вот мне бы так! Пусть он к ней ходит, а я в этот момент буду десятый сон видеть!

— Ты... Ты же умер, — прошептала я, поднимая брови.

— И что? — насмешливо произнес князь. — Как услышал твои слезы, так к тебе вернулся, дорогая жена!

«Плохо дело! Плохо!», — сглотнула я, понимая, что надо орать во все горло.

— Баба Дуня!!! — заорала я, выдавая такие децибелы, что услышать должны были за двести километров. — Баба Дуня!!!

Красавец князь со светящимися глазами бросил мимолетный взгляд на спящую бабку. На его губах появилась загадочная улыбка.

— Спит терем, не добудишься до утра, — произнес он, пока проклятая бабка ворочалась во сне. — До петухов проспит...

— Ты что здесь делаешь? — прошептала я, понимая, что ничем хорошим эта встреча не закончится.

— Как же я без тебя, голубушка моя? — произнес князь. — Ты же сама меня из могилы вызвала!

— К-к-как? — икнула я, понимая, что бежать надо.

— Тебе ли не знать! — усмехнулся князь, а я посмотрела на приоткрытую дверь. — Так что я пришел свое взять...

— С-с-свое? — прошептала я, чувствуя, что от его приближения у меня руки холодеют.

«Свое у мужчины в штанах! Остальное — чужое!», — пронеслось в голове у меня.

В темных покаях и так было прохладно, но сейчас, казалось, стужа! Я прямо физически чувствовала холод Нави, исходящий от мужа.

— Иди ко мне, любовь моя! — ласково заметил красавец — князь, потряхнув золотом волос. — Приголублю! Иди ко мне, свет очей моих,

княгиня!

Он схватил меня, а я вырвалась из оцепенения и бросилась на четвереньках по кровати. Резкий рывок опрокинул меня на кровать, а я почувствовала, как холодные руки прижимают меня к себе.

— Помогите! — визжала я. Темная тень в углу горницы промелькнула в свете, падающем из окна. — Д-д-домовой!!!

Я вспомнила про домового, который обитал здесь.

— Домовой! — пискнула я, чувствуя, как сильные руки прижимают меня к себе. — Домовой... эм... Батюшка!!!

— Пшел вон! — послышалось из-за сундука. — Сгинь! Пропади! Потом тишина.

— Брысь- брысь- брысь! — пошипел кошкой домовой.

И снова притих.

— И это все? — задохнулась я, глядя на мужа.

— Я пытался. Сделал, все, что мог! — прокряхтел голос за сундуком. — Силен князь... А я не каши мало ем!

Я пообещала себе, что если переживу эту ночь, то буду кормить домового кастрюлями! Только бы пережить!

Я почувствовала, как холодные губы целуют меня, а руки, сжимают так, словно я уже... того.

Выгадав мгновение, я оттолкнула его, слыша хруст рубахи в его руках. Спотыкаясь, стуча босыми пятками, я бросилась в дверь.

Глава 14

Я выбежала в главный зал терема, чувствуя, как от страха не могу сориентироваться. Что? Что он от меня хочет!

На мои крики никто не вышел, хотя кричала я как потерпевшая. Быть может, внезапная смерть княгини сыграет на руку любителям чужих кресел! А может просто все спали каким-то странным сном! Как та же бабка!

Заметавшись, я спряталась под стол, понимая, что время поджимает.

Затаившись под дубовым столом, я вслушивалась в шаги. Сердце выскакивало из груди, а я не могла поверить, что такое возможно! Муж! С того света!

И главное, зачем?

Пытаясь проглотить свое сердце, я замирала от каждого шороха. Я слышала шаги. Уверенные, твердые...

И эти шаги приближались.

Зубы застучали, а я замерла, боясь пошевелиться.

Роскошные сапоги прошли вдоль стола, потом обогнули его, а я дышала через раз.

— Свет очей моих, княгиня, — послышался тихий голос. — Иди ко мне, приголублю!

Я почувствовала, что в голосе звенит насмешка.

Меня точно голубить будут, если поймают?

— Зачем же ты меня вызвала? — снова послышался голос, а сапоги остановились.

Я никого не вызвала! Ни пожарных, ни милицию, ни бывшего покойного мужа!

Может, поговорить?

А стоит ли?

Хотя, вдруг приголубит так, что потом меня рядом положат?

Эта мысль сразу отсекала все возможные коммуникации между нами.

Сапоги стали уходить. Я почувствовала, как собранное от напряжения тело начало расслабляться и трястись.

Сапоги вернулись в зал.

Тихий крик где-то заставил меня дернуться и снова сжаться в комочек.

И тут я услышала сиплое: «Кукареку!». Какой-то петух надрывно закричал где-то вдалеке, как вдруг сапоги направились в сторону дверей и скрылись за ними.

— Кукареку! — орал петух, а я выжидала. Да нет, вроде бы. Тихо.

Я выползла из-под длинного стола, стряхивая с колен мусор. А с каких пор у нас здесь так грязно? Княгиня я, или как? Почему в главном зале не убирают? Это что за огрызок лежит?

— Свиньи, — буркнула я, понимая, что полы мыть надо! И пометать тоже. Мало ли, где княгине прятаться придется?

Я направилась в свою комнату, вздрагивая от каждого скрипа и шороха. Дверь была открыта настежь, а я закрыла ее, видя, как бабка тут же встрепенулась и открыла глаза.

— Батюшки! — выдала баба Дуня. — Итить- колотить! Время —то сколько?

И тут она посмотрела на меня.

— Ты где была?! — округлила глаза бабка, бросаясь ко мне. — И рубаха порвана! Ба!

— Муж приходил, — произнесла я, видя, как баба Дуня плюхается на кровать.

— Чур меня, чур! — отмахнулась она. — Да иди ты! Тоже мне! Шутки!

— Да нет же! — повысила я голос. — Он приходил! Был здесь! Вот на этом самом месте!

Бабка смотрела на меня так, словно я учу ее пользоваться телефоном.

— С такими вещами не шутят! — строго произнесла бабка, выдыхая. — Так и скажи, что приснилось тебе... Ой...

Она схватилась рукой за сердце, а я присела на кровать рядом. А может, правда? Приснилось? А я от нервов просто бегала? Может, поэтому никто не проснулся, когда я кричала? И это мои персональные галлюцинации.

— Ну, приснился, — успокаивала бабка. — И что во сне хотел?

— Голубится, — ответила я, задумчиво. Нет, ну правда? Как понять, что все наяву было? Может, действительно сон?

Сухонькая рука погладила меня по спине.

— Ну, так приснился, — утвердительно заметила бабка. — Ты просто думала о нем, вот и приснился... Как говорится, к окошку подойди и скажи: «Куда ночь, туда и сон!».

Я послушно подошла к окошку и произнесла фразу.

За окошком я видела такой же точно терем и солнечные лучи, которые облизывали темное дерево.

— Хороший сон воскресни, а плохой сон — пополам тресни! — приговаривала бабка, а я повторяла за ней.

— Ну вот и славно! — улыбнулась старуха. — Теперича наряжаться... Княжна всегда наряженной будет. А то вдруг жониха какого приведут? А нам это на руку! Чем быстрее ты замуж выйдешь, тем лучше. А ежели не выйдешь, то мужика высматривай. Чтобы на князя походил.

Не успела я отойти от окна, как вдруг увидела, что к нам кто-то едет... Присмотревшись, я увидела целый отряд конных. В лучах рассвета на их кольчугах плясали малиновые блики.

— Ба! Нам войну объявили! — дернулась я, вспоминая, что нам говорили.

— Войну? Каку войну? — спросила бабка, перепугавшись. — А! Не война это! А жоних!

И лицо у бабки растеклось в улыбке. Она потерла руки.

— Вот ведь как быстро сплетни да слухи ползут. Вон и первый жоних пожаловал!

Глава 15

— Жених? — скривилась я, глядя на всадника. Держался он гордо, спина прямая. Сразу видно, что мужик — крепкий и самоуверенный.

— А это что за... — присмотрелась я к какой-то телеге, которая волочилась вслед за всадниками.

— Видать, подарки! — заметила бабка, тоже изнемогая от любопытства. — Ой, так что это мы стоим! Тебе же наряжаться надо! У нас товар, у вас — купец!

— А не много ли купцов-то? — спросила я. — За неделю?

— Сколько судьбой отмеряно — все твои! — заметила баба Дуня, заметно повеселев. — А ты боялась, что дитятко придется срочно делать. А не придется, коли новый князь будет!

Ворота перед ними открылись, а баба Дуня дернула меня обратно.

— Негоже, княгине, как простой девке по пояс в окно высовываться! — проворчала она.

Интересно, кем она мне приходилась? Родственницей или просто воспитательницей? Впрочем, если бы не она, я бы уже лежала рядом с князем.

— Сейчас девку принарядим! — ворковала бабка. — Ты в оба гляди. Чтобы и мужем хорошим был, и князем неплохим. Наоборот не надобно!

На меня водрузили платье, волосы быстро расчесали и заплели, хлопуча на голову дурацкую шапочку — кокошник.

— А как мне себя вести? — спросила я, радуясь, что догадалась.

— Веди себя, как княгиня. Цену себе набивай! Помнишь, как ты вела себя с князем — покойником? Вот так и веди! — проворчала бабка, поправляя на мне одежду. — Ну красавица! Ну прямо глаз радуешь!

Сейчас я была почти уверена, что это — сон. И красавец — князь мне всего лишь приснился. Ну, бывают такие кошмарики, когда бегаешь из угла в угол. И тут, видать, такой же...

Я даже слегка повеселела.

— Княгиня, — услышала я стук в дверь. Девка с длинной косой почти до колен, в сарафане позвала меня. — К вам жених приехал. Вас просит!

— Иди! — легонько подтолкнула меня в спину баба Дуня, а я направилась в главный зал. Стараясь не смотреть на делегацию, я присела в княжеское кресло.

— Ах, Милана, краса моя! — начал слету мужик. Такое чувство, слово предыдущее «здравствуйте, как у вас здоровье? Как вы тут вообще?», он просто перемотал, приступив к делу.

— Гляди-ка какой обстоятельный! — заметила бабка, прячась за креслом. — Сразу в лоб!

Я смотрела на жениха не первой свежести, как на колбасу не первой свежести. Лет ему было под полтинник. И вся нелегкая жизнь на его лице отобразилась.

— Он старый, — едва слышно прошептала я, видя как жених расписывает себя любимого.

— Не стар, а опытен! Быстрее овдоеешь, — заметила шепотом бабка.

— И опять? — спросила я, понимая, что такими темпами мне суждено быть черной вдовой?

— А что ты хотела? Князь должен быть! — заметила бабка из-за кресла.

— От него потом даже сюда пахнет, — вздохнула я, кивая, какой расчудесный жених.

— Значит, вертеться умеет! — заметила бабка, которая не чаяла выдать меня замуж.

— И дары! — махнул рукой жених. Мне было любопытно, что мне подарят.

— Вот, меха! — заметил жених, а я смотрела на шкурки. Мне до ужаса было жаль зверюшек. — Вот золото...

Жених покрасовался, дарами сверкнул, и все выжидательно уставились на меня.

— Спасибо, я подумаю, — кивнула я, понимая, что сказать ему не знаю. Ну не хочу я за него замуж! От слова совсем!

И тут я подумала о своем князе. По сравнению с этим, мой просто красавец — писанный. Еще и молодой. Был.

Почему-то внутри что-то шевельнулось, когда я вспомнила красавца и его улыбку. Я вздохнула.

— Ты че? — бабка незаметно дернула меня, усаживая на место. — А гостеприимство?

— Накрыть стол для жениха! Видать устал с дороги, — произнесла я, видя, как все забежали. Бояре хмурились. Я должна была согласиться сразу. Но нет!

— А мне нездоровится, — произнесла я, когда на стол накрывали блюда «Последний день печени».

— Все о муже своем печалится, — произнесла бабка, помогая мне слинять. — Всю ночь не спала, в подушку ревела!

Но жениха это мало волновало. Он уже отломил огромный ломоть и стал есть вместе с другими.

Весь оставшийся день я слушала, как где-то пируют, а на ухо назойливым комаром зудела баба Дуня.

— А вдруг больше никто не посватается? Ты своей головой думай! — вертелась она вокруг меня. — А так при муже будешь! За ним оп! И спряталась!

Мне сама ситуация была неприятна.

— И сколько они там будут пировать? — спросила я, слыша, как кто-то тренькает на гусях. Каша в грибами и мясом стояла на столе и остывала.

— Могут до утра! Могут несколько дней! — заметила баба Дуня. — Как ты у отца — князя родилась, так неделю пировали!

— Прекрасно, — скрипнула зубами я.

— Ну что ж, утро вечером мудренее, — зевнула бабка, а я поняла, что если бы не кошмар, то пришлось бы вышивать для разнообразия. До чего же унылая жизнь княгини.

Я почти уснула, как вдруг снова проснулась среди ночи от запаха сырой земли...

Глава 16

— Это сон! — вяло пробормотала я себе под нос. — Тебе просто снится...

Только я решила провалиться обратно, как вдруг услышала протяжный скрип половицы, словно на нее кто-то наступил. Дернувшись, я увидела тень, которая нависла надо мной.

«Делай вид, что спишь!», — мысленно прошептала я себе. — «Он постоит и уйдет!».

Внутри все сжалось, тело напряглось. Даже сквозь пуховое одеяло я ощутила холод.

«Это сон! Тебе просто снится...», — убеждала я себя, как вдруг услышала, как кто-то ложится рядом. Движение руки были ну очень многообещающими.

Я обернулась, как вдруг увидела... князя.

Его глаза горели в темноте, а я попыталась выскользнуть из его объятий. Но сильные руки прижали меня к себе. Забившись, как рыба, выброшенная на сушу я, в панике скатилась с кровати, больно ударившись локтем. Пока все внутри замирало от боли, а я стонала, как при родах, мертвый князь встал и направился ко мне.

— Любовь моя, сердце мое... — слышался тихий голос. Я попятилась спиной на четвереньках, понимая, что надо бежать.

— Ай! — вздрогнула я, чувствуя, как меня пытаются ухватить. Меня ловко схватили и прижали к стене.

— Что ж ты меня не приголубишь? — слышала я тихий голос.

— Баба Дуня!!! — кричала я, видя, как бабка даже ухом не ведет. Она кемарила на лавке, подобрав под себя ноги и накрываясь шкурой.

— Что ж ты от меня лицо воротишь? — услышала я шепот, а мое лицо взяла холодная рука. На меня смотрели желтые светящиеся глаза, от которых коленка начала дергаться. — Не этого ли ты хотела? Ничего, я тебя с собой заберу...

Куда? Спасибо! Не надо! Я еще пожить хочу!

— Пойдем... — слышала я шепот, а крик на моих губах запечатал холодный поцелуй.

— Иии! — завизжала я, резко падая на колени и на четвереньках ползя к двери. Подскочив на дрожащие ноги, я бросилась бежать.

— А говорила, что это — сон! Ага! Ну уж очень реалистичный! — задыхалась я, прячась за углом. Я бежала куда-то, не зная куда. Единственное, о чем я умоляла, чтобы там не было тупика!

Вылетев на улицу, я увидела забор, который глухой стеной ограждал нечто похожее на сад. Спрятавшись за дерево, я пыталась уговорить свое сердце. Голова закружилась, а я крепко зажмурилась.

Постояв так несколько минут, я выдохнула, пришла в себя и решила вернуться в комнату. И ведь что странно! Бабка двери за засов запирала! Изнутри! А когда я выбегала, они открытыми были!

Я осмотрелась. Идти обратно не очень-то и хотелось.

Немного подышав свежим ночным воздухом, я ущипнула себя. Да вроде не сплю. Тряхнув головой, я зажмурилась и открыла глаза. Нет, я определенно не сплю!

И тут из двери вывалилась пьяная компания. Я притаилась за деревом, вслушиваясь голоса.

— Хороша! — слышался пьянящий голос. — Княгиня хороша!

Чуть-чуть выглянув из-за ивы, я увидела жениха, который на ногах не стоял.

— А то, что князя недавно схоронила? — спросил кто-то из его свиты.

— Да не беда! — махнул рукой жених.

Это подглядывать плохо. А подслушивать — очень даже хорошо.

— Бояре говорят, что строптивая, — снова обмолвился кто-то, растягивая слова.

— Ничего, и на нее управу найдем! — усмехнулся жених, а я скривилась. — У меня с бабами разговор короткий.

Бе-бе-бе!

Я уже твердо решила, что замуж я за него не пойду!

— Да, коли земли князя Лесьяра и дружина его к нам перейдет, так быстро мы соседей проучим! — усмехнулся князь, шатаясь.

Свита его поддакивала.

— Что-то ты княгиню не заинтересовал, — услышала я незнакомый сипловатый голос. — Как сквозь тебя смотрела... А ежели откажет?

— А надобно сделать так, чтобы не отказала! — заметил князь.

Ко мне, пошатываясь, направлялся жених. Нос у него был красный, глаза — ныряльщика, походка шатающаяся, а сам он выглядел так, как должен выглядеть человек после новогодних праздников.

Ай-я-яй! Плохи мои дела!

Глава 17

— Княже, кажись, рано ты к ней явился. Видел, что она по Лесьяру убивается, — заметил еще один из свиты, покачиваясь. — Так что откажут тебе, как пить дать! Ик! Зря приехали!

— Если дело в бабе, то тут быстро решить можно! — усмехнулся князь, остановившись от меня за десять шагов. — Где ее покой? Прознайте да расспросите! Я к ней сам завалюсь! А по утру отказать не посмеет!

— А если крик подымет? — спросил кто-то негромко. О, какие важные дела тут обсуждаются.

— Так я ее быстро успокою, — усмехнулся князь. — Она при мне смирная ходить будет. Глаз не подымать. У меня рука тяжелая.

Я сглотнула. У-у-у! Какой тиран — узурпатор! Как хорошо, что я не вышла за него. А теперь уже и точно не выйду!

— Так ведь не по правде деяния твои, княже, — слышался вздох.

Внезапно князь резко развернулся.

— А по правде, что на нас соседи лютые нападают? По правде?! — рычал он. — Нет в этом мире правды! Сила есть! И мне войско надо как-то заполучить! А ежели для этого придется строптивую бабу огулять, то быть посему! Ни одна баба не стоит деревень горящих! А то что она еще молодка — так это хорошо! Приятней будет!

Князь свирепо дышал, а я притаилась, боясь шелохнуться.

Вдруг он целенаправленно к дереву направился. Я так понимаю, по нужде!

Деваться был некуда.

— Так, а это у нас тут кто? — спросил князь, а я опешила. Меня обдало перегаром. — Ба! Ты гляди-ка! Княгиня! Ну что, княгинюшка, свет очей моих, согласна ли ты женой моей стать... По-хорошему!

В голосе князя прозвучала скрытая угроза. Он был настолько пьян, что едва держался на ногах. Я поняла, что это — мой шанс. И бросилась бежать.

— Да постой ты, красавица! — усмехнулся князь, ловко догнав меня и схватив грубыми шершавыми руками. Не руки, а прямо

наждачка! — Ну что? По сердцу я тебе пришелся? А?

— А ежели она кого позовет? — обеспокоенно произнес малый, осматриваясь на открытую дверь. — Дружину...

— Дружина князю подчиняется, а уж никак не бабе его! — усмехнулся князь, пытаясь силой развернуть мое лицо к себе. — Так ты согласна, женушка моя, ненаглядная?

— А с чего мне соглашаться? — произнесла я, пытаясь вырваться.

— Посмотрим, как ты утром запоешь! — прорычал вусмерть пьяный гость.

— Княже, оставь ее... — просил белобрысый малый. — Не пугай ее... Ты же потом жалеть будешь... Как хмель из головы выветрится...

— Молчать, щенок! — рявкнул князь, пытаясь меня поцеловать.

Я простонала, пытаясь отклониться от его поцелуев.

— Лучше вон! Возле двери встаньте! А то на шум прибежать могут! — приказал князь. — А я пока с княгиней позабавлюсь! Да, свет очей моих? Не бойсь! Я же женюсь на тебе потом!

С этими словами меня толкнули на траву. Я попыталась встать, но мне на грудь поставили ногу в грязном сапоге.

— Место свое знай! — усмехнулся князь. — Норов свой спрячь... Я норовистых не люблю. Быстро косу на руку намотаю да поучу немного уму — разуму!

— Помогите! — закричала я так пронзительно и громко, что чуть не охрипла.

Глава 18

На место возмущению пришел страх!

Чужой князь довольно ухмылялся и церемониться не собирался.

Я понимала, что силы не равны. Но расслабляться и получать удовольствие я не собиралась!

А пьяный гость попытался навалиться на меня, обдавая запахом перегала. Его руки сжали мои, а потом он перехватил их в одну руку. Нравилось ему, скотине, как я пытаюсь брыкаться.

Стянув ворот моей рубашки, он довольно ухмыльнулся увиденному. Незванный гость решил стать еще и незванным гостем еще и у меня под юбкой!

Как вдруг гость побледнел и замер. Рука его как раз в штаны нырнула. За инструментом. А тут он че-то застыл.

Первой мыслью была про зайца и крыльцо. «Сунул руку — чего-то не досчитался!», — пронеслось в голове.

А что еще можно подумать, видя, как мужик стоит бледный с рукой в штанах. Бессовестный жених забыл, зачем вообще полез в штаны.

Все эти мысли стремительным вихрем пронеслись за секунду до того, как незванный гость открыл рот. Мысли зашевелились разные. Я, конечно, не знаток мужской физиологии. Но вдруг ему оттуда жизненно важный орган уголовный кодекс знает лучше, чем владелец? Или намекает, что он — очень законопослушный орган? Или совесть у органа проснулась? Может, она вообще от хозяина отдельно проживает?

— Мертвец! — выдохнул гость, безотрывно глядя куда-то надо мной.

Сначала я не поняла, это он так факт констатирует, грустный для каждого мужчины, или...

Те, кому было приказано охранять дверь, застыли, словно статуи. Один вообще сел. Решив не мешкать, я воспользовалась заминкой, освободив руки и пытаюсь встать, как вдруг увидела Лесьяра, стоящего над нами. Его глаза светились, а лицо исказилось гримасой ненависти.

Ну и силища у него! Он поднял гостя так, что красивые сапоги оторвались от земли. Бледный гость трясся, оцепенев от ужаса. Лесьяр схватил гостя за грудки, срывая его с меня.

Я же пыталась встать или хотя бы отползти...

Одно движение, и жених рухнул вниз со свернутой шеей.

Свита князя бросилась бежать! Кто-то спотыкался, кто-то падал. По одному вообще пробежались, оттоптав ему всю спину.

Расшитый сапогу Лесьяра наступил на грудь бездыханного гостя. Я видела, как он вытер сапог о чужой расшитый кафтан.

Я смотрела на него с изумлением. Горящие мертвяцким светом глаза безотрывно смотрели на меня, а у меня промелькнула мысль: «А ведь я бы смогла полюбить его...».

Луна заливала сад, а я цепенела от его взгляда. Мы так и стояли друг перед другом. В лунном свете его лицо казалось совсем белым.

«Это сон...», — выдохнула я себе под нос. Осторожно делая шаг назад, я отходила к двери.

А потом бросилась бежать в терем. Простучав ногами по коридору, я влетела в комнату.

— Баба Дуня! — трясла я спящую бабку. Голова той дергалась, но бабка спала и не просыпалась.

Запаниковав, я вспомнила про засовы. С трудом сдвинув резной засов, я привалилась к двери.

Но мне этого показалось мало, и я решила придвинуть сундук.

— Эй-эй! — послышался скрипучий голосок домового. — Ты куды! На место поставь!

— Теперь его место здесь! — покачнулась я, поражаясь, откуда у меня взялось столько сил!

Осторожно пятясь, я дошла до кровати и улеглась в нее, чувствуя холод. Я лежала и все не могла согреться. Меня словно колотил озноб.

А потом я вроде бы пригрелась и уснула.

Наутро я проснулась от покашливания бабы Дуни.

— Ну че? Как спалось? — спросила она, хлопоча по горнице. Сундук стоял на прежнем месте. Я лежала под одеялом, радуясь теплу. В комнате было по утреннему зябко.

— Опять... — мрачно произнесла я, боясь растерять остатки тепла.

— Шо? Опять князь — покойник явился? — ужаснулась бабка. — Опять сон про князя?

— Да вот, я не знаю, сон это или нет... — прошептала я, ощупывая себя. Вроде бы все целое.

— Ну, давай растолкую! — обрадовалась баба Дуня.

Глава 19

— Ну, сплю я, — начала я, шумно втянув воздух.

— Спать во сне к смерти или к удивлению! — со знанием дела выдала Баба Дуня. — Дальше?

Меня такие перспективы не устраивали.

— Слышу, как половицы скрипят, — продолжала я.

— Половицы к покойнику скрипят! — кивнула Баба Дуня.

— Именно, что к покойнику! — кивнула я. — Он по комнате ходит, потом ко мне идет... Стоит надо мной, а потом... потом обниматься лезет...

— Это к смерти, — кивнула баба Дуня. Меня уже начинал настораживать такой сонник!

— Я начинаю убегать, — продолжала я. — Бегу босиком... А ноги словно вязнут...

— Хм... Вязнут ноги... Это к смерти, — кивнула Баба Дуня.

— Слушайте! — возмутилась я. — А в соннике есть что-то не к смерти?

— Если дятел постучит, то к смерти, — перечисляла баба Дуня, явно смакуя. — Кукушка во сне прокукует, то к смерти. Коли лошадь белая приснится, то к смерти. Коли деревья повалены бурей или сухие — то к смерти! Дом деревянный снится — к смерти... Коли приснится мужик, что землю роет — к смерти. Много мышей во сне увидеть — к смерти. Ехать во сне на телеге — тоже к смерти... Землю распахивать — к смерти...

Я смотрела на бабу, понимая, что я тоже могу толковать сны.

— А есть что-то не к смерти? — спросила я, чувствуя какой-то холодок промеж лопаток.

— Да! Есть! Смерть — это к свадьбе! — довольным голосом выдала Баба Дуня. — Тебе перед свадьбой смерть приснилась. А наутро князь твой явился, руки твоей просить! Баня снится — к порче, битые яйца — к ссоре. Горку увидишь — большую ли, малую ли, — это к горю... Веревка к дороге. Тут судить надо, длинная или короткая веревка. Такой и дорога будет...

Вот зря я про сонник спросила. Зря.

— Ну, дальше-то че было? — спросила любопытная баба Дуня.

— Выбежала я в сад, а там гость наш, — вздохнула я. — Эм... Пьяный сильно... Слышу разговор, что ему я постольку- поскольку нужна. А вот войско наше позарез. Была бы воля его, он бы на чем угодно ради войска женился... Потом он меня заметил и руку на меня поднял... И не только руку...

— Ой, бьет во сне, значит, любит! — закивала баба Дуня. — Понравилась, видать, ты ему больно!

— Вот именно, что больно я ему понравилась! Очень больно! Я сопротивлялась, как вдруг мужа вижу! — продолжила я, чувствуя, как у меня губы пересыхают. — Он этого гостя схватил и... Короче, убил. Шею ему, кажется, свернул!

— Ох, ты ж! — покачала головой баба Дуня. — Значит, недоволен он тем, что женихи к тебе едут. Ну, да, еще и сороковин не было! Негоже так, а че делать? А раз покойник снится, так помянуть его надо!

— Ну и я добежала до комнаты, закрыла дверь на засов, придвинула сундук... — продолжала я, глядя на огромный сундук, к которому должны прилагаться грузчики. Ну да, точно сон! Не могла я такую махину размером с рояль к двери подвинуть. Я просто бы физически его с места не сдвинула...

«Значит, сон!», — сглотнула я. И впервые мне захотелось, чтобы это было не сном. Я вспомнила, как смотрела на мужа, чувствуя, как меня переполняет страх и благодарность.

— Мужа мы помянем. Главное, чтобы нас не поминали! Так что придется тебе на гостя согласиться, — заметила бабка. — А вдруг больше никто не посватается?

Я задумалась. Ну не нравится он мне! Не нравится! То ли дело... муж законный... Покойный...

— Беда! — послышался крик и топот за дверью. — Гостя нашего, князя кто-то убил! Беда, люди добрые! Люди добрые!!! Мертвый лежит! Под деревом!

— Ой! — подскочила баба Дуня, а я сглотнула. Значит, это был не сон!

Сердце забилося, а я посмотрела на бабу Дуню, которая стала бледнее полотна.

— Может, сон вещий был? — спросила баба Дуня.

— А может, и не сон, — прошептала я, слыша беготню в коридоре.

— Коли не сон, и муж взаправду к тебе является — вот это беда пострашнее других будет! — вздохнула баба Дуня. — Надобно проверить!

Глава 20

— А чем это грозит? — спросила я, чувствуя легкий холодок, обнимающий меня сзади.

— Негоже мертвому к живой ходить! — покачала головой баба Дуня. — Ой, негоже. Мертвые должны сами по себе, а живые как-нибудь сами. Без покойников. Вот как чуяло сердце, что где-то что-то не так с похоронами! Надобно выпросить...

— Ты так и не ответила! — настаивала я, хотя нервы уже собрались в кучку и вопили, что мы не очень хотим расстраиваться заранее.

— Слыхала я от бабки своей, а та от своей. Да и на деревнях такое бывает. Только люди скрывают это... — таинственным голосом произнесла баба Дуня. От ее скрипучего зловещего голоса нервная система упала в обморок, как чахоточная барышня. — Что ежели что не так, то покойник к живым вертается... По ночам ходить начинает. В избы заходит... Стучится... А если кто открывает, то тут всякое-разное может быть. Бывает, что вместо покойника сила какая — нечистая привязалась. Раз придет, помилуются, два придет — поговорят, а на третий раз бабу задушенной находят! А бывало, что не убивает. Баба сохнуть начинает и желтеть... Потом ложится и не встает. Исушивает ее. Вот и помирает в вдовица в расцвете лет...

Ма-ма!

Словно старая кукла по слогам произнесла я. Перспективки прямо отличные.

— А из-за чего такое бывает? — спросила я настороженным голосом.

— Бывало, выплакивают его с того света. Убиваются! — прошептала баба Дуня таинственным шепотом. — Одна баба, я слышала, дюже на похоронах мужа убивалась. Прямо на гроб падала. Еле оттащили. Так она каждый день на могилу мужа ходить стала! Все плачет, ревет, как она одна теперь с хозяйством будет управляться. А потом голос услышала прямо из могилы. Не реви, дескать, приду, подсоблю. Но только, чтобы спали все. Если кто спать не будет — с собой заберу.

Мне срочно нужен грузовик, груженный психологами! И ромашковое поле. Для успокоения!

— Так вот, — смаковала баба Дуня, пока мои нервы орали: «Спасите! Помогите!». — Уснула баба и детей уложила. А утром проснулась — крышу починил. На следующую ночь дверь в сарай сделал. А соседи удивляются, как же так! А баба возьми им да скажи, что муж — покойник ходит по хозяйству помогать. Сынок ее маленький у окна сидел и слушал. Сильно по тятке скучал. Вот и решил с сестрой ночь не спать, чтобы тятку увидеть. Проснулась баба, видит, покойник детей уводит. Стала вырывать из его рук, а они мертвыми на пол попадали... Вот.

Баб Дунь, да ты пострашнее фильмов ужасов!

— А как проверить? — спросила я, теперь искренне надеясь, что это просто сон.

— А мы молоко свежее в крынке на ночь поставим! Если придет, ты ему молочко и предложи. Пусть попьет. А утром глянем. Сама не пей... Мы в комнате подметем, чтобы землю кладбищенскую увидеть... А ты еще за петухами следи. Он с петухами исчезнет!

— Что, прямо с ними? — спросила я, вспоминая, как слышала крик петуха.

— Как только петухи прокричат, он обратно в могилу и ляжет! — послышался зловещий голос бабы Дуни.

Все мысли были заняты ночью. Я нервно расхаживала по покоям, скрипя половицами.

— Признавайся, ты по нему по ночам не плачешь? — внезапно спросила баба Дуня.

— Нет! — отрицательно замотала я головой.

— Неужели не так схоронили? — сопела баба Дуня. — Надобно покойника вперед ногами в окно выносить. Или дыру в стене делать! Чтобы пути обратного не нашел! Или пол не замыли?

Внезапно в дверь постучали.

Я с удивлением посмотрела на дверь, видя, как толпятся бледные бояре.

— Что случилось? — спросила я, удивленно поднимая брови.

— Жениха кто-то убил. А весточка уже разнеслась. Так что едут от него, чтобы мы ответ держали! — крайне вежливо заметили бояре.

— И? — спросила я.

— Так княгиня вы! Вам и ответ держать! Гонцы-то уже на пороге!
— переглянулись бояре.

Глава 21

Да, не было печали! Внутри все поджалось, а я смотрела на растерянные рожи. Как все в порядке, так зачем нам княгиня? А как нашествие полярных лис, так еще немного и матушкой стану!

Дверь за боярами закрылась, а я обернулась на побледневшую бабу Дуню.

— Беда, — прошептала я. — Целых две.

— Да тише, сейчас все, как есть и расскажем! — произнесла баба Дуня.

— И про мужа? — спросила я.

— А вот про мужа не надо! Подумают, что ты его с того света выплакала! И тебя к нему отправят! Так что тебе плакать надо! Гостя жалеть! Рассказывать, как ты его полюбила всем сердечком. Как потешил глаза твои заплаканные... Как порадовал сердце ретивое.... Как понравился тебе жених, аж спасу нет!

Я сглотнула. Опять плакать?! Видимо, судьба у княгини такая. Вечно слезы лить.

— Луковку? — спросила хитрая баба Дуня.

— Давай, — обреченно выдохнула я, чувствуя, что сказка про царевну Несмеяну имеет под собой реальные факты из биографии какой-то княгини.

— Едут!!! — кричал кто-то истерично. — Еду-у-ут!

Я подошла к окну, видя, как солидный отряд с хмурыми лицами направляется в сторону княжеского терема. В дверь уже стучали так, словно я глуховата.

Баба Дуня тут же сунула мне луковицу, а я стала растирать ею платочек.

Слезы брызнули из глаз, а я понимала. От того, как я буду плакать будет зависеть судьба княжества!

— Княгиня! — стучали мне, а я направились в сторону двери.

Открыв ее, я взглянула луковыми глазами на перепуганные лица, а потом направились к трону.

Отряд стоял так, словно вот- вот бросится в бой.

Больше в зале никого не было. Мужик, похожий на старого матерого волка, седой со шрамом на носу оглядывался, положив руку на рукоять меча. Остальные стояли наготове.

Казалось, терем вымер! Ни звука, ни шелеста... Ничего...

— Где князь ?! — совсем невежливо прорычал мужик, который сейчас выступал за главного. Мне очень хотелось его Волком назвать.

— Бедный князюшка, — прошептала я, чувствуя, что лук очень сильно помогает оплакивать человека, которого мне совершенно не жалко. — Горе мне, горе... Я-то думала, что одно горе пережила, так радоваться буду, снова счастье мне улыбнулось... Я уже почти мужем его назвала... И вот опять!

Воины переглянулись.

— Согласилась я стать женой князя вашего... Встретились мы с ним тайком да обо всем поговорили. По сердцу он мне пришелся... Я сначала смотреть на него боялась... А потом как глаза подняла, а сердце... сердце сразу шепнуло, что вот он... судьба моя...

Я чувствовала, что вошла во вкус страданий. Правду говорят психологи. Некоторые люди находят в страданиях кайф.

— Красавец он... Сразу видно, что боевой... — ревела я, повиснув на роскошной ручке кресла. — Не чаяла я, когда свадебку сыграем... А сегодня утром мне сказали... Что и он помер.... Мой новый князюшка... Жених помер... Сердце мое...

И я снова зарыдала.

— Княгиня, — послышался хриплый голос мужика. Я подняла на него глаза, понимая, что все вокруг плывет.

— Как мне жить теперь... Без моего сокола ясного? — прошептала я, вспомнив какую-то старую сказку. — Как мне теперь сердце мое унять? Двоих схоронила уже...

— А что с князем случилось? — спросил Волк.

— Не знаю... Что с моим сердцем случилось... Разбудили меня, сказали, а у меня сил нет, чтобы посмотреть... Ноженьки мои не идут к нему... — нараспев подвывала я.

— Где его нашли? — спросил Волк.

— В саду нашем... — прошептала я. И в этот момент мне страшно стало, а вдруг выжил кто-то? И сейчас скажут, как есть... Он же не один был... Но с другой стороны они пьяные были... Причем, сильно...

И мы направились в сад. Зрелище, которое открылось нам, было жутким. На траве лежали тела. Не одно... А целый ряд... И свидетелей убрал.

Я с благодарностью подумала на покойного мужа.

Волк резко посмотрел на меня, а я поняла, что мне нужно качаться в предобморочном состоянии...

Он присел над телом князя, а потом побледнел и посмотрел на воинов.

— Это не зверь... — произнес Волк. — И не нож...

Он посмотрел на меня, а я зажимала рот рукой.

— Глядите —ка следы зубов... — произнес Волк, поднимая мертвую руку. — Не ножом заколоты. Навий их убил.

Глава 22

— Навий? — ахнула я, видя, как побледнели лица гостей. Они переглянулись.

— Ну что, княгиня, — выдохнул Волк, глядя на меня. — Мы князюшку нашего заберем да схороним...

— А нам —то что делать? — спросила я, заламывая руки.

— Боги вам в помощь! Тут ведьму искать надо или колдуна сильного, — вздохнул Волк. Дружина стала грузить князя и его спутников.

— Да помогут тебе, княгиня, боги! — усмехнулся Волк, с мрачным видом выходя в коридор.

Я смотрела, как уносят ненавистного жениха, а потом опомнилась, что слезы проливать надо. Нюхнув лука, я снова заревела, решив играть роль до конца.

— Ой, да не забирайте его! — причитала я. — Куда же вы моего любимого несете... Ай, сердце не выдержит мое...

Волк остановился и положил мне тяжелую руку на плечо.

— Надобно его показать, что, дескать, не вы его тайком прирезали! — хрипло произнес Волк. — А то народ наш бунтует!

— Ах, сердце мое... — завывала я, протягивая руки.

— А ты плакать не смей! — рыкнул Волк. — А то еще из могилы его выплачешь нам на беду!

В этот момент я резко перестала, понимая, что двух мертвых князей моя психика не переживет.

— Не вой и не голоси, — хрипло наказал Волк. — И изведите эту нечисть побыстрее! А не то он вас всех сожрет!

Я проводила их, впервые в жизни выйдя на крыльцо. Кто-то может полагать, что я с князем никак проститься не могла, но я просто малодушно ждала, когда они наконец-то уберутся!

— Фух! — выдохнула я, шмыгнув носом. — Это невозможно столько плакать!

Я направилась в сторону трона, глядя на пустой зал, в котором тут же нарисовалась целая толпа.

— Спровадили гостей, — слышались довольные голоса бояр.
— Мы уж думали, что они нам войну объявят. И снова загалдели о своем. «Неужто упырь объявился? Тогда кто? А откуда? Ну точно, навий!», — шелестели они, обсуждая напасть.

— Все, можете расходиться, — вздохнула я.

На меня тут же подняли недовольные взгляды, а я подняла брови.

— Это с каких пор баба нами командует? — выдал рыжий боярин. Самый противный, между прочим! Это уже не первый его выпад в мою сторону.

Я не выдержала и встала. Обида просто жгла меня изнутри. Я тут за все отдувалась, а сейчас мне про бабу застегивают. Не порядок. Буря негодования придала мне наглости и сил.

— Когда помощь нужна и войну вот-вот объявят, так княгинюшка! А как отлегло, то баба! — резко произнесла я. Обалдевшие лица смотрели на меня. «Что? У бабы тоже характер бывает? Правда что ли?», — читалось на удивленных физиономиях.

— В зале прибраться! Нечего мусору по полу валяться! — приказала я, а на меня смотрели изумленные слуги. Так и просилось смачное слово «холопы».

В сердцах, я шмыгнула носом, медленно присаживаясь на трон.

— Чего встали? Или хотите жить в грязи? — возмутилась я. Голос получился такой грозный, с такими прямо начальственными нотками, что я сама от себя не ожидала. Нет, ну как за всех отдуваться, так давай! Тоже мне! Нашли дипломата! У-у-у! Задушила бы!

Холопы переглянулись, и давай бегать — суетиться. Позвали каких-то девок, те начали мести.

— Расходимся, — произнесла я, видя, как бояре смотрят на меня нехорошими взглядами. — И не надо на меня так смотреть! Как замуж выйду, так мужу напою, он вас быстро всех разгонит!

Угроза возымела некоторое действие. Бояре стали неохотно расходиться, грозно тряся тестикулами.

— Ой, княгиня, — произнес рыжий. Он выходил последним и задержался. — Главное, чтобы с тобой беда какая не случилась!

На том и вышел. Когда шаги стихли, я встала с моего трона, слыша, как швыркают веники под полу, как перекатываются огрызки.

Не то, чтобы я была чистоплюем, но если вдруг опять придется прятаться от бывшего мужа — покойника, я предпочла бы делать это

на чистом полу!

Я вернулась в свою горницу, видя, как встрепелась баба Дуня.

— Ну что там? — вскочила она. — Я все извелась, измаялась. Видала, как уехали... Ты цела, деточка моя...

— А что мне будет! — произнесла я, складывая платок и лук на стол. — Далеко не убирай. Могут в любой момент пригодиться.

— Ой, что это с тобой? — удивилась баба Дуня.

— Достали! — выдохнула я. — Я их прибираться заставила.

— Кого? Бояр? — ахнула бабка, хватаясь за сердце.

— Да нет... Этих... — я пыталась подобрать слово.

— Дворовых что ли? — выдохнула бабка. Инфаркт немного отступил. — Ты смотри, гонор свой не сильно показывай. Изведут ведь! Их много, а мы одни. Да и за тобой род не стоит. Ты последняя из рода осталась! Был бы отец твой жив, так он бы за тебя постоял! Но нет его... Супротив князя пошел, за то и поплатился! Вот, гляди, че я наготовила. Ешь, давай! И спать ложись! Темнеет уже. Крынку молока я тебе туточки оставлю. Коли придет, попробуй напоить!

— А если пить не станет? — спросила я, чувствуя, как вместе с ночью ко мне подбирается страх.

— Тады так посмотрим. Если скиснет за ночь, то не сон это. И покойник к тебе и впрямь ходит... — заметила бабка.

— Гости говорили, что у нас упырь завелся. Он их князя сожрал... — начала я разговор издалека.

— Чур нас, чур! — дернулась бабка. А потом задумалась. — Простого упыря извести несложно. Но для начала надо понять, с чего это он ходит! Ну все, ложись...

Меня раздели, я помылась над ушатом, а потом стала укладываться спать. Мне очень нравились мои волосы, когда распущены.

— Может, не надо косу заплетать? — спросила я, видя, как бабка старательно прочесывает волосы гребнем и плетет косу — трилистник.

— Как не надо! Коса — это первый оберег! — произнесла бабка, стаскивая ленту со стола. — А теперь ложись...

И я легла. Сон не шел ко мне. Видимо, сказались переживания. За окном появилась полная луна, а я нервно ежилась под одеялом.

В прохладном сумраке ночи, мне казалось, что каждый шорох, каждый скрип отдается внутри, будоража взвинченные нервы.

— Спи, — приказала я себе. И вроде бы задремала, как вдруг услышала шаги.

Глава 23

Все внутри вдруг ка-а-ак собралось, а я приоткрыла глаза, видя, как надо мной нависает силуэт мужа. Преодолев свой страх, я постаралась вести себя спокойно. Но не совсем получалось. Наверное, меня выдавали дрожащие колени.

Я вспомнила надкусы на теле дорого для нервных клеток гостя, а потом посмотрела на свою руку. Не хотелось бы...

— Что тебе нужно от меня? — шепотом спросила я, вспоминая слова бабки о том, что если так будет продолжаться, то смерть моя будет мне в ушко дышать.

— А ты что? Замуж за другого собралась? — слышался насмешливый голос князя. Но в нем чувствовались нотки ревности.

Хуже обычного покойника может быть только ревнивый.

— Да нет, — прошептала я, стараясь соблюдать дистанцию. — Не собралась...

— Это хорошо, — усмехнулся князь, а я чувствовала его взгляд на себе так, словно по мне водят кусочком льда. — Потому как шею сверну.

Мог бы уточнить кому! Мне или кандидату!

— Никому тебя не отдам, — произнес князь, а я осознала, что сейчас смотрю на его сильные руки и думаю о том, почему же ему на свете белом не жилось. — Моя будешь!

— Ну, тебе придется немного... эм... подождать, — заметила я, пытаюсь улыбнуться.

— Зачем ждать? — слышался голос князя. — Иди ко мне, приголублю...

— Ну, у меня как бы... — я начинала медленно продвигаться по кровати. — Давай сначала поговорим... Мы же... эм... друг друга почти не знаем... Вот...

Я чувствовала, что плету всякую ерунду, понимая, на что мне так красноречиво намекают.

— Неужто ты меня не любишь? — спросил князь, слегка насмешливо.

Вот что ему ответить?

— Эм... Лю-люблю, конечно, — согласилась я, понимая, что впервые от этого жизнь моя зависит. — А зачем ты ходишь?

— Как зачем? — произнес князь. — Дело у меня неоконченное осталось! Жена молодая, которую я так и не прижал к себе покрепче...

Упс! Как-то вот двусмысленно получилось, если честно.

Я уже сползла с кровати, встав босыми ногами на пол. Бабка храпела на сундуке, подложив руки под голову. Везет ей! Самое интересное пропустит! Вот был бы у меня с собой телефон, я бы вот это вот сняла!

— Ой, а ты молочка попить не хочешь? — спросила я, глазами показывая на крынку.

— Губ твоих отведавать хочу, — послышался тихий голос. — Я же их так и не отведал... Тело твое прижать к себе хочу, я ведь так и не прижал...

— Ммм, — простонала я, хватаясь за голову. — Я бы тоже не прочь, но...

Я хотела сказать, что у меня что-то голова сильно разболелась, да и в целом самочувствие не очень. То чакры ломит, то либидо отваливается. Но меня резко схватили и прижали к себе.

Я смотрела в его глаза, понимая, что при жизни мужик хоть куда был! И вот, знала бы я раньше, так, может быть бы и... — Так что ж ты, княгиня моя? Зачем дело встало? — спросил князь, а его холодная рука скользнула по моей щеке. То, что дело встало, я как бы уже поняла. Зачем, правда, я еще не выяснила.

— Куда ты от меня собралась? — прошептал князь, а его рука настойчиво увлекала меня к себе. — Ты же сама сказала, что люб я тебе...

— Да но... — снова начала я, пытаюсь выкрутиться. Его руки напоминали тиски. — Давай не сегодня?

— Не сегодня, говоришь? — усмехнулся князь, а я чувствовала, как хватка слегка ослабла. Но не настолько, чтобы вытащить онемевшую руку.

— Неужели ты как тот...эм... князь... силой взять готов? — спросила я первое, что пришло на ум.

— Негоже силой красоту мою губить, — послышался голос. — Но я подожду... Говори срок?

— Эм... — замялась я, глядя на спящую бабу, а потом на молоко.
— Давай завтра!

Меня пугала его близость. А близость с ним пугала меня еще больше.

— Значит, завтра я приду, — слышался голос, а моих губ едва не коснулся поцелуй. Я почувствовала, как повеяло холодом. Даже мурашки по спине побежали.

И тут я услышала крик петуха. Через мгновение князь исчез, оставив меня перепуганную и весьма растерянную

— Баб Дунь! — трясла я бабу.

Она с оханьем проснулась, осматриваясь по сторонам. Сейчас она выглядела, как перепуганная сова.

— Ась? — спросила баба, нервно осматриваясь. — Опять все проспала... Так, где наше молоко... Пил?

— Нет, — выдохнула я, чувствуя, как у меня от этой встречи до сих пор мурашки по коже.

Я, затаив дыхание смотрела, как баба пробует его. Баба Дуня тут же сморщилась.

— На, сама попробуй, — ткнули мне крынкой. Я осторожно обмакнула язык, чувствуя, что молоко прокисло.

— И правда, покойник ходит, — выдохнула Баба Дуня, глядя на меня, как на умирающую. — Ты что? Выплакала его с того света?

— Я ничего не делала... Не плакала, не тосковала, — начала я, понимая, что дело плохи. Это на лице у бабки написано было.

— Не оправдывайся, девка, — слышался голос бабки. — Откуда ж мне знать, почему он ходит? Ну да ладно, надо думать, как извести его! Я к бабкам схожу в деревню. Они-то, небось, поболее нашего знают. А ты спать ложись! Если что — хворай! Без меня никуда не ходи! Поняла?

— Ага, — зевнула я, видя, как сморщенное лицо бабы Дуни приобрело обеспокоенное выражение. Она нацепила платок и засобиралась.

Я же закрылась на засов и спать улеглась. Надеюсь, баба постучится, когда что выяснит.

Я долго не могла уснуть. Ужас при мысли о том, что я наобещала ему «все» завтра, заставлял меня ежиться от холода под одеялом. Нет, был бы живой, тогда да! Я бы...

— ... с радостью, — выдохнула я, испугавшись этой мысли.

Впервые я задумалась над тем, что князь мне нравится. И я действительно всех сравниваю с ним...

Закусив губу, я лежала в предутренней тишине, слыша далекие крики петуха.

— И ведь заступился, — прошептала я.

На мгновение я представила, что бабка сейчас принесет мне способ. И он действительно сработает. Я представила будущее, в котором нет ночных визитов и...

— Да ладно тебе! — нервно повернулась я на другой бок. — Да иди ты!

Я почувствовала вдруг странную тоску. словно тянущая боль внутри. Она была слабой, но была!

Придремав, я проснулась от стука в дверь.

— Открой, — слышался голос бабы Дуни. Я спросонья соскочила с кровати, чувствуя, как колотится сердце, а меня шатает.

— Разузнала я все! — потерла руки бабка. — Сегодня мы его изведем!

Глава 24

Бабка потирала руки, а я выдохнула. В этот момент словно все скопившееся напряжение вышло из меня. Так, у бабки есть способ!

Я шмыгнула носом, думая о том, какая чудесная все-таки баба Дуня. Если способ есть, то это хорошо! А то завтра у меня будет романтическое рандеву, а я как-то морально не готова.

— Ну, слушай, — понизила голос до шепота бабка. — Пошла я по деревне, спрашивать. Мне и бабку одну присоветовали. Я к ней. Бабка старая, поди, меня лет на сто старше. Я ей все рассказала... Она сказала, что экая невидаль! Легко от него избавимся! И присоветовала способы.

Вот и чудесно! У меня такое чувство, словно с души камнепад начался.

— Тебе надобно всем подряд о нем рассказывать! Че и как делал! И ни слова не привирать! — пояснила бабка.

Эм... Нет, я конечно, человек коммуникабельный, но не настолько! Я представила, как бегаю и каждому боярину на уши приседаю. «Так, а тебе, кажется, я еще не рассказывала!», — хищно высматриваю я добычу, которая уже знает эту историю наизусть и готова провалиться сквозь землю.

К тому же есть кое-какие подробности, которые я бы хотела упустить в своем рассказе.

— А другой способ есть? — спросила я, понимая, что вечер придет быстрее, чем я приготовлюсь к встрече.

— Есть! Подсказали! Ты должна встать у входа в терем и каждому, кто заходит — говорить: «Прости меня, пожалуйста! Ко мне муж — покойник ходит!».

— А извиняться за что? — удивилась я. — Мы что? Спать мешаем? Орем громко? Или я должна у каждого разрешение спрашивать, кто ко мне ходит, а кто нет?

— Слушай мудрость народную! Знаешь, сколько покойников уже извели так? — нахмурилась баба Дуня. — Вот прямо сейчас иди и встань в дверях терема.

— И сколько раз мне надо повторять это? — спросила я, чувствуя себя швейцаром.

— До ночи! — кивнула бабка. — А ну пошли! Или что? Хочешь помереть раньше срока?

Я нехотя встала. Нет, я думала, там оберег какой-нибудь на шею повесят, вокруг кровати мелом круг нарисуют, травой меня окурят...

Мы вышли и встали дверях терема.

Никого.

— И долго так стоять будем? — спросила я, радуясь свежему воздуху.

— Жди! — пригрозила баба Дуня.

Прошел еще час. И снова никого. Куда это все подевались?

— Так, че-то этот способ не работает! — заметила бабка. — Видать, как про навьего слышали, так перепугались и разбежались.

— Ага! Разбежались они разбежаться! — вздохнула я, ковыляя за ней.

Как только дверь закрылась, бабка вздохнула.

— Есть еще одно верное средство! — кивнула бабка, шарясь по своему карману. — Когда покойник ходит, надобно удивить его...

На мгновение я представила себя в красном кружевном белье, скользящую по дверному косяку в плавном танце «Ты как хочешь, а у меня сегодня будет!». «Вау!», — произносит покойник. — «Я удивлен!».

— Дорогой, я забыла тебе сказать, но я умею на гармонии играть ногами и ушами самой себе апплодировать! Так что ли? — спросила я, пытаюсь представить, что может удивить князя. Тем более, мертвого.

— Вот, держи! — произнесла бабка, насыпая мне каких-то сереньких семечек. — Как придет, ты садись по середине комнаты и начинай их есть...

— А они точно съедобные? — спросила я, понимая, что аппетит они не будят. Он как храпел, так и храпит.

— Съедобные! — кивнула баба Дуня. — Все в деревне их едят, так с чего им быть несъедобными...

Я рассмотрела зернышки. Они напоминали кукурузу, только серую и мелкую. А потом взяла их в рот, готовясь плевать. Немного пожевав, я почувствовала вкус, похожий на вкус ореха. Только горьковатого. Ммм... А мне нравится! По сравнению с «щи да каша —

еда наша» это казалось занимательным гастрономическим разнообразием.

— И? — спросила я, разжевывая еще одну семечку.

— Сидишь, ешь, а он приходит и спрашивает, а что ты делаешь? — продолжала бабка. — А ты перед этим волосы распусти, не забудь... А ты ему отвечаешь, что ты блох ешь!

Так, у меня сейчас логика вышла покурить.

— И? И в чем смысл? — спросила я, пробуя еще одну семечку.

— А он должен сказать: «А разве можно их есть?», — продолжала бабка. — А ты ему отвечаешь: «А разве может к живой Милане мертвый Лесьяр ходить?». И так три раза!

— А он точно спросит? — поинтересовалась я.

— Точно! — кивнула бабка.

— А почему три раза? Он что? Три раза одно и тоже спрашивать должен? — подняла я брови.

— Три раза должен спросить! — авторитетно произнесла баба Дуня.

Ну, три раза так три раза!

Глава 25

— Да брось! Сейчас все сожрешь, а на покойника не останется! — проворчала Баба Дуня. — Давай, чтобы тебе не страшно было, мы с тобой попробуем. Я как бы покойница... Ну вот... Иду я... А ты садись! Обычно к свиданию я готовилась основательно. Это и маски, и ванная и всякие пилинги — скрабы. А тут семечки какие-то. Я их, честно сказать, даже распробовала. Нравилась мне эта горчинка ореховая.

Я послушно села в центр комнаты, распустила волосы и стала есть семечки.

— У-у-у! — завывала бабка, шатаясь и идя прямо на меня. — Ты че делаешь?

— Блох ем... — произнесла я, но тут же исправилась. — Вшей, вшей, я просто забыла! Просто блохи со вкусом вшей! Я забыла, как правильно!

— Ну итить — колотить! Ты должна говорить четко! — заметила баба Дуня, занимая место возле двери. Я как раз разжевала семечку, сплевывая на пол.

— Ты че делаешь? — произнесла баба Дуня.

— Вшей ем, — произнесла я, чуть не хихикнув. Нет, ну честно. Забавно звучит.

— Не смейся! — произнесла баба Дуня. — А разве можно вшей есть?

— А разве может мертвый к живой ходить? — спросила я.

— Хорошо! — потеряла руки баба Дуня. — Ничего, не бойсь! Все так своих покойников изводят, и мы изведем. Давай еще разочек! Главное — не бойсь! Помни, он три раза спрашивает!

Мы еще раз прогнали нашу встречу с мертвым князем. Мне можно было давать оскар! Я вела себя как мартышка, стараясь усилить эффект удивления. Нет, а что? Тебя покойник еще адекватной помнит, а тут все ну очень запущено!

— Ну все, — вздохнула баба Дуня. — Теперича я за тебя спокойна. Все верно скажешь, главное — не забудь. Пора и спать укладываться. Только говори уверенно.

Я кивнула. Сейчас мне предстоит сыграть роль не очень адекватной дамочки. Интересно, а в чем смысл этого? В том, что покойники бояться неадекватов? Мол, сегодня она блох.... Тьфу ты, вшей ест, а завтра голая по деревне будет бегать с топором для тех, кто сделает ей замечание? Так что ли?

— Чего не спишь? — слышался сонный голос бабы Дуни. — Слышу — сопишь.

— А в чем смысл удивления покойника? — спросила я, вспоминая куда высыпала семечки.

— Не знаю! Это еще наши предки делали! Может, совесть замучает, — зевнула баба Дуня. — Мол, поймет, что еще раз придет, а ты совсем... того...

«Ага! Или с топором за ним гоняться буду!», — согласилась я.

Смотрю, бабка уже захрапела, а я все еще не могла найти себе место. В последний раз я так нервничала перед детским утренником. Главное, не забыть! От волнения, я была уже не уверена в том, что правильно все запомнила. Так все таки блох или вшей? А если я поменяю слова местами? Или это такое заклинание?

Умею я себя накрутить! В этом мой неоспоримый талант!

Внезапно я почувствовала, как звуки стихли. Стихло сопение бабки, стихли голоса, далеким эхом доносившиеся в тереме. Осталась я и скрип половиц под тяжелой поступью.

— Так! — опомнилась я, вскакивая с кровати. Сейчас, пока он не вошел, я должна сесть на пол и превратиться в городскую сумасшедшую. Наскоро растрепав волосы, я уселась горбатой полоумной и стала есть семечки. Ну что ж! Сейчас все решится!

Дверь открылась, а я замерла, сплевывая семечку. Сейчас я старательно повторяла поведение макаки, которую однажды видела в программе, посвященной дикой природе.

— Ты что делаешь? — слышался голос князя. Красавец со светящимися глазами застыл на пороге, пока я еще почесывалась для натуральности.

— Вшей и блох ем! — ответила я, стараясь вести себя, как полоумное. Мол, смотри, и устыдись! До чего твои визиты до меня довели! А ведь была нормальной, адекватной женщиной!

— Вкусно? — поинтересовался князь, а я поняла, что что-то пошло не по плану.

Глава 26

— Эм... — замялась я, понимая, что должно быть немного по-другому. А где же: «Разве можно...?». Ни жизнь, ни генеральные репетиции меня к такому не готовили!

— Ну... Не гоже мертвому к живой ходить, — как-то не совсем уверенно произнесла я, проглатывая семечку.

— Понятно, — заметил князь. — Я бы может и не ходил бы, да вот не могу. Словно тянет меня сюда...

— А ты... Эм... Сопротивляйся! Да! — кивнула я, так словно всю жизнь только этим и занимаюсь. И даже защитила мастера спорта по хватанию за дверные косяки руками, зубами за воздух и упор ногами.

Так, спокойствие. Просто спокойствие...

— И как же мне противиться? — спросил князь, улыбнувшись.

— Ну, знаешь ли... — начала я. — Силу воли воспитывай!

Я разгрызла еще одну семечку. Скорее от нервов. И вспомнила, как воспитывала силу воли от тяги к сладкому. Ну, так получилось, что сила воли у меня не воспитанная. Хамит, требует и вообще ведет себя безобразно!

— Если бы мог бы — противился, — заметил князь. — А так не могу.

— Так не гоже мертвому к живой... — продолжала я, видя, как князь усмехается. — ... ходить...

Вроде бы сказала еще раз. Где эффект? Где «пуффф!», волшебство и светлая память? Где: «А-а-а-а! Ты что делаешь! А! Это мощное заклинание! А! Умираю! Повторно!».

— Извести меня решила? — спросил князь, глядя на сонное царство. Его глаза нехорошо сверкнули. — Я что? Не вижу, что ты делаешь?

Вот что ему ответить? Сказать, что «да» как-то не вежливо, что ли... Да и честно, если бы не смерть лютая, обещанная, я бы его не изводила. Вон какое у меня муж — золотко. Прямо полезное ископаемое. Надо — защитил... Любить, холить, лелеять... бы... Проклятое слово «бы».

— Ну, как бы... Нет, что ты... Ой, да какое извести? Просто... Блох захотелось! — постаралась улыбнуться я, радуясь, что он про супружеский долг не вспомнил. А то у меня супружеские дивиденды холодеть начинают. Хотя... Я смотрела на красивую фигуру, любовалась его статью... Единственное, что меня смущало, так это то, что он как бы...

— Ну, знаешь ли... Эм... Ночной дождь и все такое. Просто решила погрызть что-то такое, чтобы на фигуре не отложилось... Нервничаю сильно... — заметила я, пожимая плечами.

— Это почему? — спросил князь, нахмутив брови.

— Потому что не гоже мертвому к живой ходить! — повторила я третий раз.

— Рад бы я был бы к тебе не ходить, — заметил Лесьяр, а голос его изменился. Я почти физически почувствовала, как он приближается ко мне. «Боже! Что я делаю!», — пронеслось в голове грохочущим локомотивом.

Мне казалось, что его имя вдох и выдох. Красивое...

Так, не поддаваться! Ни в коем случае! Иначе все! Конеч! Сначала как часть тела, а потом мой!

— Люба ты... — прошептал князь, перебирая мои волосы.

«Люба!», — зацепилась я за слово, чувствуя, что устоять перед ним почти не могу. Словно искорка сознания вспыхивает в голове тревожной кнопкой. «Нельзя! Запрещаю! Прекрати!».

А как прекратить? Че делать? Он же уже обнял меня... И довольно приятно...

«Люба», — послышался шепот.

И тут меня переключило. Я вцепилась в это слово, понимая, что ничто так не портит либидо, как хороший скандал. Надо взять маленькую проблему, а лучше придумать, раздуть ее до такого масштаба, чтобы даже супергерои поседели и побежали менять штаны, добавить в нее ревность, вылить ведро обиды, побольше слез, ящик слов «Никогда! Ни за что!» и прочих категоричностей и вуаля! Скандал готов.

— Какая Люба? Я не Люба! — с холодом в голосе заметила я, отстраняясь. — Какая я тебе Люба? Ты меня с кем-то путаешь! Я не знаю, кто там у тебя Люба, но я не Люба!

Я не дала ему сказать ни слова.

— Вот значит, что! — произнесла я, сопя так, словно хочу втянуть в себя весь воздух в комнате. — Ты мне, значит, с какой-то Любой изменял? Да? А ну быстро признался!

Я понимала, что слово «люба» — означает любимая. Но бабка говорила о том, что покойника нужно удивить неадекватным поведением. Так что где-то на горизонте замаячила некая Люба. С легкой руки моего разыгравшегося воображения. Ой, мне бы протянуть до петухов!

Лесьяр отпрянул, а я поняла, что скандал теряет остроту и обороты. А петухи еще не скоро!

«Да она у меня неадекватная!», — оправдывался сосед, вылетая на лестничную клетку. Следом за ним летел железный чайник, расплескивая кипяток по стенам, и с грохотом и звоном улетаая вниз по ступеням. «Я потратила на тебя лучшие годы своей жизни!!!», — слышался отчаянный женский визг из темноты квартиры.

— Я потратила на тебя лучшие дни своей жизни!!! — повторила я, понимая, что звучит так себе. Вот будь на моем месте соседка, завтра с утра три кладбища в округе просто переехали бы.

— Я сказал, что ты мне любя! — произнес князь.

— Это я тебе Люба? Да какая я тебе Люба! Имя мое выучи для начала! — пыталась поддать жару я. — Милана я! Ишь, ты! Меня обнимает, а Любку вспоминает! Вот и ходи к ней!

Глава 27

Пока что скандал напоминал соседскую колымагу, которая минут сорок пыталась завестись под моим окном, чтобы довезти соседа до работы.

— Я сказал, что люблю тебя! — не выдержал князь, повысив голос.

— А ты не ори на меня! — тут же повысила голос я, уперев руки в боки. — Меня любишь, а Любу как? Или Люба у нас недолюбленная?

Я всегда считала себя вполне адекватной женщиной. Но сейчас я должна выдать столько неадекватата, чтобы мужика как ветром сдуло.

— Нет никакой Любы! — произнес князь, а в его голосе послышалось что-то властное.

— Ха! А она знает, что ее уже нет? Ты ей сообщил, что вы уже расстались? — кипятилась я, пытаюсь выдавить из себя скандал. Баба — пила из меня была так себе. Ну не было у меня привычки пилить мужиков. Я даже на трудах плохо пилила. А мужик потолще бревна будет! Обычно я тщательно избегала ссор, зная, что там на поле словесного боя останутся дохлые нервные клетки.

— Или вы как-то мысленно общаетесь? Ты ей хоть голубя пошли! — вспомнила я, где я нахожусь. Чуть не сказала «СМС-ку!».

— Любушка, Люба... — фыркала я, понимая, что скандал сбавляет обороты. Мне просто не за что было зацепиться. — Ты вот, между прочим, помер, а мне тут одной разгребать все! И с боярами воевать! А они мне жениха сватают! Им, дескать, князя подавай! Я тут за двоих, считай, отдуваюсь!

— Кто? — внезапно спросил князь.

— Я что? Их поименно знаю? — спросила я. Надо возвращаться к только что придуманной Любе! Пусть думает, что я совсем отбитая и неадекватная. — Ты мне лучше про Любу скажи!

— Да нет никакой Любы! — произнес Лесьяр.

— А вот Люба сейчас обиделась! Я бы на ее месте обиделась бы! — продолжала я, не зная, сколько времени осталось до рассвета. — Небось, красивая! Ничего! Вот бери и иди к своей Любе! То-то она обрадуется! А я тебя не держу! Значит, жена так! Для галочки!

— Да я за тобой света белого не вижу, — произнес князь.

— Света? — обрадовалась я, цепляясь за слово. — Еще и Света? А Люба про Свету знает? А Света про Любу? Или Света пребывает в неведении! Да ты еще тот гуляка! Так, теперь у нас еще и Света нарисовалась... Ну давай, поговорим про Свету! Светлана! Имя-то какое! А ты как расписание-то ночей на неделе собирался организовывать? Жена по выходным? Или нас через день чередовать? Нет, ну мне просто интересно!

— Что у тебя за ненастье случилось? — спросил Лесьяр. — Чего это ты к словам цепляешься?

— Ах, Настя?! — выпалила я, — Так, нас уже четверо! Сколько у нас кос? Четыре! Сколько у нас мозгов? Четыре! А сколько у нас мужиков? Один! Один на всех и все на одного! Может, ты себе гарем собрать решил? Чтобы мы потом за право любимой жены дрались. Ты, дорогой мой, гаремосборщик, учти что мы — не они! Мы гадости исподтишка делать не будем! Мы сразу с воем друг другу в волосы вцепимся и рожи расцарапаем. И будет у тебя четыре лысые, некрасивые бабы! А кто-то даже без глаза! Вот почему у нас одна жена! А если надумаешь на пятой жениться, так она быстро с остальными по красоте сравняется! А то и хуже будет выглядеть! Знаешь ли, общий враг очень объединяет женщин!

Я так разошлась, что сама не знала, как остановиться. Щеки горели, словарный запас не исчерпывался. А какими метафорами я сыпала! Вот в нормальном состоянии я бы в жизни так не выразилась. А тут прямо едко, метко и остроумно!

Внезапно у меня из глаз брызнули слезы. Я чувствовала, что нервное напряжение последних дней дает о себе знать...

И тут случилось то, чего я меньше всего ожидала.

Князь молча прижал меня к себе. Я уткнулась в его плечо, чувствуя, как сильная рука гладит меня по спине. От его одежды немного пахло сыростью и ельником.

Боже мой! Первый мужчина в моей жизни, который знает, что нужно делать с орущей женой.

От неожиданности сердце даже подпрыгнуло. А я застыла у него в объятиях. В этот момент промелькнула мысль: «А что? Пусть ходит? Может, это все неправда? Понапридумывают всякого! Это как с приметами! Соль рассыпала — к ссоре. Потому что всегда в

окружении найдется чистюля, который начнет визжать. Я вот, когда одна, ни разу не ругалась. Молча убрала и все. И на работе явно не в курсе были, что я с утра соль просыпала. Нормально общались!».

И тут послышался крик петуха. О, я сумела! Я продержалась! Но...

— Мне пора, — послышался голос, а я почувствовала, как холодные губы коснулись моего лба.

Честно! Я чуть не попросила его остаться. Но тут же стиснула зубы. Итак, мне надо проверить, правда ли то, что говорит бабка. Только как?

Глава 28

Я посмотрела, как за окном немного посветлело и улеглась спать.

— Ну че?! — слышался голос надо мной, вытаскивая меня из глубокого сна. — Вставай, голубушка! Извела его?

— Нет, — ответила я, разлепляя глаза с явной неохотой. Время было уже почти полдень, а я чувствовала себя так, словно у меня почти не было сил. Даже пальцем шевелить лень было.

— Как так? Неужто все съела? — перепугалась баба Дуня, пока я мысленно рычала на себя: «Вставай!!!». С трудом поднявшись, я покачнулась, чувствуя зябкий холод. И начала свой ленивый рассказ. Глаза бабы Дуни то расширились, то сужались.

— Ба-а-а! — протянула она, прижав руки к щекам. — Че? Так и спросил: «Вкусно?».

— Да, — выдохнула я, растирая лицо руками. Ничего, я уже почти проснулась. Бодрость? Ты где?

— Да поди ж ты! — всплеснула руками баба Дуня. — Неужто не сработало?

— Баб Дунь, а может, не надо его прогонять? — спросила я, глядя на бабу Дуню. — Нет, а что? От него вон сколько пользы! И заступился, и посла убил... И как муж — ласковый...

Баба Дуня повернулась ко мне, глядя на меня такими глазами, словно я уже в гробу со свечкой лежу.

— Пойдем, девочка моя, — заметила она. — Я тебе кой-че покажу! Только одеться попроще надо! А то больно ты в этом наряде приметная!

Баба Дуня ушла, а потом вернулась, неся в руках серое старое платье.

— Гляди, че раздобыла! Голову платком укроем — никто и не прознает, — заметила она, а я радовалась. Впервые за все время я покину этот терем и смогу погулять. Платье кем-то пахло. Я предполагала, что до меня его носила лошадка. Но не каждый день. А только на скачки. И именно в нем она победила раза три, а чтобы покрасоваться на пьедестале. После победы она ела лук. Много лука.

— Да че ты его нюхашь, чай не пирог! — заметила баба Дуня. — Одевай живо! Покажу я тебе бабу одну...

Преодолев сопротивление брезгливости, я натянула на себя платье с запахом конюшни и лука.

— Косу тебе сплетем да под платок упрячем. Ты глаза только не подымай, а то мало вдруг, заприметят! — ворчала баба Дуня, крутясь вокруг меня. В зеркале стояла крестьянка. С сонным лицом.

— Сейчас тебя грязью помажем, чтобы точно никто не прознал, — крутилась вокруг меня баба Дуня.

Она накинула серый платок на себя, укутавшись, а потом стала выводить меня из комнаты.

— Ишь, че удумала! — ворчала баба Дуня, когда мы прошли через какой-то потайной ход для челяди. — Ты мне это брось! Знаю, мужик красивый! Тут никто не спорит, да мертвый он!

— Да я не про красоту, — настаивала я. Мне от чего-то было как-то неловко.

— Ага! А глаза бегают, щечки румянятся! Я-то видючая! И нечего мне тут рассказывать! — ворчала баба Дуня. — По тебе видно, что понравился он тебе!

В голосе бабы Дуни прозвучал укор.

— Да не понр... — начала я отпираться, хотя в глубине души понимала, что это было неправдой.

Мы шли по дороге, а я смотрела на деревья и избы так, словно видела их впервые. Глаза, которые привыкли к привычному терему вдруг широко открылись, впитывая в себя что-то новое. Я только собралась радоваться «чему-то новому», как в голове зажужжала мысль: «А вдруг больше нового не будет?». Вот она и отравляла мне всю дорогу.

Убогие избы совсем покосились. Некоторые почти вросли в землю по самые окошечки. Среди серых досок сруба виднелся зеленый мох. Кривые крошечные окошечки, чье основное предназначение было в том, чтобы пустить в избу капельку света, и не выпустить тепло печи, смотрели на меня с подозрительным прищуром.

— Сюда, милая, сюда, — позвала бабка, подходя к одной избе.

— И что здесь? — спросила я, осматриваясь. Забор из веток покосился не то от ветра, не то от времени. Еще немного и он ляжет на

траву. На старой яблоне виднелись яблоки, которые уже собирались испортиться раньше, чем их съедят.

— Беда здесь, — заметила бабка. — Я тут была, когда по деревне спрашивала. Меня сюда и отвели. Тут вдовица одна живет. Мужа еще по весне схоронила...

Ну, теперь понятно, почему на участке трава по пояс.

— Не до хозяйства, ей, видишь? — усмехнулась баба Дуня. — Муж к ней по ночам ходит. Вся деревня знает. Поначалу обрадовались. Вспомнили, как по мужу убивалась. Жить не хотела. А потом вроде как за хозяйство взялась, улыбается, оживает потихоньку. Стали соседки подозревать, что зазноба какая-то появилась у нее. Кто-то из деревни приглянулся. А потом соседка видала, как муж к ней ходит. Ночью, как стемнеет, уже на пороге. Вот отсюда и радость...

Я повела плечами, словно дернула ими. Все здесь навевало какое-то уныние.

— Ну, пошли, поговорим, — заметила баба Дуня.

— А стучать? — спросила я, видя приоткрытую дверь.

— Так дверь не запирается, а сейчас поймешь, почему... Сразу князя своего из головы вбросишь! — проворчала баба Дуня, открывая скрипучую дверь. В избе было холодно и сыро. На столе стояли какие-то горшки и пахло кислятиной, словно что-то пропало.

Я увидела, как на лежанке на полу что-то лежит.

— Ой, — опешила я увиденному.

Глава 29

И это что-то зашевелилось. Послышался не то вздох не то стон: «Ждан...»

Мне точно нужно сюда? Или все-таки...

Баба Дуня втокнула меня в избу, а я понимала, что никто давным-давно не разжигал печь. Она даже успела порости паутиной. Казалось, изба уже умерла. Причем, умирала она медленно, цепляясь за жизнь каждым скрипом отсыревших полов.

— Ждан... — снова послышался слабый голос.

Возле лежанки стояла миска с едой. Явно нетронутой. Что-то в лохмотьях с трудом попыталось встать.

На меня смотрела женщина крайней степени истощения. Кожа ее была желтой, прямо как восковая свеча. Глаза у нее лихорадочно блестели, а сухие, потрескавшиеся губы раскрылись одним словом: «Ждан...»

— Ну, знакомься, это внучка моя, — соврала баба Дуня. Я в ужасе смотрела на женщину, которой было все равно, кто я.

Кажется, даже если бы баба Дуня слона в свадебном платье на цепи привела, ей было бы фиолетово.

— Зовут ее Добрана, — представила баба Дуня. — Недавно у нее муж умер... Этой весной... И вот часть весны, часть лета и немного осени к ней ходит...

— Ждан мой хороший, — выдохнула женщина, а ее рука напоминала обтянутое кожей пособие по анатомии. — Каждую ночь ко мне ходит...

— Расскажи про Ждана, — улыбнулась баба Дуня. И тут же мне прошептала. — Деревенские нарочно к ней людей водят, чтобы она про Ждана рассказывала... Может, так хоть покойника изведут... Вот поэтому и дверь не запирают... А ведь еще летом она была красавицей... И молодой, как ты...

Пока что это меня ужасало. Я все еще находилась в ужасе от того, что вижу перед собой. В горле что-то застряло, словно тугой ком. «Когда она в последний раз ела?», — звенела у меня в голове мысль.

— Жданушка мой любимый... Скоро придет... — оживилась Добрана, глядя в оконце на то, как солнышко алым диском катится за горизонт. И на ее лице появилась улыбка. — Он всегда приходит...

— Так помер он, — произнесла баба Дуня.

— Чур вас! Не помер он! Живехонький, — испугалась вдова. И тут же стала продолжать. — Как солнышко скроется, он в избу стучится... А мне бы наготовить ему...

— А почему же он не здесь живет? Раз живой? — спросила баба Дуня.

— А нельзя ему! — тут же ответила обиженным голосом Добрана. — Людям лихим денег задолжал. Вот и кроется в ночи... А я как приберусь...

Она попыталась взять веник, но даже веник показался ей тяжелым. И просто выпал из рук.

— А он здесь уже. Тут как тут! С подарками! Вот, принес мне пряников! — улыбнулась Добрана, полезая рукой в солому. Она достала оттуда что-то коричневое. Я была немного знакома с местной кухней, оттого и не пыталась сравнивать наши пряники с красивым тиснением и глазурью с тем коричневым, что было у нее в руках. «Ну что ты хочешь! Пряники разные бывают! Чай не сувенирные!», — подумала я. — «Это вообще на халву похожи!».

— Откушай, — усмехнулась баба Дуня. — Раз предлагают!

— Нет, спасибо, — заметила я, понимая, что местная кухня меня сильно расстраивает. До сих пор перед глазами гребешки петушиные. А я-то сначала думала — морепродукты!

— И правильно! Не пряники это, а конский навоз! — заметила баба Дуня.

Честно сказать, я как городской житель, чаще видела извращенные пряники, чем конский навоз. Так что пришлось промолчать. Не коровья лепешка и ладно!

— И бусы мне принес! Только никому не говорите... — прошептала Добрана.

— Ей поговорить о нем хочется, — прошептала баба Дуня. — Вот и рассказывает... Всей деревней ее спасают. Просто поздно спохватились... Так бы быстро отвадили...

Бусы, золотые браслеты, сережки — все было явной подделкой. Та самая лошадиная... хм... назовем это словом «халва» лежала на

иссушенных руках. И на одной, как мне показалось, даже проба стояла. Зубами...

— Я вот все подарки берегу... — произнесла Добрана. — Сегодня придет, еще подарит. Щедрый он у меня...

Она производила впечатление сумасшедшей, если бы не одно но... То, что покойники могут возвращаться обратно, я уже сама убедилась.

— Как приголубит, как обнимет...

Речь становилась бессвязной, а баба Дуня стала выводить меня из избы.

— Ой, а вы че? Поговорить пришли? — спросила какая-то незнакомая женщина в сером платке. — А я мак сыплю... Жалко девку. Может, так ходить перестанет?

— И нам отсыпь маку, — попросила баба Дуня, а соседка нехотя отсыпала бабе Дуне в платок. — У родственницы нашей та же беда!

— Ой, бедная, — покачала головой соседка. — А Добрана помрет скоро, видать... Вон, почти не встает. Только после заката... Жаль родинушек у нее не осталось...

Баба Дуня разговаривала с крестьянкой, которая щедро обсыпала маком крыльцо.

Честно сказать, я была под впечатлением. У меня даже руки тряслись.

За два месяца баба усохла... Неужели я такой же буду?

— Пойдем, а то уже темнеет, — вздохнула баба Дуня. — А нам еще мак сыпать, чтобы не пришел...

Всю дорогу я молчала. Этот момент, когда он прижал меня к себе, на мгновение заставил меня почувствовать себя такой защищенной. А я уже привыкла к нему... Почти...

— Че носом квасишь? — спросила баба Дуня. — Не помрешь, не бойсь! Вовремя мы спохватились...

Мы вернулись в терем. Либо весть о том, что где-то здесь покойник ходит, разнеслась по терему, но бояр я что-то не видела... Видать, перепугались. В тереме тихо было. Спокойно. Или они на ночь стали уходить. От греха подальше.

— Ты пока ешь, — поставила передо мной баба Дуня чашку с грибами и мясом. В другой чашке каша была. Невкусная. — А я мак

рассыплю. Если все получится, то эту ноченьку спокойно спать будешь...

Глава 30

У меня до сих пор перед глазами была та несчастная. Неужели я стану такой же, если ничего не предпринять?

— Ну, мак-то точно должен подействовать! — ворчала бабка. — Сейчас пойду, весь мак соберу! Терем-то ого-го какой большой! А его весь до ночи обсыпать надо!

Я чувствовала себя так, словно внутри вызревает тоска. Я смотрела в окно, чувствуя, что что-то внутри протестует против происходящего! А что если я больше никогда его не увижу? От этой мысли я вдруг испугалась...

Я вспомнила, как он обнимал меня. В этот момент я почувствовала внутри что-то, что чувствовала давным — давно. Словно забытое чувство любви, затертое, замусоленное рутиной, вспыхнуло во мне с той самой силой, как когда-то вспыхивало в юности.

«Нет, нет, нет!» — мысленно вопила я, пытаюсь затушить маленький огонек интереса, влюбленности и воодушевления от встречи, внутри себя. Мне срочно нужны кирпичи здравого смысла, ведра с вескими доводами против и одеяло: «Да оно тебе надо!».

Я мысленно бросилась к красному пожарному щиту, висевший в каждой организации, чтобы как можно быстрее потушить пламя.

Обычно это срабатывало. Благо понравившиеся мужчины при более детальном рассмотрении делали все возможное, чтобы я потеряла к ним всякий интерес. Кто-то был женат, но скрывал этот факт. Обычно я узнавала об этом совершенно случайно. И тут же говорила себе: «Стоп!».

Но здесь это не срабатывало. Лесьяр был женат. На мне.

Некоторые сами не проявляли ко мне никакого интереса, что, разумеется, остужало мой пыл. Но тут я видела явный интерес к моей персоне. Тоже не помогало.

Обычно так же шли вон из души и сердца всякие «арбузеры», которым срочно нужны «покорные и безропотные дыньки с отсутствующим инстинктом самосохранения и последующей потерей

самоуважения». Я желала им удачи в поисках своей мазохистской бахчи.

Но Лесьяр был не такой. Единственным недостатком мужа было то, что он... мертвый.

— Ну все, голубушка! Сделала! — заметила баба Дуня, устало разгибаясь. — Ты гляди-ка! Из терема княжего почти все сбежали. Сидят, небось, в своих посадах... Так, набегамы бывають... Да и дворовые тоже почти все разбежались... Ну еще бы, упырь объявился! Так что бояться нам терепича нечего. Ничего, и его изведем!

«Изведем!», — пронеслось в голове. А мне не хотелось, чтобы его изводили! Но в то же время я испытывала дикий страх перед судьбой, которая уготована мне.

— А можешь еще рассказать, что узнала про покойников? — спросила я, понимая, что вечер неумолимо приближается. Не то страх, не то волнение делили меня очень словоохотливой. А еще я надеялась склонить чашу весов в пользу избавления от мужа.

— Ой, да че только не рассказывают! — вздохнула баба Дуня. — Я то у всех спрашивала. С покойником лучше никуда не ходить... Была такая история, что парень пропал. Несколько лет вестей не было, а потом ночью приехал, говорит, поехали ко мне, женюсь! Она, дуреха, и согласилась. Он ее к могиле разрытой привез. Говорит, вот теперь здесь жить будем. Девка перепугалась, да хитрая была... Она —то догадалась, что покойника с того света выплакала. Вот и сказала, что вещи потихонечку в дом перевезет, а сама нахваливает и дом, и жениха. Сначала платочек кинула в могилу, потом ленты, потом сережку, еще сережку... Так время до петухов и протянула. Бусы у нее на шее были. Так она по бусинке кидала. Потом как домой вернулась, так долго болела. Еле выходили...

Я сидела, открыв рот.

— Спать с ним, как с мужем нельзя! Тогда дело быстрее пойдет... Видала, во что Добрана превратилась? Она же с ним каждую ночь спит... — перечисляла бабка. — Ну все, спать иди! Главное, чтобы мы от этой напасти избавились. Да помогут нам боги!

Я полезла под одеяло, чувствуя, как дрожат руки. Под одеялом было уютно, но холодно.

— За что ж тебе, девонька, напасть такая... — причитала баба Дуня. — Чем же ты богов прогневила?

Я стала засыпать, как вдруг услышала скрип половиц.

Глава 31

К моему стыду первой мыслью была радость! Но потом, вспомнив Добрану, я почувствовала, как подступает страх. Неприятное чувство заметалось внутри, словно загнанный в угол зверь.

Открыв глаза, я увидела силуэт князя, стоящего возле окна. Баба Дуня храпела за троих. И даже с кем-то ругалась во сне.

— Ну, здравствуй, — прошептала я, и тут же заметила, как охотно встаю с кровати.

Лесьяр улыбнулся.

— Мне уже поздновато здравствовать, — заметил он, а я вздохнула. Неловко получилось, честно!

— Эм... — замялась я. — Ну...

Мне кажется, я смутилась. С одной стороны я так рада была его видеть, а с другой... Не успела я опомниться, как меня обняли. Я, к своему стыду, была не против.

— Ты же, как бы, мертвый... — прошептала я, а внутри что-то неприятно дернулось.

— И что? — спросил Лесьяр, сжимая меня так, словно пытаюсь вжать в себя.

— Как ты прошел сюда? — спросила я тихо-тихо...

— Ногами, — заметил Лесьяр. «Почему мак на него не действует?!», — пронеслась мысль.

— А ты там ничего странного не видел? — спросила я, решив начать издалека. Проглоченная слюна поскребла пересохшую гортань.

— Нет, а должен? — удивленно спросил Лесьяр, пока мы стояли у окна. Я вспомнила, как видела в фильме, как вампир собирал семечки, рассыпанные жертвой по полу. Собирал, злился, обещал убить и обескровить... Но при этом остановиться не мог...

— А ты... не видел ничего странного, пока шел сюда? — спросила я очень уклончиво. Его руки покоились на моей талии, а я чувствовала, что мне ничего не страшно. Ну, кроме него, конечно. «Может, лучше бояться одного, чем бояр, заговоров, отравлений, внезапных хамоватых гостей с повышенным либидо, другой нечисти?», — подумала я.

— А что странное я должен видеть? — спросил Лесьяр.

Вот как ему сказать, что он — какой-то неправильный покойник!

— Ну, тебе не хотелось, — начала я, понимая, что он обидится, когда узнает, что его тут извести хотят. — Что-то пособирать... Ну, я просто спросила?

— Нет, — ответил Лесьяр.

«Понятно!», — пронеслось в голове.

— погоди, ты про рассыпанный мак, который там упырь собирает? — спросил Лесьяр, а я вздрогнула.

— К-к-какой упырь? — спросила я, а голос мой дрогнул.

— Да ходил тут один... К ключнице, — заметил Лесьяр.

— А-а-а, — протянула я, чувствуя, что здесь больше нечисти, чем я предполагала.

— Ты меня извести пытаешься? — спросил Лесьяр, а я посмотрела на него.

— Нет, что ты! — тут же испугалась я. — Мы этого упыря извести хотим... Знаешь, как он надоел! Ходит и ходит... Просто сил нет!

— Я тебе подарок принес, — заметил Лесьяр. Он достал роскошные серьги. Прямо как леденец на палочке со вкусом квартиры в столице! Они напоминали перо жар-птицы, инкрустированное камнями. Все это переливалось, сверкало...

— Эм... — вспомнила я про навоз в сундуке в Добраны.

Но серьги так сверкали, что я даже оторвать от них взгляд не могла.

— Нравятся? — спросил Лесьяр шепотом. На его крупной ладони серьги казались маленькими, но я — то понимала, что они мне едва плечи царапать не станут.

— Ну, как бы... — замялась я, а серьги, как назло так красиво сверкнули, что у меня с каждой секундой было все меньше и меньше сил от них отказаться.

Глава 32

Я даже принялась к ним. Мало ли...

Но, вроде, ничем таким не пахли. Навозом точно... А должно? Мне нужна инструкция, как правильно распознать подарки.

Но все равно я опасалась их брать. Перед глазами стояла Добрана. И навоз, который она с гордостью протягивала на тощей руке. А что если я их вижу, как сережки золотые, а другие, как навоз?

— Бери, не обижай меня, — произнес князь, а подарок так ласкал мне душу, что я выдохнула. Бабе Дуне не скажу! Сама проверю, но позже... Тайком посмотрю... Только спрятать надо понадежней.

— К-к-конечно, — кивнула я, беря увесистые серьги и пряча их под матрас. — Спасибо, они очень красивые и...

— Сразу видно, что подарками тебя не баловали, — заметил Лесьяр. — Значит, я буду баловать...

— Нельзя тебе ко мне ходить, — прошептала я, словно пытаюсь в первую очередь уговорить себя принять эту правду. Но пока что не получалось... Я чувствовала, как с каждым разом сердце все больше привязывается к нему. И скоро узелок завяжется, что уже не развязать...

— Нельзя, — прошептала я, обнимая его. Я чувствовала, как руки мужа обнимают меня. Только сейчас я начинала понимать свое горе. То, что я потеряла в нашу брачную ночь...

— Ты что? По мне слезы льешь? — спросил Лесьяр, а я попыталась спрятать их у него в рубашке. Его руки мягко легли мне на голову. Внезапно я осознала, что во всей моей жизни здесь — он — единственное светлое пятно. И то, что я жду этого проклятого вечера, жду нашей встречи... И что каждый раз боюсь, что он не придет...

Испугавшись собственных мыслей, я отстранилась. Неужели я попала в ту же ловушку, что и Добрана, которая оживает только ближе к вечеру?

— Боишься меня, — слышала я голос, глядя в светящиеся глаза. — А ты не бойся... Не причиню я тебе зла...

— Я про тебя ничего не знаю, — прошептала я, понимая, что кроме имени у меня никаких данных нет.

Ну вот зачем он такое говорит? Я сейчас плакать буду!

— Помню, как меня в этот терем привели... — заметил Лесьяр. — Матушка нарядно меня одела, а сама плачет... Помню, как меня в терем ввели. Это потом я узнал, что мать моя — просто зазноба княжеская была... Не женой ему она была. Я увидал сурового дядьку с бородой, который хмурил брови. А как меня увидел, так сразу расцвел.

— Будет ваш князь новый, — усмехнулся отец, а матушка меня к себе прижала. Словно отдавать не хочет. Так мы с матерью с избы в терем перебрались. Отец на матери женился, а я княжичем стал. Хотели, было, бояре поспорить, но мы с ним с лица до того похожи были, что слепой не заметит.... Он меня в походы брать стал... Я у него на луке ехал. Мне кузнец кольчугу да меч сделал. А посреди пира любил, когда я мечиком машу. «Моя кровь!», — усмехался отец. А я даже полюбил его. Правда, недолго мы с ним вместе побыли. Погиб он. А мать следом ушла. С горя почернела. Помню, как обнимала меня и причитала: «Что будет, ой, сынок... Что теперь будет с нами!». А меня князем сделали. Думали, дите малое, неразумное. Но не тут-то было. Хотя мне и лет было мало, но казнить я быстро научился. И казнить, и миловать... И защищать тоже быстро научился... Помню, как соседи на нас войной пошли, а я стою на стене в сафьяновых сапожках, да чувствую, что позади меня отец стоит. Оборачиваюсь, нет его...

Это было так интересно, что я заслушалась.

— Поначалу делов наворотил, но потом за ум взялся да постарался все исправить, — заметил Лесьяр. — Стали про меня говорить, что я лютый да лихой. И от этого сильнее соседи бояться стали... И бояре при мне тихо сидели. Слово молвить боялись. Только вот на свадьбе разгулялись.

Мы стояли, обнявшись, как вдруг послышался крик петуха. Что так быстро? Неужели ночь прошла?

Я видела, как он растворяется в темноте, а я остаюсь одна. Сунув руку под матрас, я почувствовала металл.

— Ладно, подождем, посмотрим... — заметила я, укладываясь спать.

Глава 33

Я спала тревожным сном, словно проваливалась в глубокую бездонную яму. Казалось, у меня нет сил пошевелиться. Все тело, словно оцепенело.

— Вставай, дитяtko! — послышался далекий голос.

— Ммм, — простонала я, чувствуя, как злюсь на него.

— Вставай, родненькая, — голос стал громче, а я пыталась отмахнуться от него, пребывая в своей уютной темноте.

От меня отстали. А я даже обрадовалась, собираясь поспать дальше, как вдруг на меня что-то плеснули холодное.

Я дернулась, видя, как баба Дуня стоит с горшком воды в руке.

— Ну что это такое!!! — вызверилась я, сонно глядя на яркое солнце.

— Ой, дитяtko, — причитала баба Дуня. — Я проснулась, сначала тебя не будила, дескать, дам поспать, потом звала... А ты не откликаешься...

В теле была такая слабость, словно я на дискотеке всю ночь зажигала, а потом еще на собачьих бегах в виде участницы догнаться решила.

— Вставай, дитяtko, — причитала баба Дуня, заглядывая мне в лицо. — Ой, бледная ты что-то!

— Бледная? — спросила я, трогая свое лицо. Зеркало, которое висело на стене в причудливой раме, подтверждало. Я бледная, как привидение.

— Ну что? Приходил? — наседала баба Дуня, пока я рассматривала свою бледность. Вот, с этого-то все и начинается! Чувство страха, которое должно было парализовать любого нормального человека, прошло лишь каким-то туманным отголоском в моей душе.

Сказать ей, что приходил? А вдруг она его совсем изведет? А вдруг у нее получится? А если не скажу, что он и меня на тот свет утащит...

Я смотрела на свое лицо, а инстинкт самосохранения требовал, чтобы я во всем призналась.

— Да, — произнесла я.

— Да иди ты! — замахала руками баба Дуня. — Да быть такого не может!

— Может, — мрачно подтвердила я. Внутри было какое-то сожаление, что я все-таки призналась. А надо было молчать. А что если больше я его не увижу?

Словно в ответ на собственные мысли, сердце заныло, а я проглотила неприятный ком.

— Ну, попробуем еще способ! Авось поможет! Что-то он крепко к тебе прицепился, — суежилась баба Дуня, а я понимая, что она делает все правильно. Она пытается спасти мне жизнь. Сейчас, когда солнце заливало горницу, скользило по расписным цветам, мне хотелось, чтобы побыстрее наступила ночь. Я чувствовала, как всем сердцем жду ее. И эти мысли меня пугали.

— Пойду я, разузнаю все. Одного покойника сумели извести, но у вас детей нет! А там дети нужны! — авторитетно произнесла баба Дуня. — Я у стариков поспрашиваю.

— А дети зачем? — спросила я, чувствуя, как на смену недоумению пришло любопытство.

— Ну смотри, — произнесла баба Дуня. — Как поведется покойник к жене своей, так берет она детей малых разного пола, наряжает их и сама наряжается, для свадьбы столы накрывает.

— Для свадьбы? — спросила я. Но больше пугало слово «накрывает». Не то, чтобы я не любила готовить, но в одиночку накрыть для целой свадьбы столы, пугало любую современную женщину. Тут на новый год, если захочешь по-старинке, сама столы накрыть, то за неделю готовиться начинаешь. А потом все жрут за двадцать минут, что готовилось три дня. И, чавкая, благодарят сонную, стекающую по столу хозяйку за ее гастрономический подвиг.

— Покойник приходит, видит, что свадьба, и спрашивает, кто женится? — продолжала баба Дуня. — А жена говорит, что брат на сестре женится! Покойник спрашивает, а разве может брат на сестре жениться? А жена отвечает, а разве может мертвый к живой ходить? Но у вас разнополых детей нет! Так что буду спрашивать, как можно что в древней магии поменять. Старики-то, небось, все знают!

Баба Дуня повязала платок и ушла, а я сглотнула и вспомнила про сережки под матрасом. Интересно, есть они там, или я — принцесса на

лошадиной горошине?

Глава 34

Моя рука скользнула под пуховую перину. Чувство было неописуемое... Волнение заставило пальцы дрожать. Я затаила дыхание. Моя рука что-то нащупала, а я потянула на себя. На моей руке лежали серьги.

— Неужели? — подумала я. — Или покойник княжеских кровей имеет какие-то привилегии... Или...

Радость внутри сменилась сомнениями.

— А что если их сережками вижу я, а на самом деле это... — подумала я, а внутри стало как-то нехорошо.

Я подошла к зеркалу и продела серьги в уши. Несколько раз потряхнув головой, я услышала мелодичный звон.

Серьги были тяжелые. Я в силу скромного бюджета привыкла к маленьким золотым сережкам — гвоздикам, а тут целые «серьжищи». Почти до самых плеч. А теперь у меня уши оттянулись, как у папуаса.

— Надо ждать бабку, — выдохнула я, понимая, что из развлечений у меня — смотреть в окно или спать. В княжеском тереме было поразительно тихо.

Я прошлась по комнате, полежала на кровати, потом посидела.

— Мечтала отоспаться? — спрашивала я у себя. — Вот, отсыпайся!

Я уже подумала повышивать что-нибудь, хотя раньше к вышивке меня и калачом не заманишь. Как только стало смеркаться, я отложила сморщенный платок с цветными нитками, обещая его никому не показывать. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Дверь скрипнула, а я обернулась.

— Ну, разузнала, — выдохнула баба Дуня. — Правда, пришлось в соседнюю деревню идти... Там недавно покойника спроваживали. — А теперича тебе надо нарядится красиво!

— Зачем? — спросила я, вскочив со скамейки.

— Как зачем? Придет покойник, спросит, куда вырядилась? — выдыхала баба Дуня. — А ты ему такая скажешь. Так на свадьбу иду! Брат на сестре женится, а меня пригласили...

— Я хоть и живая, но мне самой кажется, что это — неправильно, — заметила я, понимая, что народное колдовство вещь — ядреная. Кто выживет — до старости жить будет.

— Вот! — подняла вверх палец баба Дуня. — И покойник скажет, что негоже брату на сестрице жениться! А ты ему такая и заявляешь, что не гоже мертвому к живой ходить!

Было у меня предчувствие, что этот супер — надежный способ спровадить покойника, окажется не таким уж и супер-надежным.

— А если не получится? — осторожно поинтересовалась я.

— Тады будем другой искать! — авторитетно произнесла баба Дуня. — Рано или поздно мы его спровадим. Ой, че у нас так навозом пахнет?

Вот! Я застыла, понимая, что баба Дуня сейчас принохивается. Я, конечно, не известный кутюрье, но лошадиный навоз в ушах — это даже для высокой моды чересчур смело. Осторожно прикоснувшись к сережкам, я замерла и отбросила волосы, чтобы они были видны.

— Ба! Так я вон, видать, вляпалась! — заметила баба Дуня с досадой. — И в дом притащила. Видать, к богатству!

Я снова коснулась сережки рукой, как бы привлекая к ней внимание.

— Баб Дунь! — потребовала я, видя, как баба Дуня осматривает лапти. — А что у меня в ушах?

— Как че? Сережки! — проворчала баба Дуня, а у меня сердце подпрыгнуло от какой-то странной радости. Все-таки сережки!

— Это князь мне их подарил, — произнесла я, заметив в собственном голосе гордость.

— Ой, да не надо врати! — махнула рукой баба Дуня. — Небось нашла у себя в приданом.

— Нет, он подарил! — заметила я, касаясь сережек.

— Ба.... — присмотрелась баба Дуня. — Неужто золотые! Али чудится?

— Видимо, золотые, — заметила я. Или навоз только на пряники распространяется?

— Ну и дела, — озадачено заметила баба Дуня, рассматривая серьгу, которая зацепилась за мои длинные волосы. — И впрямь, как настоящие!

Она даже глаза протерла.

— Ладно, сейчас девок позову, чтобы еду тебе принесли, — проворчала баба Дуня. — Ишь тыт! Сережки золотые подарил! Да поди ж ты!

«Золотые, значит!», — протянула я, трогая серьги.

Я поела и улеглась спать.

— Куды! Наряжаться будем! — скомандовала баба Дуня, громоздя на меня сарафан и головной убор.

Сейчас я лежала на кровати, напоминая мумию фараона. Если помру, то буду считаться кладом. На мне было столько украшений, что я представить себе не могла, как это все носить. Только бус ряда четыре было. Не говоря уже про перстни.

На этот раз мне не спалось. Я отлично вздремнула днем, поэтому ворочалась и ждала. Спать во всем облачении было неудобно, поэтому приходилось лежать, как Мавзолею.

В тишине горницы я прислушивалась к шагам. Потом не выдержала и подошла к окну. Постояв немного, я обернулась и увидела князя.

— Красавица, — произнес он, а у меня сердце вздрогнуло. Я смотрела на него, жадно пожирая глазами.

— И куда ты такая красивая собралась? — спросил князь, обходя меня со всех сторон.

— На свадьбу, — ответила я, чувствуя, что голос у меня такой фальшивый...

— И кто женится? — спросил князь. — Надеюсь, не ты замуж выходишь...

— Да нет... — немного растеряно ответила я, чувствуя, как он встал у меня за спиной. — Брат на сестре женится, а меня пригласили...

Ну все! Я это сказала!

Глава 35

— Ну хоть не мужик на мужике, — усмехнулся Лесьяр. — Уж коли друг другу не кровные, то можно. Пошли вместе на свадьбу сходим! Князь я или не князь?

Упс!

Где-то гуляла мифическая свадьба, а мне нужно срочно придумать повод, чтобы туда не идти. Ведь никакой свадьбы не было!

— Ну, не знаю я, — заметила я, поглядывая на князя. Так, срочно нужна отговорка... Какие отговорки бывают, чтобы на свадьбу мужа не брать?

— Ну, ты... напьешься, буянить будешь, — вспомнила я одну свадьбу, где пьяный гость пытался танцевать третьим с женихом и невестой их первый танец молодых, а потом подрался с тамадой, пока я его жена стекала под стол от стыда.

— Не пью я. А если пью, то редко, — заметил князь. — До добра это не доводит. Пьяным море по колено, а я знаю, что ошибиться не могу. За мной целое княжество стоит. Дед мой пил не просыхая, и все милости княжеские направо и налево раздавал. А я отбирать их уже устал.

— Ну так... эм... Они тихонько посидеть решили... Не для князя размах, — улыбнулась я робкой улыбкой.

— Ничего страшного. Тихонько и с князем посидеть можно, — заметил он. — Я сразу скажу, чтобы забыли на вечер, что князь я. Простым гостем буду. Заодно и просить ничего не будут. Раз забудут, что я князь...

Нда... Беда!

— Ой, а час который? — спросила я, осматриваясь. — Кажется, мы уже опоздали! Уже как-то неприлично приходить. На наши места уже гостей, небось посадили...

— Разве можно на свадьбу опоздать? — усмехнулся князь. — А как тогда родственники, которые за тридевять земель живут. Им что ж? Обратно возвращаться?

Что ж делать! Хочется ему развлечься или он что-то заподозрил? Как бы узнать?

— Ладно, — выдохнула я, решив признаться. — Нет никакой свадьбы. Придумала я ее. Не гоже мертвому к живой ходить... Страшно мне...

— От чего страшно? Я же зла тебе не делаю? — спросил князь. — Я тебя не обижаю, наоборот со всем сердцем к тебе...

— Знаю я, — простонала я. — От того и горше... Не должно быть так! Не должно...

Я уперлась ему в грудь лбом. Головной убор упал, а оттуда вывалилась коса.

— Ты понимаешь, что губишь меня? — взмолилась я, глядя ему в глаза. — Что я сохнуть начну, а потом умру?

Лесьяр смотрел на меня и молчал.

— Неужели уже не люб? — спросил он, а его губы подернула грустная улыбка.

Я промолчала, сжав губы.

— Хорошо, коли так, то... — выпустил он меня из объятий. Мне вдруг стало так холодно и пусто. Я видела, как князь в дверь вышел. Сердце разорвалось от острого чувства потери. Запоздалое чувство потери вдруг обожгло меня пустотой. Секунда, другая, третья... Я представила, что больше никогда его не увижу... Никогда больше...

Слово «никогда» впилось в мое сердце, словно острый нож, не давая вздохнуть. Я схватилась за грудь, чувствуя, как мне вдруг стало страшно и одиноко.

— Постой! — закричала я, бросаясь вслед за ним.

«Что я делаю?!», — стучала в голове мысль. — «Он же мертвый!».

В коридоре его не было, а я выбежала через зал на улицу.

— Постой! — закричала я, выбегая на улицу. Полная луна заливала все своим серебристым светом. Сердце надрывалось, а я искала его взглядом. Растрепанная, отупевшая от внезапной щемящей боли потери, я застыла, как вдруг увидела его.

— Лесьяр! — закричала я, бросаясь к нему. Я бежала так быстро, как могла, пока не врезалась в его спину.

Он обернулся, а я ничего не могла сказать... Я просто плакала, удерживая его.

— Не пущу, — прошептала я. — Не пущу...

Глава 36

Боже мой! Что я делаю! Мысль заставила меня съежиться. Я же сама к своей гибели иду! Сама своими руками могилу себе рою, да вот мысль о том, что это — наша последняя встреча приводила меня в ужас.

Холодные руки легли поверх моих рук.

Лесьяр обернулся, а я упала ему на грудь. За его спиной я видела розовую полоску рассвета.

— Негоже мертвому к живой ходить, — прошептала я, вздыхая. Мои руки держали его за одежду.

Я запуталась, а от этого и замерла у него на груди, пахнущей сыростью. Единственное, что я знала точно — я не хочу его терять. Мои пальцы крепче схватились за его одежду. А ведь нужно просто взять себя в руки, скрепить сердце и оттолкнуть его. Просто оттолкнуть, и тогда все будет хорошо... Ведь негоже мертвому к живой ходить...

Мой мозг тут же начал искать варианты. Может, он будет просто приходить пореже? Или, быть может, есть какой-нибудь оберег? Ну ведь должно же быть хоть что-то...

— Я не хочу, чтобы ты уходил навсегда, — прошептала я, представляя зияющую пустоту в душе. Пока она зарастет, я успею сойти с ума!

Холодная рука легла на мою щеку. «Он любит меня! Любит!», — прошептало сердце.

Яркий луч пробился сквозь тучи, осветив посеревшие доски княжеского терема, подсветил золотые волосы. Сейчас глаза князя горели не так ярко, как в темноте.

Он склонился к моим губам, а меня так и не обожгло дыхание. Я встала на цыпочки, подавшись вперед. Что-то внутри меня лихо и отчаянно выдохнуло: «Эх! Гулять, так гулять!».

— Ты ведь придешь завтра? — прошептала я, понимая, что в этом мире у меня кроме него и бабы Дуни никого нет. — Придешь?

Ветер поднял мои растрепанные волосы, а я еще сильнее подалась вперед, как вдруг услышала хриплый, пронзительный крик петуха.

В этот момент я почувствовала, как сильные руки Лесьяра отпускают меня. Его фигура отдаляется. Я почувствовала, словно он отдаляется. На мгновение потеряв ориентацию в пространстве, я дернула головой.

Князя нигде не было.

И солнце передумало восходить. Яркий луч был надежно укрыт тучами. Я осматривалась по сторонам, выхватывая то деревянную кладку сруба, то пучок травы, то башенку, то серую утреннюю хмарь.

— Кукареку! — заорал петух.

Я бросила взгляд на огромного петуха, размером с птеродактиля. Он был местами щипан и прихрамывал на одну ногу.

— Молчать, суповой набор! — фыркнула я на него, злобно сощурившись. Мне казалось, что он во всем виноват! Заорал не вовремя! Взбрело в его петушиную голову орать, вот и заорал! А я так и не узнала ответа на свой вопрос, придет или не придет.

— Ку-ка- реку! — орал петух, глядя на меня немигающим птичьим бессмысленным взглядом.

— Пошел вон! — заорала я, снимая туфлю и запуская им в петуха. Злость требовала выхода. Сердце раскачивалось, как маятник. — Это все ты виноват! Ты!

Туфля полетела в петуха. Тот ловко увернулся и заорал: «Кукареку!». Я засопела, схватила туфлю и снова стала гонять его, приговаривая, что он мог бы подождать! От минуты ничего не случилось!

Подобрав роскошное одеяние, расшитое жемчужинами, я снова стала высказывать петуху все, что я о нем думаю!

— Минута! — сопела я, запуская в него туфлей. На этот раз я попала, а петух обиженно и высокомерно посмотрел на меня. — Минуту подождать не мог! У тебя что? Важная встреча? Саммит? Симпозиум? Яйца на плите, а ты будильник ставил, на сколько их варить!

Петух тут же понял, что я опасности особой не представляю.

Я в последний раз запустила в него туфлей и попала!

— Кукаре... — заорал петух, а я сделала еще один бросок, уже второй.

Солнце, словно призванное петушиным криком стало выползать из-за леса. Ругаясь, я подняла с земли сначала одну туфлю, потом

вторую. Ветер ударил в лицо, поднимая волосы.

Я сделала глубокий вдох, а потом зажмурилась.

«Что я делаю?», — пронеслось в голове, пока я стояла на холодном ветру. — «А может, так будет лучше? А?».

В горле тут же что-то сжалось, а мне пришлось стиснуть зубы, чтобы проглотить боль.

Терем был почти пуст. Услышав про навьего почти все разбежались, а я нетвердым шагом направилась обратно. Коснувшись рукой резных дверей, я прошла босиком по полу. Я обернулась, видя, как двор заливают рассвет.

— О, княгиня — матушка, — слышались голоса. Я хмуро посмотрела на челядь.

— Прибраться в тереме! — произнесла я, понимая, что надо на что-то перенаправить мысли, иначе я сойду с ума от переживаний.

Рука потрогала серьги, а я увидела, как лениво зевают девки да мужики, явно не желая трудиться.

— А ну! Слыхали, что княгиня сказала? Она вам тут что? Для красоты? А? — слышался голос бабы Дуни.

Те переглянулись и стали лениво мести да убирать.

— Правильно, так их! — кивнула баба Дуня. — Княгиня ты? Или нет? Зато смотри, как бояре по своим посадам разъехались. Ни одного!

— А вдруг они там заговор замышляют? — спросила я, слыша, как березовый веник проходится по грязному полу.

— Ничего, ничего, — услышала я ласковый голос бабы Дуни. — Все будет хорошо! Все вышло даже лучше, чем думалось! Я-то думала, что бояре нам под юбку будут заглядывать, дескать, растет живот, не растет. Или замуж выдавать! А тут вон как князюшка нам подсобил! Всех разогнал! Ну, че? Сегодня приходил?

Соврать ей или правду сказать?

— Приходил, — произнесла я, видя, как бабка насторожилась. Она тут же нахмурилась. — Сказала все, как велели.

— А он че? — спросила баба Дуня.

— Он захотел со мной на свадьбу пойти. Еле отговорила! — заметила я.

— Да иди ты! — изумилась баба Дуня. — Да быть такого не может! Всем помогало! А ну пойдем в светлицу, а то тут вон сколько ушей греются!

Я вошла в комнату, словно неся свое горе внутри, боясь расплескать по дороге. Рассказала все, как есть, без утайки. Под конец мой голос был глухим, а я чувствовала, что вот-вот заплачу.

Честно, мне казалось, что сейчас разразится скандал! Баба Дуня начнет ругать меня, мол, как же так, но она слушала, а потом ее сухие потрескавшиеся губы задрожали.

Сухая рука погладила меня по голове, а я услышала вздох.

— Да я же сразу поняла, что по сердцу тебе муж пришелся, — произнесла баба Дуня. — Бедная моя... Ну, а че тут поделаешь... Но так нельзя, девонька... Негоже мертвому к живой ходить. Не гоже... А тем паче, это вовсе не он может быть!

— Как не он? — прошептала я, поднимая глаза.

— А вот так! — прошептала баба Дуня. — Мне тут шепнули на деревне, что под видом покойника иногда сила нечистая является...

Глава 37

— Ч-ч-что? — рассеяно спросила я. Пока что у меня в голове не укладывалось.

— А то! — выдохнула баба Дуня. — Не муж может это оказаться, а.... Любака!

При слове «любака» у меня тут же кто-то завилял хвостом.

— Любака, маньяк, — перечисляла бабка. — Сила нечистая, что облик мертвого принимает и к вдовице любиться летает.

— Маньяк? — удивилась я, понимая, что на князюшке убийство таки числится, но в исключительно целях охраны правопорядка и самообороны моей чести.

— Ну да! От слово «манить, манкий», — вздохнула баба Дуня. — Мне тут давеча историю рассказали, та до сих пор волосы дыбом.

Ой, у меня волосы из «дыба» не выходят. Для них это уже естественное состояние.

— Было дело на деревне одной. У Гореславы муж с дружиной княжеской ушел воевать. Все время вышло, а он не вернулся. Как вдруг ночью в дом стучится. Она открывает, а там муженек стоит. Целехонький! Она к нему: «Как? Какими судьбами?». А он ей сказал, что дружина сейчас неподалеку, а он домой к женушке решил забежать. Только пусть жена молчит. А не то ему худо будет! Как князь прознает, так плетей всыплет. Жена тут же ставни закрыла, стала на стол накрывать. Муж ест, а она вздыхает. Вон как изголодался. Поел муж да давай ее нежить да ласкать... Под утро проснулась, а он ушел. Радостная такая на деревне ходит да молчит. На следующую ночь опять явился. Поели, поговорили, а он ее снова любиться потянул. А тут соседка — кумушка шла мимо избы да услышала голоса. В щель между ставнями глянула, а наутро к Гореславе. Дескать, не муж это. Гореслава ему: «А ты откуда знаешь?». Та так и сказала, мол, подсмотрела. Рассказала соседка про бабку свою, которую нечистый извел. И научила, что делать! Надобно на печку залезть. И сидеть на ней. Пришел муж, стучится, а Гореслава не открывает. Так он дверь выломал. Увидал ее на печке и давай сманивать. А она ни в какую. Говорит, полезай ко мне. А он не может! Печка от нечистой силы

спокон веков защищала. Лютовал, бушевал, все в избе переколотил, а под конец прошипел: «Радуйся, что прознала! А то сегодня ночью задушил бы тебя!». И сгинул, как не бывало.

После ее рассказа я лишь сглотнула.

— Погоди, так ведь три ночи прошло, — прошептала я.

— А у вас как у мужа с женой было? — спросила бабка. — Может, в этом дело! Так что, девка, надобно нам защиту укрепляти! Домового растить и на защиту поднимать. А то он совсем обленился!

— А что делать нужно? — спросила я, представляя, как вручаю домовому гантели.

— Для начала в тереме прибраться надобно! — встала баба Дуня, а глаза у нее аж сверкнули. — И домовому еды наготовить! А то у нас не домовой, а заморыш какой-то!

Словно в подтверждении слов кто-то чихнул за сундуком.

— То есть, если ко мне ходит нечистая сила, а не мой муж, то это еще хуже? — прошептала я.

Сейчас я была в смятении. А что если правда? Это — не он?

— Хуже, дитятко, хуже... — вздохнула баба Дуня. — Задушит, и поминай, как звали! Ну что сидим? Княгиня ты али кто? Давай, гоняй холопов, чтобы весь терем прибрали! Знаешь, домовому какое подспорье будет!

Я вышла в зал, видя как там под ленивые разговоры идет неспешная работа. Глядя на эту картину, я сделала глубокий вдох и выдохнула так, что покраснели даже прорабы на стройке.

— А ну живо все убрать! — закончила я свой емкий монолог, глядя на побледневшие лица.

Начальственная должность требовала суровости. Иначе один зал будут убирать до скончания века!

— И наготовить еды! — приказала я, видя, как зашуршали веники.

Я вернулась в свою светелку. Впервые за все время я почувствовала себя настоящей хозяйкой. Того и глядишь, освоюсь здесь.

— ... а вот еще случай был, вспомнила, — произнесла баба Дуня, а я дала ей знак, резко выходя из светлицы.

В зале опять шли неспешные беседы о том, о сем.

— Я все вижу!!! — возмутилась я, пока душу обжигал страх. А вдруг правда сила нечистая? А как узнать наверняка? Мысли сбились в кучу, а я тыкала на огрызки и прочий мусор, который решили пропустить и оставить на месте.

— Это что за священный огрызок? А? — спросила я. — Почему его третий веник уже обходит? Если сейчас не уберете, я вас молиться на него заставлю каждый день! Три раза в день!

Веник пригреб священный огрызок и тут же понес подальше. Ну, то-то же...

— Ешь, — слышался голос бабы Дуни, когда я вошла в светлицу. — Сразу видно, что каши мало ел!

Она задвигала миску за сундук, а оттуда слышалось чавканье!

— Еще неси! — потребовала баба Дуня. Я кивнула, отлавливая еще девок для готовки.

Через два часа я видела, как из-за сундука сама по себе выезжает пустая миска.

— И куда в него столько лезет? — спросила я.

— Дык ведь сколько его не кормили! — заметила баба Дуня, насыпая еще каши. Она положила сверху маслице, а я облизнулась. Мне что ли тоже поесть?

Грибная каша с капустой отправилась за сундук. Я сидела и ела свою порцию.

— Еще! — приказала баба Дуня, когда одна из девок пробежала мимо. — Ишь, как забегали! Тут рука твёрдая нужна. Чтобы порядок был! Твоя мать тоже приехала в отцу твоему, да ходила, как воробушек. Ничего, потом освоилась. Не все сразу бывает.

Мне хотелось, чтобы она про родителей рассказала побольше. Но спрашивать я стеснялась. Осталось полагаться на старческую сентиментальность.

— Отец-то твой норову был прямого. Матушка твоя ой как намучилась с ним. Чуть что не по его, так молчать не стал бы... Вот с князюшкой да разругались. Не по нраву отцу твоему было правление князя нашего. Так и высказал ему батюшка твой. А надо было хитрее быть. Мягче. Да разве он кого послушает. Вот и в опалу попал. Князь казнить его хотел поначалу, а потом обратно сослал. Дескать, сиди и не высовывайся. А я пока подумаю, что с тобой делать!

Я жаждала продолжения, но баба Дуня тему прикрывала.

— О, неси сюда еще! — обрадовалась она, когда девка огромную миску еды принесла.

— Давай, — поставила миску домовому баба Дуня. Миска тут же выдвинулась нетронутой.

— Так, а это что за номер? — уперла руки в боки баба Дуня. — А ну ешь давай!

Глава 38

Она пододвинула миску, хмуро глядя на сундук. Миска отодвинулась обратно.

— Да итить твою мать! Я тебя еще че? Уговаривать должна! — в сердцах заметила баба Дуня.

Она снова задвинула миску.

— Ешь, сил набирайся, хозяин — батюшка, а то сила нечистая тут у тебя проходной двор устроила! — ворчала она.

Только она отошла, как миска отодвинулась обратно.

— Да что ты будешь делать! — возмутилась она, снова шкандыбая в сторону сундука. — Ешь хозяин, ешь батюшка, дом защищай!

Послышалась сытая отрыжка и вялое чавканье.

— Вот! То-то же! — нахохлилась баба Дуня. Миска отодвинулась обратно, а она снова задвинула ее.

Я слышала стоны страданий за сундуком. Мне даже стало жаль домового. Но, надеюсь, он хоть поест.

— Все углы метите! — командовала баба Дуня, а потом достала моток тонкой пряжи. — А это тебе, девонька. Если явится, ты ненароком обними на прощанье да ниточку привяжи к нему, а как пойдет, так ниточку распускай. А сама за ним иди, только на глаза не попадайся, а то... загубит!

— В смысле? — спросила я, пытаюсь представить, что из этого получится.

— Было такое, что девку загубил одну. К ней тоже покойник ходил. Мне ее сестра рассказала. На вечорках парень приглянулся. Раз встретились, два встретились. Крепко он ей в сердечко запал. Но вот что странно. Сам про себя ничего не говорит, а кто он никто не знает. Вот матушка и посоветовала ей, чтобы она ниточку привязала, когда прощаться будут. Девонька нитку привязала, а нитка ее на кладбище повела и в могилу выросла. Стала она нитку дергать, а он ее оборвал. А сам ее к себе в могилу затащил...

Приличные мужчины в постель тащат, а этот в могилу!

Меня так и подмывало спросить, а есть у нее хоть одна история с хорошим концом?

— Так что не попадайся! — вздохнула баба Дуня. — Страшно, голубушка, понимаю... А иначе как мы его изведем?

Мне было зябко и неприятно это слышать. В мою руку лег моток пряжи. Вот тебе и жэпиэс навигатор. У меня жэпиэс сжимается при мысли о том, как я все это проверну.

Миска опять отодвинулась, а баба Дуня резко повернула голову.

— Это че такое было? К худу или к добру? — спросила баба Дуня.

— К не могу-у-у! — завыло что-то за сундуком. Ну еще бы после того, как он целый чан сожрал.

— Ну, будем надеяться, что одолеет он силу нечистую. Или хотя бы на порог не пустит! — проворчала баба Дуня.

Мы с ней обошли наши хоромы, видя, что уборка явно пошла на пользу. Кажется, словно посветлело.

— А теперича спать ложись, — вздохнула баба Дуня. Она посмотрела на меня так ласково, а потом шмыгнула носом. Ее сухая рука прошла по моим волосам. — Обещала я матушке твоей и тятеньке, что беречь тебя буду... Как родную кровиночку... А у меня окромя тебя никого нет... Ты мне, как внучка...

— А почему нет? — спросила я, удивляясь, столько общаемся, а я ни разу не спросила ее об этом.

— Ну, ты уже спрашивала однажды. Небось, забыла уже... — с укором заметила баба Дуня.

— У меня как князюшка помер, — начала я, вздохнув. — С памятью что-то дурное стало...

О, как я сказала кучеряво!

— Ну да, с горя память может отшибить, знаю я такое... — усмехнулась баба Дуня. — Замуж меня раненько выдали. Да не по любви. Старше меня намного был. Я уговорила с парнем одним молодым, который дюже по сердцу был, чтобы мы сбежали. Договорились в поле встретиться. Пришла, стою и жду, а его нет... Как вдруг зовет меня. Я думала, что спрятался, дурак, напугать решил... А там сидит в поле что-то страшное, серое и глаза кошачьи. Смотрит на меня и голосом моего любимого зовет меня. Я перепугалась, бросилась бежать... Добежала до деревни, домой вернулась, а так никто и не узнал, что я сбежать хотела.

— Это что это было? — прошептала я.

— А! Это ырка! Покойник, самогубец. Срок свой нечистой силой доживает. Людей заманивает, на разные голоса зовет. А сам на спину прыгает и в колосья утаскивает, — махнула рукой бабка.

Прошло несколько секунд, пока я смогла сглотнуть.

— А наутро новость, что моего любимого в поле растерзанным нашли. Мой дед весной помер, я одна осталась. Вот и пошла в княжеский терем на работу. Сначала сенной девкой бегала, а потом матушке твоей приглянулась. И стала я дитятко нянчить. Тебя, моя хорошая. Ну, все, а теперь спать ложись. Авось не придет. Домовой-то, поди, силушки набралси!

Глава 39

Только я улеглась, баба Дуня проворчала.

— Если вдруг домовой оплошает... — вдруг произнесла она.

В знак возмущения сундук сдвинулся на целую ладонь и грякнул.

— Если вдруг домовой оплошает, — слышался шепот, а баба Дуня подошла поближе, чтобы не нервировать нашего защитника. — Ты сама проверь...

— Как? — выдохнула я. Если честно, этот вопрос меня волновал больше всего. А вдруг под личиной мужа нечисть ко мне какая-то ходит?

— Говорили мне, что у них спины нет, — прошептала баба Дуня.

— В смысле? — удивилась я.

— В коромысле! — проворчала бабка. — У него как бы вместо спины... ну, увидишь! А коли увидишь, так не забудешь!

— Понятно, — сглотнула я, укладываясь спать.

Я не могла сомкнуть глаз. Впервые мне было страшно, что Лесьяр не придет. А если не придет? То как я буду жить? Я думала о том, что изменится в моей жизни после того, как все закончится?

Будет терем, выдадут меня замуж, если не отравят... И потекут унылые, похожие друг на друга дни, пока волосы не поседеют. Горница — светелка, окошечко, зал. Это в шахматах королевы ходят, куда хотят. А на самом деле ходить можно на три клетки. И то, клетки!

Жизнь княгини — это клетка. И при этом многие завидуют ей.

Я перевернулась, снова погружаясь не в сон, а в омут тревожных мыслей. Где же я так намечтать умудрилась? В какой момент усталости, я подумала, а хорошо бы вот так вот жить себе, не думать ни о еде, ни о деньгах, чтобы кормили вкусно, поили и одевали красиво?

Сейчас я рада была бы выйти на работу! Честно! Впервые в жизни я бы летела туда с горящими глазами, мол, что угодно, только не «взаперти».

Время шло, а князя все не было. Или это мне казалось, что времени прошло ого-го, а на самом деле час?

И тут в голову постучалась совсем иная мысль. А если это — не Лесьяр? Если это правда сила нечистая, которая им прикидывается? Что тогда? Князя настоящего я не знала. И, получается, влюбилась в нечисть? Так, что ли?

Мне хотелось спросить у бабы Дуни по этому поводу, но я передумала ее будить.

Ожидание стало тянуться невообразимо долго. Мне казалось, что оно бесконечно, что я родилась с этим ожиданием и живу в нем уже лет сорок!

— Ладно, спи, — прошептала я себе.

— Какое спи? — слышался тихий шепот из-за сундука. — Бдить надо!

В другой раз я бы испугалась, но сейчас восприняла это как-то равнодушно. «Бдун» шуршал, потом вылез, расхаживая по деревянным полам. От этого скрипа и топота мне стало вовсе не до сна.

— Пока все спокойно! — слышался голос домового. Я посмотрела на комнату. В лунном свете виднелся силуэт, похожий на пушистого кота, только ходил он на задних лапах.

«На границе тучи ходят хмуро!», — пропело что-то в голове бравым маршем. А шуму! Шуму от него! То там скрипнет, то здесь грюкнет.

— Ты бы хоть спросила ради приличия, к худу или к добру? — заметил домовый.

— К худу или к добру? — проворчала я в подушку.

— К худу! — заметил домовый.

— И смысл тогда спрашивать? — зевнула я, понимая, что с того момента, как попала сюда к добру еще ничего не видела.

— Как смысл? Положено! — обиженным голосом чиновника произнес домовый, сочно «окнув».

— И к какому худу? — спросила я, внутренне холодея. Я представила всевозможные «худа», от чего стало неудобно и тревожно. Неужели к худу?

— Я колечко нашел! Закатилось. Искать будешь — слезы прольешь! — заметил домовый.

— Тю, — отлегло у меня от души. — Это — не худо!

— Но и не добро! — слышался голос.

Я снова попыталась уснуть, слыша топот маленьких ножек. «Дожили! Я с домовым разговариваю!», — пронеслась в голове вялая мысль. «Вау!», — мрачно отозвалась я.

Вроде бы уснула. Пригrelась, нашла удобную позу и уснула. Мне очень хотелось провалиться в сон, чтобы не думать о том, придет мой князь или нет. Хотелось просто забыться и потом еще раз забыться!

— Тудум! Бдзем! — послышался грохот, вытащившись меня из тревожного сна.

— Ну что там такое? — простонала я.

— Я как учил спрашивать? — снова обиделся домовый.

— К худу или к добру? — спросила я.

— К худу! — ответил домовый.

— Что на этот раз? — вяло поинтересовалась я, помня про колечко. Чхать я хотела на это кольцо с высокой колокольни!

— Уронил шкатулку. Все рассыпалось. Половины не найдешь! — ворчал домовый.

— Слушай, давай ты будешь предупреждать, когда что-то существенное будет, а? — спросила я, слыша топот.

В ответ послышалось обиженное старческое причмокивание.

Я вроде бы даже уснула, пытаюсь понять, с какого перепугу мне снится птица, которая отчаянно стучится в окно. Сон был серым и неприятным, наполненный каким-то суеверным страхом и предчувствием. Словно где-то на подсознании отпечаталось, что это — плохо. Дурной знак.

Я проснулась от того, что скрипнула половица.

— К худу или к добру? — очень неприятным голосом поинтересовалась я.

— Не ведаю, — послышался знакомый голос, а я тут же села на кровати, чувствуя, как от радости заходится мое сердце. В лунном свете стоял мой муж. Я вскочила и бросилась к нему, обнимая.

— Думала, что ты не придешь, — прошептала я, заглядывая ему в светящиеся глаза. «Ты же себя губишь!», — билось что-то внутри. — «Гони его прочь!».

Но руки вместо этого крепче обняли его.

— Разве я мог не прийти, — послышался тихий голос.

И тут я вспомнила про нечистую силу и домового.

— Эй, домовой, — спросила я, слыша, как что-то зашуршало за сундуком. — Ты где?

— Я ему сказал, чтобы «пшел вон!», — послышался голосок. — Могу повторить! Пшел вон!

Все эти дежурства, весь этот топот вдруг показался такой мелочью.

— Скажи мне честно, — прошептала я. — Ты точно мой муж?

— А кто я, по-твоему? — спросил Лесьяр.

И тут мне стало как-то неловко развивать тему. Надо как-то посмотреть его спину, но что делать, если она одеждой прикрыта? И длинными золотыми волосами.

«Беда-а-а!», — вздохнуло что-то внутри.

«Женская хитрость! Ау!», — позвала я, понимая, что мне сейчас она очень нужна! Вот прямо, как никогда!

Глава 40

Женская хитрость зевнула: «Чаво тебе?», а потом лениво посмотрела на князя. «А, спину посмотреть? Так скажи ему, что хочет увидеть его спину!», — отмахнулась она, как обычно, и снова уснула.

Но ведь нельзя напрямую спросить. А вдруг, если это — нечистая сила, то он поймет, что я догадалась и... растерзает меня?

Мысли были разные. Одна лучше другой. «Скажи, что прыщи давить любишь!», — заметила женская хитрость, приоткрыв один глаз. «Мне кажется, после такого любой мужик превратится в нечистую силу!», — огрызнулась я.

Пока что я не нашла ничего лучше, кроме как броситься к нему и начать обнимать. Мои руки шарили по его спине, в надежде, что я нащупаю что-то подозрительное. Но сквозь плотную ткань я мало что могла нащупать. Спина, как спина.

— На всякий случай: «Пшел вон!», — послышалось писклявое из-за сундука.

Можно в карты на раздевание. Но я сомневаюсь, что здесь вообще есть карты! Тем более то, как я играю, можно смело представлять меня голой.

Нет, конечно, у меня был в запасе один способ, как узнать, что там со спиной. Но способ был очень рискованный. Он мог закончиться даже беременностью. Но пока что я лучше ничего не придумала, медленно расстегивая защелки.

— Ты что делаешь? — послышался тихий шепот князя, а он поймал мои руки на верхней застёжке.

Вместо ответа я выразительно посмотрела ему в глаза.

— Можно я? — сладким голосом прошептала я, осторожно отводя его руки. — Я сама...

— Ну ладно, — усмехнулся князь.

Сейчас, чувствуя себя коварной соблазнительницей, я понимала, что иду по лезвию ножа. Но если правильно растянуть прелюдию, то петухи прокричат раньше, чем все случится. Так что будем тянуть время!

Я медленно расстегнула первую застёжку, поглаживая его грудь.

«Я знаю, кто ты!», — взбодрилась женская хитрость. — «Ты любовница — ленивец!».

Режим очень ме-е-едленной любовницы был включен, а я плавно кралась руками к третьей застёжке.

«Любовница — черепа-а-а-ашка!», — протянула я мысленно. — «Прошло трое суток, а она все раздевает! Такой долгой прелюдии ни у одного мужчины в жизни не было!».

«Правильно! Мы должны усыпить бдительность!», — соглашалась я со своими мыслями. И вот я уже тянула на себя четвертую застёжку, поигрывая ею.

«Бдительность и мужика!», — заметила женская хитрость, когда я расстегнула в режиме «ме-е-едленной» любовницы последнюю застёжку.

«Только бы у него там что-то было!», — пронеслось в голове, а я с радостью обнаружила рубаху с роскошной вышивкой.

«Ты там осторожней! Не каждый мужик такое выдержит!», — пронеслось у меня в голове.

Я испуганно посмотрела на князя, в надежде, что он «не каждый мужик». Красавец сохранял спокойствие. Но я чувствовала, чего ему это стоило.

Эх, была не была!

— А давай я тебе массаж сделаю? — спросила я елеинным голосом, понимая, что хорошая мысль приходит обычно с задержкой пару дней. Обычно она приходит, когда дела уже наворочены, все, что можно рублено с плеча, срочно нужен бульдозер, чтобы загрести завал неприятностей. И тут она такая: «Драсте!».

— Что? — спросил Лесьяр.

Ну да, в такие моменты мужчины обычно внимательно слушают, что ты им собираешься сказать! Вот прямо ловят каждое слово!

— Массаж, — повторила я. На моей памяти еще ни один мужик от массажа не отказывался.

— А что это такое? — спросил князь, и тут я догадалась, что он слова такого не знает.

— Ну, спину помну, — муркнула я. — А то, небось, устал.

Несколько мгновений показались вечностью.

— Это приятно, — добавила я, на всякий случай. — Знаешь, как осанке помогает! А то ты что-то сутулишься!

— Горбатого могила исправит? — усмехнулся князь. — Хочешь сказать, что не исправила?

— Нет, нет, нет, — помотала головой я. — Я просто подумала, а вдруг у тебя спина болит... А помассировать некому?

— Ну, коли умеешь, — произнес князь, снимая одежду. Я затаив дыхание смотрела на его красивую фигуру. Внутри все изнывало от одной мысли: «Да как же так! Такое счастье упустила! Не оценила!».

Он тряхнул волосами, глядя на меня взглядом: «Чем бы дитя не тешилось!», а потом повернулся ко мне спиной.

— Фуф, — выдохнула я, глядя на красивую широкую спину и разлет плечей. Ну и мужик! Мне кажется, он коня поднимет! Причем, одной рукой.

Я усадила его на кровать, а сама забралась на нее с ногами, пытаюсь размассировать каменные мышцы.

Через полчаса я поняла. Лучше бы я просто расслабилась и получала удовольствие, чем пыталась промять камень. Я не знаю, с чем это связано, с фактом того, что он — нежить, или с тем, что он просто раскачанный, но пальцы уже дружно выли, уверяя, что второй раз такой подвиг не повторят.

— Рельсы — рельсы — рельсы, — начала я бухтеть под нос, ерзя ребром руки по его спине.

— Что такое рельсы? — спросил князь, тряхнув головой.

Ой, надо как-то адаптировать это все под современные реалии.

— Овраги, овраги, буераки, буераки, — брякнула я первое, что пришло на ум. — Ехал поезд запоздалый...

Почему-то вопросов по поводу поезда я не слышала.

— Из открытого окошка вдруг посыпался горошек, — продолжила я, понимая, что в этой строчке нет ничего крамольного.

— Вышли куры поклевали, — бодро продолжила я. — Вышли гуси пощипали...

Дальше, к своему стыду, я забыла. Но помнила, что там нужно было топать кулаками.

— А потом пришел медведь и все затоптал!

Я выдохнула. Да! Тяжело дело продвигается.

— Ты что там? Порчу наводишь? — спросил Лесьяр.

— Какую порчу?! — удивилась я.

— Заговор про то, как свадебный поезд в медведей обратили? — спросил князь.

— Свадебный поезд? — спросила я, представляя электричку, украшенную шарами и гирляндами из цветов.

— Это телеги, которые везут жениха и невесту, — заметил князь.

— Ах, прости, я просто на свадьбе ни разу не была, — скромно ответила я. — Кроме как на нашей...

— А потом куры, видимо померли, — заметил князь.

— Это еще почему? — удивилась я.

— Ну ведь стручок гороха — это подклад? Обычно в сундук с приданным подкладывают, чтобы молодые не жили вместе или померли, — заметил князь. — А люди горох курам да гусям кормили...

Ого! Ничего себе у меня массажик получился.

— А по поводу медведей? — поинтересовалась я.

— Так это колдун свадебный поезд остановил и в медведей обернул, — заметил князь. — Рассказывали мне такое. А потом сам на охоте был, своими глазами видел. Однажды медведицу пристрелили. Стали шкуру снимать, а под ней бусы девичьи да платье нарядное. Невестой на свадьбе была.

Мне кажется, что они с бабой Дуней два сапога — пара.

— И что? И убили? Правда? — спросила я, чувствуя, что от местных историй нервная система становится еще более нервной.

— Ну да. А жениха потом спустя два года охотники в одной деревне убили. Тоже стали шкуру снимать, а там рубаха мужская, нарядная, — заметил князь.

Я решила продолжить массаж, но только молча.

— Тебе нравится? — спросила я на всякий случай.

Вместо ответа он просто потянул мою руку себе через плечо и прикоснулся губами. От этого поцелуя — ответа у меня слезы на глаза навернулись.

«Как бы мы счастливы были бы...», — пронеслось в голове. — «А ведь правда, мы бы были очень счастливыми! За ним, как за каменной стеной. О таком, как он мечтать только можно. Жаль, что судьба его у меня отняла!».

От чувства обиды и несправедливости, я проглотила горький ком слез. Такое чувство, словно судьба поманила меня, показала и... и...

все!

Внезапно я услышала крик петуха.

Все, пора прощаться.

И тут мой взгляд упал на моток ниток.

— Я провожу, — улыбнулась я, помогая одеться, а сама осторожно притягивая к себе клубочек.

— Правильно! Пшел вон! -фыркнул домовый из-за сундука.

Я вышла на улицу, а потом прижалась к мужу, обнимая его. Пока я обнимала, моя рука привязывала нитку к его поясу сзади. Пришлось делать узелок, чтобы не развязалась.

Петух пропел еще раз, а Лесьяр стал уходить. Я осторожно ослабляла нить, радуясь, что она очень тонкая, и ее почти не видно. Нитка распутывалась, распутывалась, а я старалась сделать так, чтобы не натягивалась. Когда в руках остался крошечный клубочек размером с теннисный мячик, я спохватилась и пошла по нитке в утренний сумрак.

Глава 41

Нитка струилась между озябшими пальцами, а я чувствовала, как сердце внутри гулко бьется. Стараясь не издавать лишнего шума, я помнила, что нельзя показываться ему на глаза, поэтому с тревогой смотрела в утренний туман. Нитка остановилась, а я, чтобы убедиться в этом легонько потянула ее.

В руках был маленький клубочек.

Далеко ушел!

Я пробиралась вперед по размытой дороге, чувствуя, как не то холодный ветер, не то тревога заставляют мурашки бежать по коже.

Было еще темно. Примерно часа три утра, а я шла по незнакомой местности, чувствуя, как с каждым шагом приближаюсь к разгадке тайны.

В какую-то секунду я подумала о том, что он жив. А вдруг и правда, жив?

Ниточка свернула между берез, уводя меня по тропинке в какие-то глухие и нехоженные места. Здесь был густой ельник, а от этого казалось в два раза темнее. Запах сырости и грибов преследовал меня, а внутри сидела тревога.

Ниточка сматывалась обратно в клубочек, а я старалась не тянуть ее, тревожно оборачиваясь на шорохи.

Как только я вступила в ельник, шорохи преследовали меня, вызывая волну страха. Кто там? А вдруг еще какая сила нечистая?

— Ты хоть дорогу запоминаешь? — спросила я у себя.

Ну да, запоминаю! Елка, елка, две тонкие березки!

Ниточка тянулась, как вдруг я увидела поляну, на которой стояли три огромные ели. Даже сейчас, когда на небе виднелась полоска рассвета, ели казались черными.

Тоненькая тропочка вела к этим елям, а я опасливо осматривалась и вздрагивала.

Ветер бушевал над бором, качая верхушки деревьев. Под ногами хрустели шишки, а я почти пришла.

Ниточка тянулась между двумя елками, а я осторожно миновала разлапистые нижние ветки, буквально протиснулась в темень и мрак.

Ниточка спускалась ниже и... уходила под землю.

Измученно я смотрела на нить, не понимая, что делать дальше! Ну вот, нить упирается в землю, словно врастает.

— И вот что это значит? — прошептала я, легонько потянув ее. Нитку дернули с другой стороны так, что она порезала мне руку.

— А! — отпрянула я, пятясь, как вдруг словно туман поглотил меня, на мгновение ослепив, а передо мной появился Лесьяр. Вид у него был странный.

Вместо холма появилась яма, а я поняла, что за нитку тянуть не стоило.

— Вот ты и пришла, — слышался голос мужа. Он был каким-то глухим и странным. Словно лишенный всяких чувств.

— Я... я... — начала я, чувствуя, как сердце дернулось от паники.

— Гляди, какой дом у нас красивый, — все тем же бесцветным голосом произнес Лесьяр, показывая на могилу. — Будем в нем жить вместе...

Я посмотрела в черную бездну, чувствуя, как у меня волосы дыбом встали.

— Пойдем, — слышался голос князя.

— Эм... — замерла я на краю могилы. — Я не... Ну, тут еще ремонт делать надо! Знаешь ли, грязновато тут... Да! Давай мы пока ремонт сделаем? Чтобы все красиво было?

Мне казалось, что это — страшный сон.

— Пойдем, — слышался все тот же бесцветный голос.

Перед глазами зияла темнота. Я отклонилась назад, решив не смотреть туда. Говорят, если долго смотреть в бездну, тебе вызовут скорую. Вот сейчас я бы от скорой не отказалась бы! Помогите! Хоть кто-нибудь...

— Кидай... — внезапно слышался голос Лесьяра, а он, словно пересиливал себя.

— Что кидать? — прошептала я, видя, как он пытается мне что-то сказать.

— По од... — процедил он, а на его лице отобразилась мука.

— По од... что? — прошептала я испуганным голосом.

— ... ной, — произнес он, а потом его лицо стало спокойным, равнодушным и холодным.

По одной? Что по одной? Что я должна кидать туда?

Внезапно меня схватила холодная твердая рука, с желанием увлечь в темноту.

Я растерялась, а потом дрожащей рукой сорвала с груди бусы. Как хорошо, что я сегодня легла спать, не раздеваясь!

Разорвав бусы, я опомнилась, видя, как несколько бусинок упали в темноту. Рука отпустила меня, а я отшатнулась на несколько шагов.

— Скоро ли ты? — спросил равнодушным голосом Лесьяр. Взгляд у него был стеклянный.

— Эм... Да вот... Потихоньку... переезжаю... Вещи перевожу, — брякнула я. — Считай, что это был... эм... диван!

Рука снова потянулась ко мне, а я испуганно бросила еще одну бусинку. Рука князя тут же опустилась.

Так, пока что из всего, что я поняла, нужно кидать в могилу что-то свое... И тогда он не трогает. Не могу понять, что с ним такое? Он же сквозь меня смотрит! Но при этом предупредил. Кидать по одной.

— Долго еще? — спросил князь, а я бросила еще одну бусинку.

— Да вот, пока шкаф — купе разбираю, — произнесла я, поглядывая на князя. Он бы спросил, что это такое, а тут молчит! Что-то с ним не то!

Я снова бросила бусинку.

— А это холодильник везут, — прокомментировала я, поглядывая на Лесьяра.

— Долго еще? — все тем же равнодушным голосом произнес Лесьяр.

— А ты что думал? Думал он легкий? — усмехнулась я, понимая, что своей болтовней пытаюсь успокоить свои нервы.

Я понимала, что бусы заканчиваются довольно быстро. Быстрее, чем я ожидала. А я не знала, доколе я должна тянуть время? Может, до рассвета? А когда сейчас светает?

— Долго еще? — затянул свою волюнку муж.

— Да вот, газовую плиту перетаскивают, — заметила я, бросая бусинку. — А что? Плита хорошая, зачем ее бросать? Там и духовка, и подсветка есть. Кажется, еще и гриль...

Когда я говорила, мне был как-то не так страшно. А то тишина вокруг пугала. Казалось, все было подернуто дымкой тумана.

Бусы кончились, а рассвет все не наступал... Я уже стала потрошить платье, но нитки были очень качественными, поэтому я

смогла сорвать далеко не все украшения.

Глава 42

— Долго еще, любимая? — слышался мертвый голос, а я панически потянула за вышивку, но та не поддалась. Слишком крепкими оказались нитки.

Может, раньше мне было бы и жаль распускать такую красоту, но сейчас, когда пальцы дрожали от напряжения, а внутри все вздрагивало от ужаса, я понимала, что ни одна вышивка не стоит моей жизни.

— Нет, еще чуть-чуть, — пролепетала я, с надеждой глядя на Лесьяра. — Это как в ремонте. Всегда еще чуть-чуть осталось!

Я еще раз рванула вышивку, чувствуя, как крепкие нитки врезаются в руку.

Меня схватила холодная рука, а я опомнилась и успела вынуть из уха сережку — подарок. Она упала в темноту.

Рука тут же вернулась обратно.

— Так, мелкие штрихи остались, — пробормотала я, стараясь сохранять присутствие духа. — Пройтись, посмотреть, ничего не забыла... А у тебя ничего так ремонтник. Дизайнерский... Андреграунд? Да? Я просто не знаю, есть ли такой?

Я сняла еще одну сережку и медленно бросила ее черную бездну.

Только я подумала, что бы еще оборвать, как вдруг прокричал петух. Причем так близко. И солнце золотом стало развеивать туман. Первые лучи солнца ослепили меня, показавшись среди веток. Я зажмурилась, а потом испуганно осмотрелась.

Я стояла посреди травы. Не было ни намека на могилу. Ничего не было. Только я и мой страх, который все еще трепал меня.

— Ой, мамочки, — прошептала я, чувствуя, как силы мне изменяют.

Солнечный свет разгонял мрак ночи и сумрак утра, а я шла по памяти, хотя, слабо помнила дорогу. Мне повезло. Княжеский терем был виден издалека. Его серые, отсыревшие башни торчали над деревьями, а я еле перебирала ногами.

Казалось, это какой-то страшный сон. Дурной, нехороший, после которых просыпаешься с тяжелой головой и испорченным

настроением.

В тереме было пусто. Я вошла, чувствуя, как ноги подкашиваются, а силы мне изменяют.

— Баба Дуня, — позвала я, ввалившись в комнату. Так я и ссыпалась возле двери.

— Баба Дуня... — слабым голосом позвала я, все еще находясь в плену страха. Он не выходил из меня, словно холод после долгого пребывания на морозе. А как начал выходить, так меня затрясло.

— Баба Дуня... — позвала я жалобно.

— Ась? — встрепенулась баба Дуня, проснувшись. — Ой, дитятко... Что с тобой?

Я чувствовала, что не могу сказать. У меня от страха даже язык отнялся.

— Ой, милая! — прошептала баба Дуня. — Сейчас водицы наговоренной дам. Сейчас отшепчу.

Она принялась гладить меня по лицу морщинистыми теплыми руками и что-то бормотать... Потом потребовала принести воды.

Вода стояла в миске, а баба Дуня склонилась к ней и что-то нашептывала: «Страх — рах, уходи, девицу Милану отпусти... Оковы разомкни, с тела ее белого сойди... Шепчу на водицу для девицы белолицей...»

Она шептала, а потом начала меня отмывать. Студеная вода стекала по моему лицу, а я чувствовала, как мне становится легче.

— Еще несите водицы! — крикнула баба Дуня. — А эту за ворота вылить!

Принесли еще воды. Баба Дуня зачерпнула и давай ее отшептывать. Потом дала выпить. Вода показалась какой-то горькой.

— Горько, — поморщилась я.

— Ну понятное дело, горько! Я что? Зря шептала? — спросила баба Дуня. — Меня этому еще мамка — покойница научила!

Я выпила всю воду, как вдруг почувствовала, что страх отступает.

— Ой, перепугала же ты меня, дитятко. Вся рваная, напуганная... — шептала баба Дуня. — Ну, хоть цела вернулась!

— Баб Дунь, я проследила за ним. Нитка под землю ушла. А он возле могилы явился... — прошептала я, вставая с ее помощью. Я присела на кровать, чувствуя, как не могу согреться. — И говорит, чтобы я в могилу ложилась!

— Ба! — перепугалась баба Дуня. — Ну, слыхала я про такое. Многие покойники живых в могилу тащат... Иначе они не могут. Рано или поздно к себе увести хотят...

— Я к-к-кидала по одной вещи... — прошептала я, вспоминая туман и черную бездну. — Туда, в могилу...

— Ой, дитяtko, — прошептала баба Дуня. — Догадалась, милая! Ой, слава богам!

— Не догадалась. Он подсказал, — прошептала я. — Себя пересилил!

— Да быть такого не может, — прошептала баба Дуня.

— Может, — кивнула я. — Голос его словно мертвый был. А потом что-то на мгновение изменилось в нем, и муж сказал мне: «Кидай по одной!». И даже запнулся.

Баба Дуня смотрела на меня ошарашенными глазами.

— Да никогда о таком не слышала... — прошептала она.

— Кидай по одной, — прошептала я, понимая, что он мне жизнь спас. Видимо, сила какая-то его заставляла меня к себе забрать, но Лесьяр ее на мгновение преодолел. При мысли о том, что он действительно любит меня, у меня на глаза навернулись слезы.

— Ну не плач, милая, — прошептала баба Дуня. — Ну не надо так реветь! Гляди, как ты смерть обманула... Тебе еще жить да жить!

Я сглотнула.

— А я не хочу жить без него, — прошептала я. — Понимаешь, не хочу!

— Да полно тебе. Встретится еще тебе любовь! В твои-то годы! У тебя вся жизнь впереди! — пыталась утешить баба Дуня.

— Жизнь впереди, да счастье позади, — прошептала я, прижавшись к ее груди.

— Ну не надо так говорить! Так говорить — богов гневить. Будет и тебе счастье! — кивнула баба Дуня.

— Не хочу другого. Его хочу, — прошептала я, понимая, что он мне дважды жизнь спас.

— А ты, окаанный, что за ней не уследил! — внезапно сорвалась баба Дуня. — Я тебя что? Зря кормила? Ты на порог его пускать не должен!

— А я что? А я возмущался! — послышался голос из-за сундука. — И даже ногой топнул! И побегал. К худу!

Баба Дуня плюнула и осунулась. Немного подумав она посмотрела мне в глаза и взяла мое лицо в руки.

— Говаривали мне про бабку одну, — внезапно произнесла баба Дуня полушепотом. — Страшная она. Много чего про нее сказывали, да если половина — правда, то уже боязно.

— Бабка? — спросила я.

— Да, живет она далековато. Но если сейчас выйдем, то к обеду дойдем. Меня к ней отправили, — прошептала баба Дуня. — Говорят, что захочет помочь — поможет. Не захочет — вон выставит. Но, говорят, что он много чего видит. И прошлое, и настоящее. Кто в избу к ней входит, тот даже рта открыть не успеет, как вдруг она ему все сама скажет. Древняя очень. Говорят наузы вяжет...

— Наузы? — спросила я, не понимая, что это.

— Узелки... Они —то ей все и рассказывают, — вздохнула баба Дуня. — Быть может, она оберег тебе сделает. Или еще как поможет. Говорят, ей покойники шепчут. Давай, отдохнешь немного, успокоишься, а потом решишь.

Баба Дуня умыла меня, раздела, в ушате выкупала с какими-то наговорами.

— Расти коса до пояса, — шептала она, перебирая мои волосы. — Не вырони ни волоса. С гуся вода, с лебедя вода, с нашей Миланы вся худоба!

Я видела, что вода подо мной имеет какой-то странный цвет.

— А что с водой? — прошептала я, чувствуя себя намного легче. Не могла я так испачкаться! Это надо на стройке бетономешалкой работать, чтобы так себя угваздать!

— Так это вся худо твоя сошла, — вздохнула баба Дуня. — А теперь спать ложись.

Я улеглась спать, чувствуя, как мне действительно стало легче. Страх забрался в какие-то закрома души и почти не тревожил. Яркое солнце светило в окно, а я чувствовала, как усталость, словно кошка крадется по моей груди.

Я лежала, как вдруг сквозь сон услышала голос. Он был далеким и ужасно неприятным. Скрипучий, словно ножом по стеклу. Голос явно принадлежал какой-то старухе.

— Иди ко мне, не бойсь! — услышала я. — Зла не причиню.

— Вы кто? — прошептала я, пугаясь во сне.

Глава 43

— Та, к кому просто так не ходят, — слышался старческий смешок. — Иди, а я вас встречу.

Сон как рукой сняло. Я осмотрелась, чувствуя, как меня слегка потряхивает.

— Баба Дуня, — бросилась я к бабе Дуне, которая вскочила с места. — Мне бабка какая — то приснилась... Она сказала, чтобы я шла к ней и не боялась... Что зла не причинит! А еще сказала, что сама нас встретит...

Баба Дуня посмотрела на меня, а потом вздохнула.

— Позвала она тебя, значит, — слышался голос бабы Дуни. — Ну раз так, то идти придется. Раз зовут.

Это что за очередь по магическим талонам с сообщениями в оффлайне? Это как вообще такое возможно? Чтобы какая-то ведьма со мной через сон связалась? Тут всегда так? Или просто я не знаю?

Баба Дуня принесла сарафан простецкий и накидку. Она заплела мне косы и сама поскромнее оделась.

— Это чтобы она плату поменьше с нас взяла? — удивилась я, понимая, что мы сейчас напоминаем двух бомжих.

— Нет, это чтобы люди лихие глянули на нас да поняли, что брать с нас нечаво. Как князь помер, так дороги опасными стали! Вон сколько всяких повылазило! — проворчала баба Дуня. — Так что идти будет потихоньку да помаленьку. И с оглядкой.

Я не спорила. Интересно, далеко ли вообще идти? Я тут на местности вообще не ориентируюсь. Я вообще — личность с нетрадиционной ориентацией на местности. У меня вообще какие-то свои признаки, куда идти. Зачастую неверные.

И мы вышли из терема.

— Если че — ты моя племянница. Глухонемая, — пояснила баба Дуня. — Коли че сразу соплю пускай и глаза коси, дескать, совсем дура — дуреха! Знаешь, как мужиков отваживает!

Я надеюсь, что это «если че» не пригодится! Бабе Дуне показалось мало, как вдруг мне в лицо прилетела грязь.

— Да стой ты, — ворчала баба Дуня, пока я пыталась сопротивляться. — Кто ж виноват, что ты у меня красавица — раскрасавица! А теперича пущай красоту твою увидят под грязюкой.

Я морщилась, чувствуя, что у меня на лице грязевая маска.

Мы пошли медленно, спускаясь по тропке в деревню. Хотя и время было довольно дневное, никого на улице не было. словно все жители куда-то подевались.

— Это че это? — спросила баба Дуня, глядя на пустую улицу. Где-то мычала корова, лаяла охрипшая собака. — Свадьба что ли? Али похороны?

И тут я увидела, как откуда-то с пригорка люди спускаются. Идут компаниями, кто-то по-одиночке.

— А че такое стряслось, люди добрые? — спросила Баба Дуня.

— Да вот, Добрану проводили, — послышался голос мужика, которые первый с нами поравнялся.

Куда проводили? Из деревни?

— Отмучилась бедная, — заметила баба, которая шла следом. — Задушил ее ночью-то муженек ее покойный.

Что? Задушил?

— Ну енто еще хорошо, — согласилась еще одна бабка. — Она ж-то на сносях была. А там неизвестно что родилось-то... А так зашли, а она возле печки лежит. На шее прямо след синий. Удавил, гаденыш!

Собственно, нам сказали все, что хотели. Баба Дуня вздохнула и повела меня дальше. Они ничего не говорила, а я шла и несла мысль о том, что все-таки задушил.

Эта страшная мысль холодом пробиралась по коже, заставляя нервно вести плечами.

Дорога была монотонной и долгой, а мне казалось, что мы идем целую вечность. Поля сменялись какими-то окольными тропами, а баба Дуня осматривалась по сторонам.

— Если волков увидишь... — начала она, а я остолбенела от ужаса. А что? Я могу? — Беги да на дерево лезь... А коли медведя, то юбку задирай!

— Зачем задирать? — спросила я, понимая, что у меня там под платьем ничего нет. Сомневаюсь, что медведь поставит лайк увиденному и пойдет по своим медвежьим делам.

— Медведи баб не трогают! — проворчала баба Дуня. — Это я еще, как в деревне жила, прознала. Пошли мы как —то с девками в лес по грибы. А тут медведь на нас прет. Мы юбки позадирали, а одна в чашу кинулась. Там споткнулась и упала... Медведь к не подошел, обнюхал, да как лапой по заднице приложит. А потом ушел восвояси. Девку домой привели, а она идет, ноги заплетаются. Думали, совсем дурочкой стала. Но, вроде бы отпоили, отшептали. А у нее там след от лапы медвежьей остался. Бабка, что у нас на деревне за ведьму была, глянула и сказала, что это ее невестой назвал. Чтобы в лес не ходила боле. Год не ходила, два не ходила, а как нужда заставила, так пошла... Больше не вернулась. Забрал ее женишок ее...

Я чуть не споткнулась, понимая, что объяснять каждому медведю о том, что замужем, не хочу.

Дорога ублаживала, а мы спускались по тропке, потом шли среди березок, которые успели пожелтеть. Неужели осень уже? Так быстро?

— А куда путь держите? — спросил сиплый голос.

Я почувствовала, что что-то не так, когда кусты прошелестели позади. На нас высыпала ватага облезлых мужиков. Вид у них был самый бомжеватый. И, быть может, я бы и приняла их за безобидных бомжиков, если бы не ножи, которые они достали.

— Ой, не губите, — совсем противным голосом завывала баба Дуня. — Ой, да не губите молодцы! Нету у нас ничаво! Да отродясь и не было! Вон, к ведьме племянницу веду!

И тут я вспомнила, что нужно убогой казаться. Я скосила глаза, язык вывалила и стала ритмично головой подергивать.

— Может, че подделает с ней? Может, лучше станет? — спросила баба Дуня так, словно тут собрался медицинский консилиум. — А то совсем странная стала. Эй, вы к ней близко не подходите... А то еще бросится на вас! Она у нас всех кур пожрала! Как поймает, так давай их с перьями жрать! Вот и думаю, может поможет ведьма... Может, отшепчет. А она-то с детства не такой была. Ладненькой росла. Ее мамка чертыхнулась разок, а они ее и утащили. Насилу вызволили... И вот теперича всегда такая...

— Рррры... — порычала я, словно подтверждая слова.

Не знаю, верили или нет, но я решила изобразить буйную. Я пускала пену, рычала, кричала, пыталась броситься на них, а баба Дуня меня за рукав ухватила.

— Вот, напугали дурочку, теперича как успокоить? — спросила она. — Она ведь еще и глухая!

Разбойники понимали, что ловит тут нечего. Кроме неприятностей. И махнули на нас рукой. Баба Дуня потащила меня дальше, как на буксире, а я еще обернулась и зубы оскалила, пару раз рыкнул.

— Молодца, — выдохнула баба Дуня. — Обошлось.

Я тоже понимала, что я молодец. Еще бы, так рычать, как два барбоссона.

— Ну, тут я дальше не сильно знаю, где и что... — созналась Баба Дуня. — Пока с тропы не сходим... А там, авось, сама выведет.

Мы шли по лесу, как вдруг послышался страшный хохот в чаще. От этого хохота я вздрогнула, перепугавшись не на шутку.

— Че боишься? То Леший, — заметила баба Дуня. — Я ему дарочку оставила, так что не тронет нас.

Я поняла. Тут везде взятки.

Леший немного попугал, хохоча из темноты леса, а потом хохот стих.

Баба Дуня вела себя так, словно каждый день ей Леший под окном хохочет. Мне же с каждым шагом было не по себе.

— Сюда, — послышался знакомый голос, а баба Дуня остановилась. Возле дороги сидела старуха. Завидев нас, она подняла голову и махнула рукой, заманивая в чащу.

Со старухи свисали нитки. Нитки были в ее растрепанных волосах. Они связывались в причудливое плетение, а я опасливо рассматривала ее, стараясь не паниковать раньше времени.

Показалась избушка, а вокруг нее поросшие деревьями и травой остовы других. На деревьях свисали нити, словно гирлянды, а старуха поманила нас в дверь. Мне пришлось нагнуться, чтобы пройти.

— Ну, что княгиня, пожаловала? — заметила бабка скрипучим голосом. — Муженек ходит? Ну не мудрено. Ты же его к себе приворожила.

Глава 44

— Да быть такого не может! — воскликнула баба Дуня.

— Сейчас гляну и все расскажу, — произнесла ведьма, а я увидела старую прялку, которая стояла посреди избы. Все нити собирались к ней и цеплялись за нее.

— Да врет все, небось, — слышался тихий голос бабы Дуни.

Я сама была в шоке от услышанного. Но ни согласиться, ни возразить не могла. Я не знала, могла ли настоящая Милана так поступить.

В этой маленькой сырой избе, где нет ничего ровного, везде валялись нитки. На балках висели нити, словно паутина. Некоторые из них сплелись в какую-то фенечку, которая раскачивалась от сквозняка.

Ведьма была небольшого роста. Было в ней что-то странное. Нечистое. Словно, и не человек она до конца. Казалось, руки должны быть короче, тело какое-то... эм... больше пропорциональное. Седые волосы были распущены и казались такими длинными, что по полу волочатся.

Ведьма что-то пошептала на прялку, а потом села за нее.

— Иди сюда, девка, — позвала она. — Нитку кровью твоей помазать надо, чтобы она все о тебе рассказала!

Честно? Мне было страшно.

— Ну, иди... — подтолкнула баба Дуня, а набралась мужества и протянула руку. Ведьма ножом полоснула по ней, заставив меня трусливо отвернуться и поморщиться.

— Ну все, все, — с укором проскрипела она. — А то помирать собралась! Гляди на нее! А теперь нитку держи. Я тянуть буду. Она вложила мне нить в кулак, а я сжала его. Белая нить стала окрашиваться в цвета крови, проходя через мою руку.

— Ведьма — то по узелковой магии работает! Наузница! — прошептала баба Дуня, чтобы меня отвлечь.

— А что такое наузы? — спросила я.

— Наузы, девонька, — слышался голос бабы Дуни. — Это — особые узлы. Кому на деньгу, кому на удачу, кому на любовь, а кому на погибель.

Прялка заработала, а за окном пронзительно закричали вороны, напугав меня.

— Цыц! — послышался грозный голос хозяйки. Я своими глазами увидела, как несколько воронов, упало замертво на землю. Остальные взлетели и стали каркать в вышине.

— Батюшки, — прошептала баба Дуня, увидев в оконце смерть птиц. Она прижала руки ко рту. Она с ужасом посмотрела на ведьму, словно о чем-то догадалась. И тут же присмирела.

Мне стало страшно, но прялка сама по себе вертелась, собирая белую шерсть в нить. Эта нить проходила через мою руку, окрашиваясь кровью, а ведьма принимала ее с закрытыми глазами.

Пока что ведьма молчала, а мне от ее молчания становилось тревожно. Словно сердце поджималось к горлу. Баба Дуня, которая до этого готова была скандалить, вдруг присмирела и забилась в угол, присев на лавку. С чего это такие перемены? Кто эта ведьма? Я чувствовала, как в горле пульсирует сердце.

— Тянись нить жизни, — прошептала ведьма, а ее глаза все еще были закрыты.

Внезапно на нити появился узелок. Старые руки поймали его и пока что все остановилось.

— В немилость твой отец впал. За то, что молчать не мог. Правду во всем искал... — произнесла ведьма. — Крепко они на пиру с князем поспорили. Князь сильно осерчал на слова твоего отца про то, что с соседями миром все решить можно было. А не посылать войско.

«Они бы со дня на день ударили!», — закричала старуха мужским голосом, похожим на голос мужа. — «Так что лучше? Ударить, когда мы готовы, или когда готовы они?»

На мгновение я отчетливо увидела картину, как посреди пира князь встает с места, ударяет кулаком по столу да так, что стол подпрыгивает.

«Ждать и медлить, пока они под моим теремом соберутся, не стану!», — услышала я голос Лесьяра.

«Так ведь через мои земли война пойдет!», — послышался голос отца. — «А там дочь моя! Коли ты дружину мою призовешь, кто будет земли мои защищать!».

«А что думаешь, не поспею?», — спросил Лесьяр, успокаиваясь. Но в его глазах сверкнуло сталью недовольство.

«Не отдам дружину! На разорение земли свои не отдам! Дочь свою на поругание не оставлю!», — слышался голос отца.

Он попытался встать, как вдруг набежали местные опричники и скрутили его. Дорогая шапка упала среди блюд. Те, кто сидели справа и слева, отстранились, глядя с ужасом на скрученного отца Миланы.

Потом нитка снова была ровной, а я ждала и удивлялась. Эти видения пугали даже меня.

Внезапно я ладонью почувствовала узелок. Рука ведьмы поймала его и удержала.

Я дернулась, видя полную луну и лес вокруг. Я видела свои руки, которые перебирают травы. И слышала свой голос, полный ненависти.

— Тащите, тяните, князя Лесьяра ко мне привяжите. Чтоб ни жизнь, ни смерть нас не отвязала... Крепко словом судьбу связала... — слышала я свой охрипший голос. Я словно выплевывала каждое слово.

Я дернулась, словно кто-то меня толкнул.

— Слово мое — замок. Не разрубить, не перебить... — шептала я с яростью. Меня снова что-то толкнуло, а вокруг меня струились тени. Мне было не страшно. Внутри меня клекотала ярость, ненависть к князю и желание его наказать!

— Что долго без меня не прожил... — слышала я обрывки слов, уносимых ветром. Ветер поднимал мои волосы, застилая ими все обозрение. Густой сырой ельник шумел и бесновался.

Меня словно распирало. Я что-то сдерживала внутри, а это что-то вытекало из меня с каждым словом.

«Беда будет!», — подумала я, как вдруг небо рассекла молния, и слышался удар грома.

Я очнулась, видя, как вокруг меня хлопочет баба Дуня.

— Ты где была, дитяtko мое? — спрашивала она. — Я так испугалась.

— К матери на могилу ходила, — прошептала я. — Совета просила. А как там батюшка?

— Плох совсем, — ответила баба Дуня. — Не то на пиру отравили. Не то княжеская темница его подкосила. Осерчал на нас князь Лесьяр. Как бы беды не было!

Казалось в незнакомом тереме тишина стоит. Словно все чего-то ждут.

Видение прервалось, а нитка заструилась дальше. Я сглотнула.

В мою руку входила белая нить, а выходила красная.

И тут я снова почувствовала узелок.

Я увидела Лесьяра, который вошел в терем. Брови его были нахмурены.

— Где этот трус? — слышался его недовольный голос. — Пусть дружину собирает!

— Помер, — прошептала баба Дуня. — Уже и схоронили...

И тут я сделала шаг вперед, как вдруг выражение лица Лесьяра поменялось. Он смотрел на меня, а я чувствовала, как закипает внутри ненависть, но на губах появилась улыбка.

— Дам я тебе дружину, князюшка, — прошептала я, видя, как князь смотрит на меня, словно забыв обо всем на свете. — А ты кушаний отведай, да отдохни с дороги.

Мой голос был кротким и покорным.

Видение исчезло.

Я чувствовала, как нить скользит дальше, оказываясь в руках ведьмы. Вороны кричали в вышине, а я ждала еще один узел. И вот он прошел сквозь мою руку.

— Был у меня отец, да не стало его. Погубил его князь... И я князя погублю.... Теперича себя погубить — князя убить, — шептала я беззвучно, когда меня наряжали молчаливые девушки.

Я слышала свои мысли: «Долго князюшка не проживет, коли себя погублю!». Я помню, как девки оставили меня, а я что-то выпила. Горький вкус чуть не заставил меня вернуть все обратно в кубок. Но я пересилила себя и допила до дна.

— Готова ли невеста? — слышался голос за резной дверью.

— Готова, — произнесла я, вставая и идя к двери. В голове все плыло, мутнело, но я старалась держаться ровно. Я помню, как меня вели по дороге, а перед нами расступался туман. Страшный лес, словно приоткрывал свою завесу,

А потом я почувствовала, что каждый шаг причиняет мне боль. Все вокруг плыло. Последней моей мыслью было: «И тебе, княже, долго по свету не ходить, землю не топтать! Следом за мной уйдешь!». И я провалилась в темноту.

Я вздрогнула и чуть не подпрыгнула. Сердце до сих пор бешено колотилось.

— Ну че? — спросила ведьма, сматывая кровавую нитку в клубок.
— Видала, че натворила?

И тут я услышала голос внутри себя. Он словно раздавался в наушниках.

— Вот поэтому ты и здесь, девка. Не по судьбе у князя смерть была. Долгий срок жизни ему намерен был. Вот срок свой дохаживает. А приворот его к тебе тащит... Но на тебе, девка, вины нет. Это я тебя притащила сюда...

— Кто вы? — мысленно спросила я.

— Эх, забыли вы нас... Зови меня Мора — Марьяна, — усмехнулся голос в голове.

Мне это имя ничего не говорило, но я чувствовала, что это — не просто ведьма.

— Получается, князь помер во время брачной ночи потому, что Милана умерла? — спросила я.

— Все так и есть, — послышался голос внутри. — А я ей ведь помешать пыталась. Да не смогла. Сила огромная у Миланы от бабки передалась. Но я силу забрала. А теперь, раз так вышло, дам я тебе травы. На могиле у князя высыплешь. Больше тревожить не станет... А ты великой княгиней станешь. Сделаешь то, что Лесьяр сделать не успел.

Получается, что вся любовь князя — это всего лишь приворот?

Глава 45

— А вот тут бабка-то надвое сказала, — заметила Мора — Марьяна, но уже вслух.

— А если я не хочу быть великой княгиней! — возмущено произнесла я.

— А что делать? — заметила все так же в голове Мора — Марьяна. — Должен же кто-то вместо князя границы отбивать да земли в кучу собирать. Тебе придется.

— Мне кажется, что я на такое не способна! — произнесла я. — Я только ритм умеют отбивать, да глаза в кучу собирать. Ну, и вещи по дому...

— Ты многое о себе не знаешь, — усмехнулась Мора — Марьяна.

Я у себя никогда не находила политических наклонностей. И кровожадных тоже. И находить не собиралась.

— А как же князь? — спросила я, а сердце защемила глухая тоска. Я произнесла это вслух, стараясь не отвлекаться на истощное карканье ворон.

— А что князь? Помер он, — усмехнулась Мора — Марьяна. — Что тут поделаешь?

— Неужели никак нельзя его вернуть? — спросила я.

— Может, и можно, а, может, и нет, — загадочно ответила Мора — Марьяна. — Тебе —то он зачем? Привороженный он. Коли приворот снимешь, так знать он тебя не захочет. Приворот, милка моя, это тебе не потеха для девиц. Он ведь мне все судьбы портит. Гляди...

Она встала с прялки, а сама к стене подошла. Там ниток было немеряно.

— Вон красная, — заметила она. — Судьба счастливая. А вот черная — несчастная... Ниточки крутятся, ниточки путаются... А вот это приворот, гляди...

Я увидела несколько ниток. Одна нитка к другой тянулась, словно живая.

— Кто-то свою судьбу с чужой связать хочет, — заметила Мора — Марьяна. — Наговоры шепчет...

Нитка пыталась зацепить соседнюю, как вдруг ей это удалось, и нитки сплетаться вместе начали, уходя куда-то в сторону.

— А по судьбе у него вон та девица была, — заметила Мора — Марьяна. И на нитку дальнюю указала.

Нитки плелись, словно змеи. Одна пыталась выбраться, но вторая ей не давала.

— Дай сюда руку, — потребовала Мора — Марьяна. — Да не бойсь. Положи...

Я положила руку на нитку, слыша грубый мужской пьяный голос: «Видеть тебя не могу! Поэтому и напиваюсь! И уйти от тебя не могу, окайнная!», а следом женский, такой испуганный, такой писклявый: «Ой, что ж ты, милый творишь! За что ты меня так!». Судя по звуку, прилетело девушке, будь здоров.

— Ничего, недолго ей мучится осталось, — усмехнулась Мора-Марьяна. И повела рукой вниз. — Вот одна нитка оборвалась, а вот вторая...

Я смотрела на это, стиснув зубы.

— Приворот мучает привороженного, — слышался голос, а я стиснула зубы. — Душу ему на части рвет. Он — то понимает, что не хочет быть с той, которая приворожила. А его к ней тянет. И больно ему, и против воли своей он идет...

Я промолчала. Неужели князь так страдает?

— А где моя нитка? И князя? — спросила я.

— Его оборвалась. Твоя осталась, — заметила Мора-Марьяна.

— А это? — спросила я, глядя на две нитки, которые друг к другу тянутся, а никак не сойдутся. И тут одна нитка схватила вторую и потащила к себе, — спросила я.

— А! Догадалась, — заметила Мора-Марьяна. — Да, просто ускорили немного. Когда человек по судьбе, то и приворот по-другому работает. А тут по судьбе явно.

— А если князь мне по судьбе? — с надеждой спросила я, чувствуя, что от мыслей на сердце камнем тоска легла.

Я спросила вслух, но ответ мне пришел прямо в голову.

— Ну Милане-то он точно по судьбе не был, — заметила Мора-Марьяна. — А вот как тебе, тут же даже я сказать ничего не могу.

Она помолчала.

— Давай ты приворот снимешь, а там и посмотрим, — заметила Мора — Марьяна. — Вот тебе оберег. На могиле у него зароешь. Коли ночью явится, то значит по воле своей. Значит, судьба у тебя с ним связана. Тогда уж не знаю, что горше будет... А если нет, то что тут поделаешь... Зато больше тревожить не станет.

Я увидела, как она сухой рукой собирает какие-то ниточки и что-то плетет из них приговаривая.

Вороны каркали, а меня стал раздражать этот звук.

— Да потерпи ты! — проворчала Мора — Марьяна. — Почти закончила.

Она протянула мне небольшой узел — плетение, который я бережно взяла.

— А теперь идите! — заметила Мора — Марьяна. — И не оглядывайтесь. Коли что надо, зови. Скажу, что делать!

Я вышла, а баба Дуня чуть ли не выбежала из избы, хватая меня за руку.

Несколько минут мы молча шли по тропе. Я впервые видела бабу Дуню настолько напуганной.

— Что случилось? — прошептала я, видя, как побледнела Баба Дуня.

— Потом скажу! Уходить отсюда надо, да побыстрее! — произнесла баба Дуня, и, словно, на буксире, потащила меня по тропе.

Только мы вышли на дорогу, баба Дуня расслабилась и отпустила.

— И? Что это значит? — спросила я, глядя на мрачный лес.

— Ты хоть знаешь, к кому мы пришли? — спросила Баба Дуня.

— И к кому же? — удивилась я. — К старой ведьме...

— Она больше, чем ведьма... Она Мора! Смерть, тобишь! Она за и жизнь, и за смерть отвечает. Видала, как она ворон убила.

Я поежилась. Попала, так попала!

— И о чем вы с ней говорили? — спросила Баба Дуня. — А то она мне как скажет в голове: «Цыц!». Вот тут то на меня страх напал.

— Да так, — прошептала я, думая о том, по судьбе мне князь или нет.

Почему-то обратный путь был намного короче. Или мне так показалось, ведь большую часть него я проделала, погруженная в свои мысли.

— Где могила князюшки, а то вон княжий терем виднеется уже?
— спросила Баба Дуня.

Уже на закате солнца я нашла знакомое место, а потом повела Бабу Дуню туда. Островок из трех огромных елей вызвал у меня чувство страха.

— Здесь, — прошептала я, трогая руками травы.

— Ну, зарывай, — прошептала Баба Дуня, стоя рядом. Я подрыла рукам ямку и застыла над ней.

Если я сейчас зарю, то могу больше никогда не увидеть его... А если не зарю, то он мучится будет?

— Если что, прощай, Лесьяр, — прошептала я, медленно опуская оберег в ямку. — Может, свидимся когда-нибудь...

Губы мои задрожали, а я сделала над собой усилие и зарыла узелок.

— Если что... — прошептала я, надеясь, что он меня слышит. — Я люблю тебя... Замуж еще раз не пойду. Не хочу. Просто ждать буду...

И тут мне горло сдавили слезы. Я засыпала ямку, отряхнула руки, шмыгнула носом и пошла к бабе Дуне.

Слезы все стояли в глаза, а я чувствовала, что мне сейчас хочется больше всего на свете заплакать.

— Ну, полно тебе, — прошептала Баба Дуня. — Потихоньку все наладится. Не горюй...

Я хотела обернуться, но Баба Дуня одернула меня.

— Не оборачивайся. Нельзя! — произнесла она, а я просто задрожала, чувствуя, как слезы текут по щекам вниз.

— Как домой придем, как пирогов поедим, — нараспев произнесла Баба Дуня.

— Что мне те пироги? — безжизненным голосом ответила я.

Баба Дуня умолкла, и всю оставшуюся дорогу мы шли молча.

Вечер уже опустился на терем, когда я умылась, переоделась и даже немного поела.

— Ну все, спать ложись! — послышался ласковый голос Бабы Дуни. — Будем надеяться, что не придет!

«Буду надеяться, что придет!», — мысленно прошептала я, глядя в густую ночь за окном.

Глава 46

Ноги гудели после такой долгой прогулки, а я прямо чувствовала, как они звенят. Усталость закрывала мои глаза, и я, не успев ничего толком обдумать, уснула.

— К худу или к добру? — слышался голос, а я почувствовала тяжесть на груди.

— Что? — спросила я, кашляя. Такое чувство, словно на грудь положили стопудовую гирю.

— Храпишь ты чего? Вот я тебя и спрашиваю! К худу или к добру? — спросил домовой.

— К звиздюлям домовому, — произнесла я, а он обиделся.

— Не буду больше защищать, — проворчал он. — А то защищаешь вас, защищаешь, а вы неблагодарные.

Тяжесть исчезла, а я вздохнула полной грудью.

Домовой вздохнул. Он вздыхал, как старичок, а я понимала, что он у нас своеобразный. Сон снова обнял меня, как вдруг я почувствовала холод.

— Лесьяр! — подскочила я, увидев князя. — Лесьяр!

Я слетела с кровати, подбежала и обняла его.

— Значит, по судьбе... По судьбе ты мне, — шептала я, радуясь.

— Я тебя вчера чуть не загубил... — произнес князь. — Я противиться себе не мог. На погибель тебе прихожу...

Я почувствовала, как он руку в мои волосы запустил. А я крепче к нему прижалась.

— Не должен я к тебе ходить, — слышала я голос. — Не должен... Я ходил к тебе, потому что тянуло меня. Силой тянуло, тащило... Не было покоя, пока тебя не видел... Словно жилы крутило без тебя. С тобой плохо, а без тебя еще хуже...

— А сейчас-то чего пришел? — прошептала я. — Раз тебе со мной плохо было...

— Поменялось все, — заметил Лесьяр. — Когда в две последние ночи приходил, так чувствовал, что по своей воле к тебе иду... Люба ты мне, Милана... Люба... Уж не знаю, почему, но любя... И только

тогда понял я, что от того, что к тебе хожу, я тебя в могилу за собой тащу. Поэтому попрощаться пришел... Хочу, чтобы ты жила.

Я почувствовала, как внутри все сжалось. Руки крепче схватили его одежду.

— Чтобы не горевала. Чтобы замуж вышла. И детки по терему бегали. А я оттуда посмотрю, сердце потешу, — слышался голос мужа.

У меня на глазах слезы выступили.

— Мертвый я. Негоже мертвому к живой ходить, коли любит он ее, — слышался голос. — Так сильно, как я тебя полюбил...

— Нет!!! — яростно закричала я, не отпуская его. — Нет!!!

Мне казалось, мой крик должен разбудить даже деревню.

— Раньше эти слова бездумно говорил, словно заставлял кто-то, а сейчас от сердца идут они, — прошептал Лесьяр. Он сжал меня покрепче. — Не хочу с тобой прощаться. Думаю, как бы счастливы мы были бы... Как бы домой стремился, зная, что меня ждет моя жена — красавица. А потом еще и детки малые... Как на пиру бы обнимал тебя да целовал всем на зависть. Я же как думал. Сейчас соседей приструню, границы расширю, чтобы в спокойствии и мире жить. Ты бы мне обереги вышивала да заговаривала. А я бы целовал их перед битвой, зная, что твоя любовь меня хранит. И вернуться я должен живым, чтобы снова обнять тебя. Чтобы подарок тебе вез, а ты радовалась. Достану, полюбуюсь, а внутри, словно огонь вспыхнет. И поцелуи твои вспомнятся. Как там краса моя ненаглядная? Ведь жена — это сердце. Где бы я ни был, сердце здесь, с тобой.

— И что? Не изменял бы? — спросила я.

— А почто мне другая? — спросил Лесьяр, удивившись. — Я же тебя выбрал, так почто мне другая? Я перед богами выбор свой делал. Как я потом перед ними предстану? Скажут, что ж ты, Лесьярушка, жену-то выбрал, а к другим хаживал? Ты что? Насмехаешься над нами?

Как все серьезно. Если учесть, что я сегодня сама с высшей силой разговаривала, то получить неиллюзорные звиздюля от высших сил здесь, как два пальца обтесать!

— Чтобы состариться рядом с тобой, да сыну нашему княжество передать. Достойным мужем его вырастить. Дочек наших замуж выдать, на свадьбах погулять... И внуков на руках покачать... А потом

вместе в Навь уйти, чтобы роду своему помогать. Чтобы ты мудростью своей и словом ласковым потомков утешить могла, а я — беду отвести да силу дать.

Пока он говорил, у меня вся жизнь перед глазами промелькнула. Той, которой не было, но которая могла быть...

— Так что прервался мой род, княжий, — заметил Лесьяр. — И мне пора уходить. Не стану больше тревожить. А то пока тревожу, рана зажить не сможет.

— Не надо, не уходи, — прошептала я, растирая глаза рукой.

— Возвращаюсь я в Навь, где мне и место, — слышался голос, а он таять начал. Вот только что обнимала, а теперь он, словно призрак.

— Нет! Нет! Нет! — закричала я, пронзительно и отчаянно.

Мои руки сомкнулись, обнимая пустоту.

Пару мгновений я стояла, словно громом пораженная. А потом покачнулась. Меня занесло так, что пришлось опереться на кровать.

Прикрыв глаза, я почувствовала, что у меня почти нет сил встать. Мир вокруг меня застыл, выцвел, замер.

— Будь проклят тот день, когда я попала сюда, — вырвалось у меня, а со словами выходила боль.

Я выла. Выла по- бабьи. Не плакала. Просто выла. Как собака, которую бросили.

— За что я попала сюда? За что мне все это? — выла я, с шумом втягивая воздух сквозь решетку зубов. Обжигающие слезы катились по щекам.

Я кричала, обнимала себя, тряслась, лежа на полу, умирая от боли. Словно кусок из меня вырвали.

Не знаю, сколько я так лежала, то всхлипывая, то замирая, как вдруг задремала.

Вот как после такого жизнь дальше строить? Я понимаю, когда в отношениях тебя били, мучили и словами всякими нехорошими обзывали. После таких отношений, любые хорошими покажутся. Хотя бы те, где нет привычки визжать, какая ты неряха, будут казаться небом в алмазах! Да таких пруд пруди, если приглядеться!

А как быть тем, у кого счастье было и любовь? Вот им тяжелее всех! Как найти такого же?

И тут я встала.

Я знаю, к кому я сейчас пойду.
И горе тому, кто мне на дороге встретится!

Глава 47

Я вышла и просто пошла. Внутри было чувство решимости, которое не таяло. Из-за того, что на улице стояла темная ночь, дорога казалась сном.

Я просто шла, понимая, что есть только цель. А все, что станет на моем пути, сильно пожалеет.

Пройдя деревню, я пошла по дороге, видя, как чернеет лес.

«Мора!», — звала я мысленно. — «Мора!».

Но она не отвечала, а я понимала, что буду стучаться до тех пор, пока мне не откроют.

Все вокруг казалось таким странным, что я ущипнула себя. Не хотелось бы обнаружить, что я уснула возле кровати, а вся дорога — это часть сна.

В лицо подул холодный ветер, а я успела даже озябнуть, но почти не чувствовала этого.

— Мора! — позвала я в темноту. — Мора — Марьяна!

Если она жизнью и смертью повелевает, то наверняка помочь сможет. Я что угодно сделаю, лишь бы вернуть.

На пути никто не встретился.

Я шла через поле, которое все еще было не убрано. В ночной тишине мне слышалось, как волнами шелестит высокая рожь. Мне показалось, что во ржи кто-то пробежал. Рожь достигала мне почти до груди, а это кто-то был размером с большую собаку.

— Милана, — послышался знакомый голос.

Сначала я подумала, что мне почудилось.

— Милана, — отчетливо за спиной произнес голос Лесьяра. — Милана...

Он повторил мое имя, а я на секунду остановилась.

— Милана, — голос стал ближе.

И тут я вспомнила страшную сказку бабы Дуни про какого-то... слово смешное, да дырку похожее... Ырка! Вот оно что!

Я ускорила шаг, чувствуя, как страх пронимает меня до кости. И в тихом шелесте пшеницы раздается знакомый, дорогой сердцу голос, зовущий меня по имени.

— Мы, вообще —то расстались! — заметила я, стараясь не сбиваться с курса. Страх пронимал такой сильный, что ноги, отказывались идти дальше. Мне стоило невероятных усилий заставить себя идти вперед.

— Милана, обернись! — послышался голос, словно мне сюрприз готовят. А я уже слышала, что это за сюрприз такой!

Тишина угнетала. Она душила меня. И этот голос. Так, переходим к проверенной тактике. Главное, не паниковать!

— Ах ты, мерзавец! — закричала я. — Пошел прочь, козлина растакой! Видеть тебя не могу! Значит, так, иди обратно к своим Любе, Свете и остальным!

— Милана, — послышался голос.

«Просто представь, что за тобой бывший гонится. Вернуть пытается!», — успокаивала себя. — «А он еще тот, козлина!»

— Да я прекрасно знаю, как меня зовут! — возмутилась я, решив обескуражить чудовище скандалом. — Между нами все кончено! Я любовниц не потерплю! Даже не пытайся меня остановить! Видеть тебя не могу!

Я старалась ускорить шаг еще, но не могла. И так уже из сил выбивалась.

И тут я почувствовала, как он побежал. Я бросилась бежать, видя перед собой лес. Я слышала погоню, выбивалась из сил, понимая, что жизнь иногда страшнее сказок бывает.

— Милана! — требовал голос, а я вбежала в лес.

Внезапно лес поднялся, зашумел, пока я пыталась вскочить на ноги.

Я попыталась залезть на дерево, понимая, что ничего более полезного в голову не пришло!

Но тут я увидела, как лес прогоняет нечто, похожее на Голлума. Лысый, серый силуэт в лохмотьях, передвигающийся на четвереньках пятится обратно в поле. Я навсегда запомнила два горящих круглых глаза, от которых внутри все замерзло от страха.

— Спасибо, — прошептала я, отряхиваясь. Ноги меня не держали, но я понимала, что часть пути проделала. Осталось еще немного.

Вот не зря баба Дуня взятку ему давала. Надо будет запомнить.

Лес не казался мне опасным, хотя выглядел густым и дремучим. Тропка петляла под ногами, как вдруг свернула, и я увидела ворон на

ветках. Такое количество птиц как бы намекало, что я иду в верном направлении.

Пройдя еще немного, я увидела знакомую избушку.

— Мора — Марьяна! — кричала я, стуча. — Открой...

Вороны смотрели на меня светящимися глазами. Их здесь были сотни, тысячи... Тысячи страшных птиц смотрели на меня точками глаз.

«Думай о том, что это гирлянда!», — выдохнула я, снова стуча кулаком в дверь.

Я снова посмотрела на птиц.

«А что если они сейчас сорвутся и бросятся на меня все разом?», — пронеслась в голове мысль.

«Да хоть бы и так!», — прошептала я, снова стуча в дверь.

Вороны волновались. Казалось, деревья зашевелились от такого обилия птиц. Некоторые хлопали крыльями, начинали хрипло кричать. Резкое карканье разрывало полог тишины.

— Мора! — позвала я.

«Иду, иду, тебе на беду!», — послышался голос внутри головы.

Дверь открылась, а я вошла в избу.

— Как мне его вернуть? — спросила я с порога. Ни здрасте, ни до свидания. Вся вежливость, все расшаркивания куда-то делись.

— Присядь! Вон какой путь прошла... — заметила Мора-Марьяна. И умолкла.

Ну, раз не гонит, то, значит, что-то знает.

— А ты мне говорила, что ни на что не способна! Вон как ловко управилась! — послышался голос Мора — Марьяна. — Такой путь преодолела... А я все думала, хватит силушки у тебя, или нет.

— Можно ли его вернуть? — спросила я, чувствуя, как внутри все дрожит от решимости и нетерпения.

— А коли скажу, что можно? — усмехнулась Мора — Марьяна. — Пойдешь?

— Пойду, — сглотнула я. — Куда угодно пойду.

— Вот, то-то же, — заметила она. — Эх, по судьбе тебе князь вышел. Коли бы нет, то ни за что помогать не стала бы! Тебе сейчас в Навь идти надо. И там князя своего искать. Только знай, многие им прикинуться могут. Всем хочется еще землю потоптать да солнце повидать. А времени у тебя совсем немного будет. Пока свечка горит!

— Опять свечка?— ужаснулась я.

— Коли поспеешь его разыскать, на шею ему вот это наденешь. А сама поведешь, куда путь укажу. Только пойдет он за тобой, а ты не оглядывайся, что бы ни услышала. И звать будет, и просить будет... Коли сможешь — твой будет. К жизни вернется.

Я молчала. До сих пор помню туман и страшные голоса. А один Горыныч чего стоит!

— А коли не сможешь да не сдюжаешь, то вороной каркать у меня будешь! Пока срок свой жизни не доживешь! — усмехнулась Мора — Марьяна. — Так с князем и не свидитесь вовек! Или че думала? В Нави с ним тебя оставлю?

Так вот откуда здесь только ворон! Это все люди, которые хотели близких вернуть. Нда, я смотрю, шансы на успех так себе!

— Ну что, идет? — спросила Мора — Марьяна и руку протянула.

— Я согласна, — прошептала я, пожав ее руку.

— Значит, вот тебе клубок. Он тебя до Ягини доведет. А вот тебе свечка. Только смотри, чтобы не погасла. А то сразу вороной обернешься. Нравишься ты мне, больно. Силы в тебе колдовской огого сколько кроется.

Мне в руки дали свечу и клубок.

— Может, оберег какой-нибудь сделаете? — спросила я.

— Ишь тыт! — возмутилась Мора — Марьяна. — Тебе еще и оберег нужен! И так тебе помочь решила. Не каждому помогаю! Ну все, иди! Смотри, чтобы свечка не потухла!

В этот момент свеча вспыхнула у меня в руке.

Я вышла, как вдруг почувствовала, что подул ветер. Да такой, что пламя свечи чуть не погасло. Я испугалась, как вдруг увидела череп, лежащий в траве. Видимо, вороны заклевали. Я схватила его, вытряхивая мох, землю и камушки из черепушки и засунула в него свечу.

И вовремя! С ветки сорвалась ворона, огромная, черная, как ночь и бросилась на меня, пытаясь погасить свечу. Но ее когти ударились по черепушке.

— Пошла вон! — закричала я.

Ворона пыталась добраться до свечки, как вдруг они все налетели, заставив меня бежать.

— Забыла сказать, — слышался в голове голос Моря — Марьяны. — Сами они когда-то не сдюжали, а теперича всем зла желают. Чтобы другие тоже не сдюжали. Вот поэтому и на части порвать готовы, чтобы как у них все вышло!

Глава 48

Вороны атаковали со всех сторон. Каждая пыталась выбить из рук свечку. Я пригибалась к земле, чувствуя, как острые когти рвут на мне одежду.

Здоровенные птицы яростно кричали, хлопали крыльями, налетали на меня, но я сжимала череп и свечу, не давая ее погасить.

— Пошли вон! Завистники! — закричала я. — Сами не справились, что теперь другие должны страдать? Да? У самих не вышло, так другим даже попробовать нельзя! Правильно вас в ворон обратили! Ай!

Одна из ворон дернула за волосы так, что у меня искры из глаз полетели.

— Леший, прошу тебя! Помоги! — закричала я, понимая, что от стаи сама не отобьюсь. — Леший, прости, что без дарочки! Вот! Возьми перстень! Ленту! Только спаси!

Я услышала, как деревья зашумели, а я с моего пальца перстень соскользнул.

— Кар-кар! — разлетались вороны, а я услышала торжествующий «Кар!» уже в тот момент, когда осознала. Свечку я спасла, а клубочек, который должен был к Ягине отвести, унесла ворона.

Я осталась совсем одна посреди леса, расцарапанная, но со свечкой, которую чудом уберегла.

— Куда идти то? — прошептала я, чувствуя, как внутри меня плещется бездна отчаяния.

От этого отчаяния на глаза выступили слезы. Я заревела, понимая, что свечка без клубка — бесполезна.

— Вот что мне делать? — зарыдала я. — Что?

Я редела минут пять, пытаюсь идти в какую-то сторону, хотя, самой казалось, что я лишь сильнее углубляюсь в неведомую чашу.

Внезапно перед моими глазами появилась тропка. Тоненькая, а я даже удивилась. Но, выбора нет! Пойду по ней.

Я шла по тропинке, прижав к груди череп со свечкой внутри. Сколько же там ее осталось. Даже смотреть страшно. Но вроде тепло. Значит, горит...

Я вдыхала запахи сырости, грибов, мокрого дерева, наступая на хрустящие сучья и мягкий мох.

Я шла долго, а свечка все горела, как вдруг я увидела избушку. Ту самую, которую увидела в самый первый день в этом мире. Она стояла на двух столбах, вокруг которых клубился туман.

Серая, страшная, с поросшей мхом крышей, она вдруг показалась мне невероятным счастьем.

— Ягиня! — закричала я, понимая, что лес вывел меня, куда нужно. — Ягиня!!!

Я бросилась к двери, чувствуя, что сейчас расцелую ту жуткую старуху. В избушке все так же висела паутина. Чувствовался стоялый дух, какой бывает у старых домов, в которых давно никто не живет.

— Чавой-то ты орешь? — спросила Ягиня. — Раскричалась тут! Мертвые — тишину любят!

Она принялась ко мне.

— Живая, пока что, — сморщилась она. — Чаво надобно?

— Мне в Навь нужно! — потребовала я, вспоминая, как меня здесь к свадьбе готовили.

— Ну что ж, — заметила Ягиня. — В баньке тебя попарить надобно, чтобы дух человеческий отбить. Ибо сожрут тебя навьи, как только человеческий дух учуют...

Я поставила череп со свечкой на стол, быстро снимая с себя сарафан.

— Баня где? — спросила я так, словно купила абонимент.

— Ишь ты, какая поспешная! — усмехнулась Ягиня. — Нельзя спешить. Коли что пропустим, так останутся от тебя рожки да ножки!

Я зашла в баньку, чувствуя, как на меня потолок давит. До сих пор интересно, как в такой крохотной избушке столько помещается.

— Веничек тебе выберу, — заметила Ягиня, пока я пыталась успокоить себя и не нервничать.

Она меня охаживала веником так, что я чуть не визжала от боли.

— А что ты хотела! Весь дух человеческий выпарить надобно! — приговаривала Ягиня, пока с меня семь потов сходило.

— Ну вот, одевайся! — усмехнулась она, давая мне длинную белую рубаху. — Сейчас блинов сделаю. Помянем тебя, как звали...

Мне поставили на стол серые блины.

— Кто ж послал тебя? — спросила Ягиня.

— Мора — Марьяна, — произнесла я, чувствуя, что у меня на нее обидка собралась. Нельзя было про воронов раньше сказать?

— Ты ж теперича мужниного роду, не так ли? — спросила Ягиня. А я не понимала, какое это имеет значение.

— В смысле? — спросила я.

— Слушай меня внимательно, — слышался голос Ягини. — Жаль меня тебя, девка...

Голос Ягини до шепота понизился.

— На смерть тебя Мора послала. На погибель верную, — слышался голос Ягини. — Век будешь искать мужа сваво, да не сыщешь... Да вот тут подковырка одна есть... Ты же теперича мужниного роду, не так ли? Для сваво роду ты — чужая. Так что, коли припечет, род мужа зови... Пушай они на твою защиту встанут. Только не попусту. Попусту не придут... Был у меня тут Ивашка Безродный. Пошел да сгинул. Некого на помощь звать было. Безродный он.

— Мне что? Нарочно опасность искать? — спросила я.

— А вот тут я тебе не советчик! — слышался голос Ягини. — Только род придет, а ты князюшку своего должна среди них узнать. Он-то тебя не признает. Или виду не покажет. А ты на него сразу надевай и за собой тащи.

— А куда тащить? — спросила я.

— Обратно. Ко мне! — слышался голос Ягини. — Только так он снова живым станет. Навий дух их него вытрясем, умоем да будет он живехонький.

Она прошла по избе, а потом громко так сказала: «Ну, че рассиделась? Али испугалась?!»

— Нет, не испугалась. Пойдем, — выдохнула я, понимая, что совет Ягини мне больше нравится.

Она вывела меня из избы, а сама стала что-то шептать, рассыпая траву.

Я посмотрела, сколько свечки осталось, и сжалась в комочек. Времени —то у меня совсем нет!

Глава 49

Туман полз со всех сторон, напоминая белый дым. Было в нем что-то страшное, пугающее. Словно внутри что-то противилось ему. «Не трожь! Не трожь!», — орало что-то внутри, когда холодные лапы тумана прикасались к коже.

Я подергала плечами, чувствуя, словно по спине изморозь пошла.

— Готово, — произнесла Ягиня. — Иди! Свечку береги, да род тебе в помощь! Ой, погода! Забыла! Сейчас!

Ягиня исчезла в избе, а потом вышла с тремя морковками.

— Вот, пригодиться! — усмехнулась она. — Для Горыныча!

Что? Морковка? Для Горыныча? Он что? Кролик?

Звучало как-то не вероятно.

— Ты смотри! — заметила Ягиня. — И да, как мост перейдешь, ни с кем на той стороне не заговаривай. Иначе дух живой учуют.

Я шагнула в туман, которые окутал меня, пробирая замогильным холодом до кости. В первый раз как-то попроще было, кажется.

Туман стал рассеиваться, а я снова вдохнула стоялый воздух. Здесь не было ни запаха старого дерева, ни леса, ничего... Просто воздух.

Я прижала руку к лицу, приняхиваясь. Передо мной возникла тропка, которая змеей уползала в туман.

Я шла по ней, чувствуя, как ко мне прикасается холод тумана, как он пытается понять, что я такое?

— Милана, — шептали мое имя силуэты, которые появлялись из тумана, а я чувствовала, что должна идти дальше.

Пока еще я не знала, куда именно я иду, но шла, стараясь не сходить с тропы.

«Милана!», — прошептал силуэт женщины, зависший передо мной, а я отмахнулась. Ее голос раздался сзади.

— К сожалению, абонент сейчас не может принять ваш звонок, поэтому воспользуйтесь голосовой почтой или перезвоните попозже! — огрызнулась я, чувствуя, что если все получится... Ах, если все получится, я буду самой счастливой. Господи, да я его сама зацелую, только бы получилось!

— Надо же, — прошептала я. — Столько сидеть на сайтах знакомств, столько неудачных свиданий, тупиковых отношений, чтобы однажды, в чужом мире встретить его... И ведь сразу же не поняла. Наверное, так всегда бывает!

— Что мне утра свет, что мне ночи тьма, — прошептала я, сглатывая. Огонек светился из глаз черепа, а я благодарила безвестного человека, который подарил приют для огня.

Где-то на горизонте забрезжил величественный хребет моста. Я поспешила к нему. Уже ступив на плиты, я почувствовала, как мост трясется.

— Горыныч, — обрадовалась я. — Горыныч!

— О, — обалдела одна голова, выныривая из гущи тумана. — Ты к нам насовсем или как?

— Мне, видимо, надо туда! — указала я, на другую сторону моста. — Живых пускать не велено! — пророкотала одна голова.

— Но это легко исправить! — добавила вторая, тонко намекая.

— Гляди, у нее свечка! — послышался грохочущий голос третьей головы. Она вынырнула с другой стороны моста. — Неужто опять замуж собралась?

— Не-а, — помотала я головой, пытаюсь пройти по мосту дальше.

— Даже не думай! — прогрехотали головы почти хором. — Пускать не велено!

И, словно в подтверждение слов, одна голова огнем полыхнула. Яркое пламя рассекло туман.

— Живой идти туда не велено! — послышался рокот, а одна из головы выпустила клубы дыма.

— А если попрыгаю! — заметила я. — Или поползу? Это тоже будет считаться?

— А ты попробуй! — послышался рев, похожий на раскат грома. — Или победи меня! Тогда пройти сможешь!

Так, об этом мне не рассказывали! Идея с морковкой казалась мне шуткой Ягини.

— Так, а что если... — начала я, доставая морковку.

Сейчас я думала, он просто фыркнет, но я услышала жуткий рев сразу трех голов. Казалось, мост задрожал.

— Морковка!!! — заревели головы, ошарашив меня. Не то, чтобы я была лучшего мнения о Горыныче, но чувство было довольно

странное.

— Я морковку оставляю, — прошептала я. — Только если меня пропустят!

— Иди уже! — слышались голоса, а я увидела, как из огромных пастей текут слюни.

— Вот тут положу, — произнесла я, бросая морковку назад и бегом ломанулась бежать на ту сторону.

За спиной слышались ужасающие звуки.

— Моя! Ты уже две съел!!! — рычал жуткий голос.

— Да не ел я!

Казалось, сейчас мост обрушится от того, что происходит там, за спиной.

Я сбежала с моста, чувствуя, что здесь стало совсем холодно.

— Свечка? — прошептала я, радуясь, что свечка уцелела.

Здесь туман был гуще. Мне приходилось с трудом отрывать ногу от земли, словно я какой-то космонавт.

Туман обступал, а я в нем отчетливо проступали силуэты людей. Они что-то говорили мне, убеждали, а я чувствовала, как на меня накатывает такая тоска, что тут же захотелось все бросить и...

— Род! Призываю свой род! — опомнилась я, когда души обступили меня. — Пусть мой род встанет на мою защиту!

Слова вырвались, словно пар на морозе.

Свечка затрепетала, а я попыталась вырваться из плотного кольца, окружившего меня. Покойники тянули ко мне руки, словно хотели притронуться, а я прижала свечу к груди.

— Родушка! Помоги! — прокричала я, а мне казалось, что у меня изо рта вырвались остатки тепла.

— Живая... Живая... — тянули ко мне руки мертвецы, а я чувствовала, словно от каждого их прикосновения меня сто спицей холода пронизывает. — Живая...

А среди них я увидела лицо Миланы. Бледное, холодное, похожее на то, что я в зеркале видела. Она потянула руки к моей шее, глядя на меня пустыми глазами.

Мне казалось, что мое тело превратилось в кусок льда. Я даже пошевелиться не могла. Руки как окостенели, когда я прижимала к себе свечу.

— Родушка... — позвала я угасающим голосом.

И тут я увидела, как покойников размело по сторонам. Они бросились, словно призраки обратно в туман. Стуча зубами от холода, я увидела могучих мужчин, красивых женщин, стариков и старух...

Они стояли и смотрели на меня, а я чувствовала, как сердце замирает.

— Лесьяр! — позвала я, но никто не отозвался.

Я попыталась пошевелиться, но каждый шаг давался мне с таким трудом, что внутри все противилось.

Молчаливый Род окружил меня, а я бегала глазами по лицам. Не он, не он, не он... И это не он...

Неужели его здесь нет?

Неужели среди них нет моего Лесьяра?

И тут я увидела знакомое лицо. Такое же молчаливое и спокойное. Он смотрел на меня с равнодушием.

Я бросилась к нему, как вдруг увидела, что Род стал исчезать. Один за другим. Где этот науз? Где эта фенечка?

Я отвязала ее замерзшими пальцами от кисти руки, а потом бросилась к Лесьяру. Еще два шага, как вдруг...

Он стал таять.

— Нет! — закричала я. — Нет!

И тут же надела ему на шею науз. В этот момент он стал осязаемым, но все таким же молчаливым и спокойным.

В этот момент Род исчез, а Лесьяр остался. У меня получилось! Получилось!

«Все, это моя добыча!», — кричало сердце. Я схватила его за холодную твердую руку.

В одной руке я держала свечку, в другой руку мужа.

Я спешила к мосту, понимая, что свечка не может гореть целую вечность. Я глянула, а там остался один огарочек! Совсем маленький, в два пальца!

— Пойдем, милый, — шептала я в исступлении. Откуда у меня только силы взялись тащить его за собой. А он упирался. Но я сопела и тянула. Силы таяли с каждым шагом, но я понимала. Этой — мой шанс. Мой шанс быть счастливой!

Когда-то он меня из Нави вывел. А теперь моя очередь!

— Идем! — звала я, словно это должно было помочь. На мгновение я отпустила его руку, но тут же схватила, чувствуя, как за

эту секунду сердце успело рухнуть вниз и разбиться вдребезги.

Над мостом клубился туман и слышался ужасающий рев.

— Не пущу! — слышался рев, а я достала еще одну, последнюю морковку. — Мертвое должно остаться на том берегу!

Я что? Дура всем подряд верить? Я же понимала, что надо будет как-то возвращаться? Поэтому две морковки я бросила сразу, а одну на обратную дорогу оптимистично прихотнула.

— А за морковку? — спросила я, подбрасывая в воздух морковку.

Я бросилась бежать, слыша, как головы Горыныча кладают зубищами над головой, пытаюсь ее поймать. От страха я пригнула голову, боясь, что зацепят.

— Идем, Лесьярушка, идем, — шептала я себе.

Стоило мне пересечь мост, как рука Лесьяра выскользнула из моей руки.

«Иди и не оглядывайся!», — вспомнила я, но внутри был такой страх, что я затряслась. А вдруг он обратно вернулся? Вдруг за мной не пошел?

Я шла по тропинке, понимая, что свечка уже вот-вот...

Стиснув зубы, я просто шла вперед.

— Милана, — слышался голос. — Милана...

«Тебя чему ырка учил? Не оборачивайся!», — напомнила себе я.

— Милана, я дальше не пойду... — слышался голос.

— Пойдешь, — прошептала я, не оборачиваясь. — Пойдешь, миленький. Я пойду, и ты пойдешь...

А что если это правда? Вдруг он обратно повернул?

«Не оборачивайся!», — твердила я себе, словно в этих двух словах сосредоточен целый мир.

Я шла, стараясь не дрожать. Свечка уже стала тусклой. Огонек метался, а тропка все не кончалась.

— Сзади! Милана! Обернись! — закричал Лесьяр, а я чуть не обернулась, но расплавленный воск залил мне руки, словно возвращая чувство реальности.

Ой, мамочки... Я чуть не обернулась! Еще бы чуть-чуть...

Я видела, как тропа обрывается. Я почти пришла. Почти...

Дойдя до конца тропы, я шагнула в туман.

Я очутилась в лесу, среди тумана. Огонек внутри черепашки дрогнул несколько раз и... погас.

— Лесьяр! — закричала я, осматриваясь по сторонам. — Лесьяр!

— Живой, живехонький! — рыдала я, захлебываясь и падая ему на грудь. В этот момент князь, словно очнулся, обнимая меня так, что у меня чуть дух не вылетел.

Я редела, тянула его за одежду, целовала, путаясь руками в его длинных светлых волосах.

— Ты как, мой хороший? — прошептала я, сдавленным от слез голосом.

— Ты что? За мной в Навь пошла? — спросил Лесьяр.

— Я же сказала, что без тебя ничего не хочу... — прошептала я. У меня глаза щипало от слез. — Ты же сам деточек хотел, чтобы по терему бегали. Чтобы мы вместе на пиру сидели и этот... как его... верхо.... что-то там ели...

— Да погодьте! Сейчас надо навий дух из него выгнать. А не то от него за версту покойником разит! Сейчас в баньке попарим, блины поест, отойдет... — прокрипела Ягиня. — Эх, девка! Ты даешь! Давненько у меня никто покойников обратно не возвращал. Многие уходили, да сгинули. Или ни с чем вернулись. А ты — смогла! Сдюжала!

Я смогла. Нет, я действительно смогла!

— Ну, все! В баню идите! Оба! Надо навий дух с вас вытрясти! А то вон, бледные, как покойники! А ну марш в баньку!

После бани я чувствовала, словно в меня вдохнули жизнь. Даже мир приобрел краски.

— А теперь по блину — и вон отседова! Чтобы я вас больше не видала! — пригрозила Ягиня.

И мы пошли. Мне было совершенно все равно, как быстро мы дойдем до княжеского терема. Лес вел нас тропинкой, а я мысленно благодарила Лешего за то, что три раза помог мне. Нет, все-таки ему надо еще дарочку отнести. Хороший он.

Мы вышли из леса, а нам в глаза ударил рассвет. Я крепко держала руку любимого, видя, как он смотрит на солнце.

Молча, без слов, он прижал меня к себе. Княжий терем виднелся на горизонте, а я припала к груди мужа, слушая, как гулко бьется его сердце. Мне кажется, я буду слушать это вечно...

— Что такое? — спросил Лесьяр, глядя по голове.

— Сердце слушаю твое, — прошептала я.

— И что оно говорит? — улыбнулся муж.

— Оно стучит! — прошептала я, проводя рукой по его груди. О, мамочки! У него руки теплые! Теплые! Я прижала руку к своей щеке, чтобы убедиться в этом.

— А мне кажется, оно говорит, что любя ты мне, — заметил Лесьяр.

Я почувствовала, что плачу. Просто плачу. О, если бы кто-то знал, как это бесценно слышать биение сердца дорогого человека! Не слова любви, не красивые речи, а просто биение сердца.

— А сейчас-то ты чего плачешь? — спросил Лесьяр, глядя на мои слезы.

— А вот сейчас мне Горыныча жалко. Ему же одна морковка под конец досталась. Какие-то две головы без морковки остались...

А потом был пир. Я смотрела на весь этот удар по печени, а потом отважилась кое-что попробовать. Скажем так, на любителя. Особенно щучьи головы.

Свадьба, которая оборвалась так страшно и внезапно, наконец-то началась снова. Но этот раз все было по-другому.

— Раздевайся, жена! — с улыбкой произнес молодой князь, как только резная дверь в княжескую опочивальню закрылась. Сейчас эти слова прозвучали по-другому. И я с улыбкой стала снимать с себя украшения и расплетать косу.

Он подошел и крепко поцеловал меня, заставив мои колени прогнуться от предвкушения.

Наряд княгини рухнул на пол, а я почувствовала, как князь встал на колени, а поцелуи склонились к моей груди. Сильные руки обняли меня, тревожа мои бедра, а потом меня резко подняли на руки и уложили на кровать.

— Как же ты мне любя, — шептал князь, в исступлении. — Сердце мое, душа моя...

— Любя, — шептала я, глотая слова, словно эхо.

Мое тело перестало подчиняться мне, но стало подчиняться ему. Каждое мгновение я чувствовала, как сплетаются наши нити жизни, словно две змеи, которые переплетаются вместе.

Каждый поцелуй вызывал прилив жара к щекам, а я понимала, что вот теперь я счастлива.

И только под утро, лежа на груди мужа, я услышала, как за дверью ходит баба Дуня.

— Пошли вон! Пусть молодые потешатся, — гоняла она. — Вон, как они любовь свою выстрадали! Сколько натерпелись!

Эпилог

Баба Дуня

Ну что, мои хорошие, расскажу вам, что дальше было.

Как вернулись они, так я чуть дар речи не потеряла. Да и все, как князя увидели, так сначала перепугались, а потом поняли, что живой он.

Слыхали они, что мертвых вернуть можно. Да давно это никому не удавалось. Даже я думала, что это — сказки, а не сказка оказалась. Князь-то живехонький!

Зажили с тех пор князь с княгиней. Боярам быстро князь рот закрыл. А кто не согласен был, так полетели головы. Так им и надо! А нечего на Миланушку наговаривать. Князь — то сам все и так знал.

Как весть пошла, что князя жена его из Нави вытащила, так к нам тут приезжать стали. На князя посмотреть. А он живехонький, сидит да жену обнимает.

Смотришь на них, и сердце радуется. Это ж надо так любить друг друга. Глаз друг с друга не сводят. Как прижмется княгинюшка к князю, так у меня сердце радуется.

Княгинюшка наша, правда с тех пор в темное одеваться начала. Череп в горнице поставила. Я у нее про череп этот спрашивала, а она ничего не говорит. Лишь усмехается.

Сидела княгинюшка, училась, руками повторяла. Сначала, конечно, не получалось. Но потом ловко плести начала. Ее обереги силу ого-го какую имели. Как князь в поход, так она ему оберег сплетет. Сама со словами заветными на шею наденет. Люди — то ее ведьмой считать стали. Ну еще бы, стала княгинюшка моя все про наузы узнавать. Учили ее бабки старые, как плести, что говорить. Она к Море — Марьяне ходила. Училась. Это я ей сказала. А то зла была княгинюшка на Мору — Марьяну. А я ей говорю, что она ее испытывала. Смотрела, как сердце решимостью горит. А то ведь сколько перегорало. Нельзя на древних богов обижаться. Они все лучше видят. На то они и боги.

Я своими глазами видала, как стрела от него отскочила, а узелок на груди загорелся. Вот, коли бы сказал кто-то, ни за что бы не

поверила! А так, своими глазами видала. Теперь понятно, почему князь невредим отовсюду возвращался.

Скоро и бояре ей в ножки кланяться начали. Вот такую власть она имела не только над сердцем князя, но и над людьми.

Вон и мне науз сплела. Сказала: «Баб Дунь, держи! Чтобы спина не болела!». Так ведь с тех пор не болит!

А сила — то у нее от бабки ее. Бабка ее и не такое могла сотворить!

Через год сыночек у князя и княгини родился. На лицо — вылитый князюшка. Я все думала, что залюбят они его, но нет. Вроде, не баловень. Подойдет, бывало: «Баб Дунь, расскажи сказку!». А я ему про Лешего да про кикимору, про домового да про ырку расскажу. И про покойников. Уж дюже он про покойников любит былички.

Княгинюшка тут же и ему оберег сплела и сама на шею надела. Теперь опояски плетет. Говорит, что одного оберега мало. Нужно больше.

А потом две дочки разом у них родились. Счастья такое было, что прямо гуляли всем княжеством.

Смотрю, красавицы растут. И снова в батюшку!

Прямо обида берет. От матушки только глаза забрали. А Миланка у меня тоже красавица. Пусть вон следующая дочка в нее будет. Прямо загадала.

Уже сколько вместе живут, а князь с княгиней насмотреться друг на друга не могут. Уже и на свадьбах люди желают, чтобы молодые любили друг друга, как князь с княгиней. Ни разу не слыхала, чтобы друг на друга прикрикнули, как это в других семьях бывает. Ни разу не слышала, чтобы разругались.

Князюшка наш все земли вокруг собрал. Теперича никто на него войной не идет. Боится. Знает, что как с того света вернулся, так его ни меч, ни стрела не берет. Ну и пусть! Нас не трогают, и мы их не тронем.

Княгиня загорелась школу открыть. Чтобы детей учить. Ну да ладно, пускай учатся. Мне уже поздно. А это вон, что-то на бересте скребут, показывают. Если бы я че понимала, а мне все ладно да славно!

Да, было времячко, когда боги да сила нечистая среди нас ходили. Где помочь могли, а где испытать, где подсказать, где на путь истинный направить. Сама своими глазами видала.

Вот так вот, мои хорошие...

Если вам нравится славянский фольклор, вы хотели бы больше узнать о нечистой силе, об ырке, заложенных покойниках, о том, как мертвые к живым ходили, приглашаю вас на канал автора:

<https://t.me/vinchesterovna>

Здесь вы сможете послушать старинные былички про нечистую, узнать о жутких обрядах и пообщаться с автором.

Nota bene

Книга предоставлена [Цокольным этажом](#), где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN/прокси.

У нас есть Telegram-бот, для использования которого нужно: 1) создать группу, 2) добавить в нее бота по [ссылке](#) и 3) сделать его админом с правом на «*Анонимность*».

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:
[Жена мертвого князя](#)